

РУСЛАН
МЕЛЬНИКОВ

Фэнтези-коллекция

Орден

Тевтонский крест
Тайный рыцарь
Крестовый дранг

Фэнтези-коллекция (АСТ)

Руслан Мельников

**Орден: Тевтонский
крест. Тайный рыцарь.
Крестовый дранг (сборник)**

«АСТ»

2004, 2005

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Мельников Р. В.

Орден: Тевтонский крест. Тайный рыцарь. Крестовый дранг
(сборник) / Р. В. Мельников — «АСТ», 2004, 2005 — (Фэнтези-
коллекция (АСТ))

ISBN 978-5-17-107669-6

Отряду ОМОН поставлена задача усмирить бритоголовых подростков. Вспыхивает настоящая уличная война. А недалеко тем временем вожди скинхэдов, помешанные на мистике Третьего Рейха, приступили к таинственному колдовскому обряду. Случайный удар милицейской дубинки по украденному из местного музея экспонату – и омоновец Василий Бурцев проваливается в глубину веков, в тот роковой год, когда татарские орды вступили в пределы Польши... Омоновец давно сменил милицейскую дубинку на рыцарский меч. И рвать из ножен заточенную сталь ему не привыкать. Он ныне княжеский воевода и на своей шкуре испытал буйный нрав Господина Великого Новгорода. Пришлось усмирять толпу мятежников. Вече, скорый суд... Лишь вмешательство Александра Невского спасло Бурцева от верной смерти. Но и почетная ссылка в Псков не принесла покоя. Таинственное исчезновение супруги Агделайды, внезапное нападение – и воевода с верными дружинниками оказывается в Венецианской республике. Оттуда русичам предстоит отправиться дальше – в Святые Земли, где властвует тевтонский орден Хранителей Гроба. Где бродят слухи о чудо-оружии немецких колдунов.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-107669-6

© Мельников Р. В., 2004, 2005

© АСТ, 2004, 2005

Содержание

Тевтонский крест	7
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Руслан Мельников
Орден: Тевтонский крест. Тайный
рыцарь. Крестовый дранг (сборник)

© Руслан Мельников, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

Тевтонский крест

Пролог

– Наш информационный выпуск продолжит криминальная хроника...

Пока на экране мелькала заставка новостей, Василий Бурцев успел набросить куртку и впихнуть в карман подарок для Ворона – «Моторолу» последней модели.

Ну что, пора топать. Бурцев потянулся к телевизионному пульта.

Ведущая местного канала – псевдоблондинка с глупо-восторженными глазами начинала отчет о криминальной жизни их небольшого, но и отнюдь не маленького городка. И как начинала!

– Сегодня ночью совершено дерзкое ограбление краеведческого музея...

«Дерзкое ограбление музея»? Бурцев хмыкнул. До сих пор на его памяти дерзко грабили только банки, инкассаторов и бизнесменов. И то нечасто. Досмотреть, что ли, сюжетец?

Налетчики и правда действовали круто. И профессионально. Грамотно взломанная система видеонаблюдения, грамотно отключенная сигнализация, грамотно ликвидированная охрана... В прямом смысле ликвидированная: с неприглядной и бессмысленной мокрухой. Два труп – это вам не хухры-мухры. А из музея и пропала-то одна-единственная вещь.

Бурцев присел в кресло. Любопытно! Исчезла башенка на керамической подставке в виде небольшого холмика. Миниатюрная модель некоего древнего укрепления, выложенная из аккуратно склеенных камешков. Башенка – полая, внутри высечен то ли узор, то ли какие-то письмена. В общем, миленький такой сувенирчик. В прозрачной коробочке. Со свастикой. На футляре – надпись по-немецки: «Малая башня перехода № 2».

Куда перехода? Зачем перехода? Кто знает...

Экспонат пробыл на стенде «Трофеи Великой Отечественной войны» менее суток. Только вчера утром башенку торжественно передал музею внук скончавшегося ветерана. Бурцев видел по местному ТВ тот репортаж. Причем смотрел с интересом. Он давно интересовался историей Третьего Рейха. Так, на уровне дилетанта, конечно.

Даритель утверждал, будто башенка принадлежала самому рейхсфюреру Генриху Гиммлеру. Может, именно это и привлекло грабителей? И вот пожалуйста... Музейный стенд разбит, стеклянный футляр «башни перехода» расколот, его содержимое исчезло, а уцелевшая свастика вызывающе лежит посреди зала.

– Данное обстоятельство наводит на мысль, что к похищению причастна организация нацистского толка, – вздохнула псевдоблондинка, демонстративно восторгаясь собственной прозорливостью. – Не исключено, что ограбление музея – дело рук молодежной банды мистиков-неоскинхэдов, именующих себя «тевтонами»...

Ну а кому еще мог понадобиться такой экспонат? Не торговцы же антиквариатом замочили двух охранников ради какой-то башенки из обычных камешков. Нет, те, добравшись до музейных фондов, начали бы с золота скифов. Но в золотом зале ничего не тронуто. В остальных помещениях музея – тоже.

Ну-ну... Бурцев задумался. Служба в ОМОНе позволяла быть в курсе некоторых вещей. Он, например, знал, что за какую-то пару-тройку месяцев сектанты-«тевтоны» подмяли под себя все местные группировки скинов, установили строгую дисциплину, наладили организованное управление. Каким образом? Поговаривают об эмиссарах и денежных потоках из-за бугра, вроде бы из Германии. О психотропном зомбировании рядовых членов тевтонской орга-

низации тоже говорят. Даже о таинственных магических обрядах, якобы проводимых при обращении неофитов.

Так или иначе, но вместо разрозненных буйствующих тусовок «кожаных голов» в городе не так давно появилась сплоченная структура неоскинхэдов под руководством некоего магистра и четырех помощников-медиумов. Банда назвалась тевтонами. И... затихла. Город, уставший от погромов и уличных драк с участием бритоголовых, облегченно вздохнул.

Увы, судя по оперативной информации, это было затишье перед бурей: неоскинхэды готовились к выполнению некоей чрезвычайно важной миссии. Правда, в чем именно она заключалась, толком не знали ни рядовые тевтонские бойцы, ни бригадиры. Да и вообще сведения о деятельности странной группировки оказались довольно скудными. Доподлинно известно было лишь то, что тевтоны помешаны на мистике Третьего Рейха. И, слава богу, пока не скупают стволы на черном рынке. К чему бы ни стремились отмороженные неоскины, вооруженный переворот явно не входит в их первоочередные планы. И то ладно! А с другой стороны... Неужели похищение музейного экспоната, помеченного свастикой, и есть та самая сверхмиссия полужомбированной секты? Мелковато как-то.

– Далее в нашем выпуске новости спорта и погода...

Бурцев глянул на часы и тихонько выругался. Выключил «ящик». И забыл о «тевтонах».

Глава 1

Василий Бурцев терпеть не мог опаздывать. И вот пожалуйста – опаздывал. Причем опаздывал здорово: штрафной рюмки у Ворона точно не миновать, а рюмочки у именинника – ого-го!

Срезая путь, Бурцев свернул с освещенной улицы в Нижний парк – темный и мрачный, забытый богом и муниципальными властями. Место регулярных утренних пробежек сейчас производило гнетущее впечатление.

В войну где-то здесь, под центральной аллеей, находился немецкий бункер с разветвленной системой ходов. Говорят, бункер охраняли элитные подразделения СС. Немцы, захватив город в сорок первом, располагались здесь всерьез и надолго. Пригоняли пленных и заставляли рыть землю сутки напролет, а после – расстреливали всех до единого. Обычная практика при возведении секретных объектов.

Позднее, во время наступления Красной Армии, наши бомбардировщики конкретно тут все отутюжили, от души. Подземные коммуникации обвалились, а среди воронок, обломков бетона и искореженного металла обнаружилось разбитое основание то ли крепости, то ли башни. Очень древняя вроде бы кладка. Возможно, заинтересовала бы археологов. Но шла война... Да и в послевоенные годы было как-то не до раскопок.

Перепаханную взрывами землю выровняли, засадили деревьями, закатали в асфальт. На месте бункера появился парк культуры и отдыха «Нижний». Парк стоит до сих пор, только ни культуры, ни отдыха тут нет уже давно. Есть ржавая ограда, смахивающая на кладбищенскую, есть затерянные среди деревьев фонари-кобры с пустыми зевами разбитых плафонов, есть едва различимые в густых зарослях дорожки потрескавшегося асфальта. И, собственно, все.

Нижний парк пользовался в городе дурной славой. По вечерам здесь частенько собиралась городская шпана всех родов и мастей. Ну вот, пожалуйста!.. Бурцев досадливо поморщился: с центральной аллеи доносились крики и глухой стук ударов. Вмешаться? Ну, хотя бы посмотреть, что там, кого и за что...

Трое бритоголовых с ожесточением мутузили тяжелыми армейскими берцами двух тщедушных волосатиков, скорчившихся на земле. Частые темные кляксы на асфальте уже размазывались в сплошные полосы.

Бурцев не сразу сообразил, что жертвы – парень и девушка. Только когда один из «хиппарей» вдруг звонко – по-девчоночьи – вскрикнул от особенно сильного удара в живот, все стало ясно. Три амбала против двух хлюпиков – уже нехорошо, а чтоб ногами, да девчонку – это ж вообще беспредел.

Сегодня он был без формы. Не идти же на день рождения к Ворону – Лехе Воронцову, сослуживцу по десантуре и лучшему другу – в омовском прикиде? Значит, рассчитывать на отрезвляющее действие, которое порой оказывает на хулиганов вид формы, не приходится. Что ж, у него и без того есть на что рассчитывать.

Бурцев хрустнул костяшками пальцев. В армии он считался одним из лучших бойцов-рукопашников, да и теперь, в ОМОНе, на тренировочных спаррингах мало кто мог ему противостоять. Правда, на гражданке Бурцев старался применять свое зубодробительное мастерство пореже, но сейчас, похоже, никуда не деться.

Бритые продолжали остервенело обрабатывать своих жертв. Длинные волосы в коросте крови и грязи дергались под ударами ног, словно диковинные метелки.

Честно говоря, Бурцев и сам недолюбливал неформалов. А за что их любить-то? Ново-явленные хиппи вечно скитались в дешевых общих вагонах и электричках по своим невнятным делам. Заросшие, растрепанные, грязные, не всегда трезвые, иногда под кайфом... Его, привыкшего к армейской дисциплине и порядку, воротило от их демонстративной расхлябанности, от маек навывпуск, от рваной джинсы и неухоженных косм. Выпендриваются друг перед другом, шокируют окружающих, а ради чего? Мартышкино самовыражение! Когда же они устраивали уличные «концерты», плавно переходящие в банальное попрошайничество, и вовсе становилось тошно. Плохо настроенная гитара, кепка с мелочью, прокуренные голосистые, но отнюдь не музыкальные глотки...

Но этот народец был хотя бы безобиден. В драки не лез, не дебоширил, скандалов не устраивал. Пацифизм-пофигизм, одним словом. А вот бритоголовые боевики тевтонов...

Еще один удар. Еще крик.

– А ну, стоять! – в голос рявкнул Бурцев.

Бритоголовые в изумлении оглянулись. Мало кто решался нынче вмешиваться в их дела. Да еще и в одиночку. Да в сумерках. Да на безлюдных аллеях, куда в последнее время редко заглядывают даже милицейские патрули.

Щуплый паренек, воспользовавшись замешательством противников, вскочил на ноги. Но не задал стрекача, а с нехарактерной для волосатиков яростью бросился на самого здорового скина, прижавшего ногой к асфальту девушку. Пацан успел нанести два или три неумелых тычка и тут же повалился навзничь, сшибленный мощным апперкотом. Хрусткий звук теменной кости о бордюр тротуара – и тишина.

– Че, крутой, да?

Слова были обращены вовсе не к поверженному неферу. К Бурцеву. Амбал убрал ногу с девчонки, стал неторопливо приближаться. Остальные насмешливо скалились. На «хиппарей» бритые внимания пока не обращали. Да те и не предпринимали ничего. Парень лежал без движения. Девушка всхлипывала, размазывая по лицу кровавую юшку.

Здоровяк наступал. Вразвалочку. С глумливой ухмылкой.

– Слышь, фрайер! Ты хоть знаешь, с кем свя...

Бурцев ударил. Противников было слишком много, чтобы предоставлять право первого удара им. А в отличие от волосатика, Василий бил точно. И бил сильно. Бритоголовый амбал мешком повалился на асфальт.

Один готов!

С остальными пришлось повозиться. Тренированные ребята, ничего не скажешь. Но избитая зареванная девица неожиданно набросилась сзади на одного из скинов. Нет, она не

играла в киношную супергерл, а просто схватила тевтона за ноги. Девчонка жмурила глаза и оглушительно визжала от страха, однако рук не расцепляла целых две или три секунды.

Этого времени Бурцеву хватило. Двумя мощными ударами он пробил защиту противника, еще двумя – окончательно разделался с ним. Неоскинхэд упал грузно и нелепо. Глубокий нокаут. Бритый череп стукнулся об асфальт подобно огромному бильярдному шару.

Второй готов!

Бурцев успел уйти с линии атаки последнего тевтона, еще стоявшего на ногах. Затем сам перешел в наступление. А уж в схватке один на один у скина не было шансов. Вскоре и третий громила распластался поперек парковой аллеи.

...Девчонку била дрожь. Не прекращалось непрерывное скулящее «У-у-у».

– Хватит, хватит, успокойся, – Бурцев легонько похлопал её по плечу. – Ты была молодой. Перестань реветь.

– У-у-у... Я... мы... эти козлы... у-у-у...

Что ж, хоть какое-то подобие членораздельной речи – это уже хорошо.

Он отошел от девушки, склонился над ее длинноволосым дружком. Парень все еще находился в отключке. И весь затылок в крови. А вот это совсем нехорошо.

– Как он? – девица словно прочла его мысли.

– Нормально, – соврал Бурцев. – За что это вас так?

Оказалось, за глупость. Влюбленная парочка залетных безденежных волосатиков выбрала для уединения безлюдный парк и задержалась там дольше, чем следовало. Не местные, бедолаги, не знали, куда суются, ну, и поплатились...

Оба стали невольными свидетелями тайного сборища тевтонов на центральной аллее. Случайно подслушали из кустов, как скины готовятся к... «Обряд перехода» – так они это называли, если верить девице. Даже время назначили – ближайшее полнолуние, полночь. Триллер, одним словом – дедушка Хичкок отдыхает.

– Тут, в парке вроде какие-то развалины были, – сморщила разбитый носик девушка. – Старые совсем. Древние. Их еще фашисты откопали.

– Были развалины, – машинально кивнул Бурцев.

– Они, – девчонка полоснула ненавидящим взглядом по неподвижным скинам, – говорили, что это основание башни, построенной ариями. И что если на ее месте поставить точную копию другой башни – малую башню перехода, обряд пройдет успешно. Правда, я так и не врубилась, в чем заключается суть обряда. Поняла только, что у этих уродов малая башня есть. Своими ушами слышала: немцы ее в Польше еще в войну раздобыли. Потом привезли сюда. А эти козлы, – еще один ненавидящий взгляд, – прошлой ночью где-то ее достали.

Ага, ну вот и всплыл музейный экспонат из спецхрана Гимmlера. Значит, трофей имеет польские корни, и скиновской секте он потребовался для каких-то магических изысканий.

– Про башню их вожак рассказывал, – всхлипывая, бормотала девушка, пока Василий пытался прощупать пульс ее патлатому ухажеру. – Он не лысый, как остальные – с нормальной такой прической, короткой только. Сам вроде немец. Ну, акцент у него немецкий. Его остальные магистром называли. Он здесь всеми заправлял, объяснял, кому где стоять во время обряда, что делать. Бред какой-то нес про четырех медиумов, про заклинания, про сорок первый год, про эти башни перехода.

Бурцев слушал, что именно за бред, вполуха. Куда больше его волновало отсутствие пульса у избитого парня. Девчонка же не умолкала ни на миг, словно пытаясь заговорить сама себя и найти утешение в собственных речах:

– Говорил, типа, раньше такие башни были понатыканы всюду, и до сих пор они связаны друг с другом в пространстве и во времени. Ну, как магические порталы, что ли... Чтобы попасть из одной башни в другую, нужна только малая башня перехода, открывающая путь. Фашисты даже собирались их как-то в войне против нас использовать, но что-то у них там

не заладилось или просто не успели они. А этот, который магистр, грозился весь мир, нафиг, перевернуть с этими долбаными арийскими башнями...

Бурцев окончательно убедился, что парень не подает признаков жизни. Вздыхнул. Жаль, пацан ведь совсем. И чего ж вас сюда потянуло, бедолаги? Другого места не нашли перепихнуться по-быстрому?

– ...А потом... потом магистр приказал кому-то еще раз проверить какие-то материалы, – в голосе девушки отчетливо звенели истерические нотки. – О войне материалы, я так поняла. Ну, той, когда Гитлер и Сталин...

Бурцев внимательно глянул на нее. При чем тут война? Гитлер? Сталин? Не тронулась ли головой девчушка после пережитого? Бывает ведь.

– Кажется, он, магистр этот, должен был кому-то показать документы, кого-то о чем-то предупредить... Мы испугалась... Думали, они обкурились совсем, думали, психи-сатанисты какие... Короче, побежали... А у них по кустам – охрана. Ну, и поймали. Магистр приказал нас убрать. Так, чтобы было похоже на обычную драку. Оставил трех этих козлов, а потом...

Девушка осеклась, разглядев, наконец, в темноте выражение лица Бурцева.

– Он... – сглотнула слюну, – он...

– В коме, – еще раз солгал Бурцев.

– Так нужна же «скорая»! Срочно!

«Уже не нужна», – подумал он про себя. Но вслух буркнул:

– А еще милиция бы не помешала.

Новенькую «Моторолу» пришлось вытряхивать из кармана по частям. Подарок восстановлению не подлежал: Бурцев все же пропустил пару-тройку мощных ударов.

Он вынул из другого кармана свой мобильник. Хана! Этот тоже разбит. Ну, словно специально по телефонам целились, падлы. Девушка беспомощно хлопала ресницами.

– Там, вон, в паре кварталов от парка есть бар, – сказал Бурцев, поднимаясь над телом убитого неформала, – оттуда можно будет позво...

Она сорвалась с места, не дослушав. Нырнула в кусты, побежала, прихрамывая, в указанном направлении.

– Куда?! Да стой ты!

Отпускать ополоумевшую девчонку одну не хотелось. Но ведь и за валявшимися на асфальтах неоскинхедами-убийцами тоже присмотреть нужно: те вот-вот начнут приходить в себя.

Однако когда тишину безлюдного парка вдруг нарушил пронзительный вскрик девчонки, стало уже не до скинов. Кричали у выхода из парка. Бурцев ринулся туда. По прямой, напролом, через кусты. И все же опоздал.

Она лежала на спине под аркой сорванных решетчатых ворот. Нож вошел в подреберье. Рана – глубокая, опасная.

– Кто? – Бурцев склонился над девушкой.

– Ма... гистр... – прошептала она.

И захлебнулась собственной кровью.

На день рождения к Ворону Бурцев в тот вечер не попал.

Глава 2

– Ну, и какого хрена, спрашивается, тебя понесло в этот долбаный парк?

Басовитый голос. Красное лицо с неподъемным подбородком и таким же тяжелым взглядом. Почти пустая пачка сигарет. Переполненная пепельница. Все знакомо. Командир отряда милиции особого назначения при областном ГУВД майор Виктор Пацаев, опершись на громоздкий покоцанный стол, смотрел ему в глаза – сурово, устало и раздраженно, как всегда

смотрел на провинившихся подчиненных. Вот только Бурцев никакой вины за собой не чувствовал.

– Самая короткая дорога, – пожал плечами он. – Я опаздывал и...

– Понятно, – отмахнулся Пацаев. – А знаешь, куда может завести самая короткая дорога?

Бурцев промолчал, но и взгляда не отводил. Командир небрежно смахнул в ящик стола бумаги, нервно закурил:

– М-м-да, история... Волосатика твоего убили. Затылком о бордюр – и готово. Девицу в реанимацию уже мертвой доставили. Скины ваши исчезли. Пока ты девчонку в больницу сопровождал, ППСники весь парк прочесали. Нигде никого.

– Да я собственноручно трех амбалов уложил! Это ж не иголка в стоге сена, можно было и найти.

– Не иголка. Но, значит, плохо ты их укладывал. Встали твои амбалы и ушли. Или помог им кто-то. Может быть, пришел этот твой колдун-магистр, дунул-плюнул, тевтоны и поскакали зайчиками, не приходя в сознание?

Бурцев уже начинал жалеть, что поведал Пацаеву обо всем без утайки. А ну, как и правда девчонка, рассказавшая о случившемся, малость умом тронулась после побоев? Магические обряды в полнолуние на месте древних развалин, загадочные артефакты Третьего Рейха... Чего уж там – звучит все это, конечно, диковато.

– Нужно найти тевтонского магистра, – угрюмо проговорил Бурцев.

– Уже ищут. Как всегда – без толку.

– А что начет тевтонского шабаша? Полнолуние, если не ошибаюсь, не сегодня – завтра.

– Сегодня. Этой ночью. Я уже обо всем доложил кому надо. Народ смеется, но обещали послать к парку усиленный патруль для наблюдения. Только сейчас не о том речь.

– Тогда о чем?

– О тебе, Вася. Меня вот что интересует. На кой ты вообще попер против тевтонов в одиночку? Тоже мне благородный рыцарь выискался! Что, трудно позвонить и подмогу вызвать? Мобильник же был при тебе.

Да, тут, пожалуй, прав Пацаев. Надо было сначала сделать один звоночек, а уж потом... Хотя оставалось ли у него время на этот звонок?

– Вообще-то там людей убивали, товарищ майор, нужно было действовать...

– Головой прежде всего нужно было думать! – грозно свел брови Пацаев. – Людей-то ты все равно не спас.

Бурцев сник. И в этом майор тоже прав. Теперь уж на все сто... Блин, жалко девчонку. Да и парня тоже. Молодые оба, хоть и дурные.

– Или ты кавказец какой с рынка, чтобы скинов так ненавидеть? – продолжил Пацаев. – Лезешь в драку, как...

Майор не закончил. Раздраженно вдавил куцый окурок в грязную пепельницу и потянул из пачки последнюю сигарету.

– Вообще-то в моих жилах течет русская и польская кровь, – невпопад пробурчал Бурцев, – татарской тоже накапало немало – отец по архивам лазил, родословную выяснял.

– Ну, так вот уйми свой коктейль, пока служишь под моим началом. Корректнее нужно действовать, корректнее и осмотрительнее.

Бурцев вздохнул. Как можно вести себя корректно и осмотрительно с отмороженными беспредельщиками? Ну как?!

Тяжелая майорская ладонь тяжело хлопнула об исцарапанную столешницу.

– Значит так, Василий. Сейчас сядешь писать бумажки. Укажешь все как было, только без мистики. А впредь... – Палец Пацаева поднялся выше густых нахмуренных бровей. – Я тебя предупреждаю первый и последний раз: в ОМОНе мне герои-одиночки не нужны. Геройство-

вать только на службе, только всем подразделением и только по приказу, понял? А не понял – топай обратно в конную милицию.

...Из кабинета Бурцев вышел смурной. Неплохой человек майор, но чересчур осторожный. Оно понятно: когда пенсия не за горами, рисковать не шибко-то и захочется. А история в парке – очередная головная боль для Пацаева. Драка с участием омоновца, два трупа. Начнут, блин, рапорты, отчеты, объяснительные...

– Как дела, командир?

Все отделение в сборе. Ну, прямо как на разводе. Лица – насупленные, озабоченные, встревоженные. Переживают.

– Чего майор говорит, Вась?

– В конную милицию гонит.

Физиономии бойцов поплыли в улыбках. Если речь заходит о конной милиции, значит, не все так скверно. Шутит командир.

Служба в отряде конной милиции, куда после армии занесло Бурцева, долгое время была объектом дружеских насмешек. Да и сам он не мог о ней вспоминать всерьез. В конники пошел по какой-то самому неведомой прихоти. Из-за неосознанных детских фантазий. Красивой романтики захотелось после армейских будней, что ли... Но романтика быстро кончилась.

Всадников в форме никто всерьез не воспринимал. Использовалась милицейская кавалерия больше для парадного антуража. Те, кому хотелось реальной работы, а не праздничной мишуры, уходили один за другим. Ушел и Бурцев – благо приглашали в ОМОН. «Хоть в седле сидеть научился – и то дело, – усмехнулся майор Пацаев при первой встрече. – Авось где-нибудь да пригодится».

Омоновцы уже оживленно галдели, обсуждая стычку в парке.

– Ты это, командир, – услышал Бурцев. – Если скины наезжать станут – только скажи. Руки-ноги быстро переломает. И шеи тоже. И пусть Пацаев хоть застрелится.

– Все нормально, парни, – успокоил своих бойцов Бурцев. – Все будет нормально.

Тогда он еще не предполагал, как сильно обманывает их и себя.

Первая тревожная информация о неоскинхэдах поступила около одиннадцати вечера. Патруль, дежуривший у Нижнего парка, сообщил о десятке бритоголовых молодчиков, кучкующихся перед входом. Через четверть часа патруль наткнулся на группку побольше. Эти тоже направлялись к парку. Несколько минут спустя в парк вошли еще два десятка тевтонов. Потом еще... Дело начинало принимать дурной оборот. Поступил приказ подтянуть ко входу в Нижний силы ОМОНа.

Оружие Пацаев брать запретил: к парку примыкали жилые кварталы и стрельба здесь была бы крайне нежелательна. Во-первых, «Хватит с нас двух мертвых хиппарей», – так заявил майор. Во-вторых, не верилось майору, что взвод омоновцев не сможет без табельных стволов разогнать молокососов-неоскинхэдов. Пацаев вообще сомневался в том, что дойдет до серьезной стычки. До сих пор ведь не доходило. Ну, а если все-таки что-то случится, для пресечения беспорядков достаточно будет проверенных спецсредств – резиновых дубинок «РД-73», щитов, наручников и старой доброй «черемушки»-слезобойки.

Собственно, большинство бойцов были согласны с начальством. В титановых бронежилетах и касках-«скатах» с прозрачными ударостойкими забралами омоновцы казались себе неуязвимыми и даже радовались возможности наконец-то как следует обработать «демократизаторами» бока зарвавшимся скинам.

К парку мчались в ЗИЛе с кунгом и забранными защитной сеткой окнами. Весело мчались – под вой сирен двух машин сопровождения. По пути возбужденно переговаривались, шутили. Только Бурцев хмуро отмалчивался. Слишком явственно стоял перед глазами тот парень с проломленной головой. И резанная девчонка тоже. Все это походило на объявление

войны. Не понятной пока никому, кроме загадочного магистра, но бескомпромиссной и беспощадной, результатом которой будет... Что?

Возникло тревожное предчувствие, что все идет не так. Не так, как представлял себе майор Пацаев. Не так, как представляли закованные в омовскую амуницию ребята. Не так, как представлял он сам. Да еще эта дурацкая башня перехода из гиммлеровской заначки. И полнолуние. И полночь. И непонятный языческий обряд...

Ровно в полдвенадцатого, гроыхая обувью, они посыпались из автофургона под бледный лик луны и свет разбуженных сиреной окон многоэтажек. Успели разглядеть проем раздолбанных парковых ворот, густые тени прирученного и вновь заброшенного леса за воротной аркой, хлипкую оградку.

А потом начался ад.

Глава 3

Тевтоны их ждали. А дождавшись, начали действовать. Быстро, решительно, безжалостно. Несколько человек словно по команде выскочили из проломов парковой ограды. На бегу распахивали куртки, выхватывали что-то из карманов и сумок, чиркали зажигалками. Секунда, две... В окна и баки милицейских машин, кувыркаясь, полетели бутылки с горючей смесью.

Звон разбитого стекла. Яркие вспышки.

Смесь была приготовлена грамотно: автомобили мгновенно занялись, запылали в ночи гигантскими факелами. Раздались крики обожженных. Начали рваться бензобаки. Взметнувшееся пламя осветило пространство за воротами и оградой парка. И людей. Десятки, может быть, даже сотни бритоголовых молодчиков двигались на омовцев.

– Ну, ни фига ж себе! Откуда их столько?! – прошептал кто-то совсем рядом.

– Взвод, вправо, сомкнись! – рыкнул Пацаев.

Ошеломленные, обожженные омовцы едва успели перегородить щитами улицу позади горящих машин. Мегафонные призывы к тевтонам немедленно разойтись действия не возымели. Майор срывал голос, матюгальник ревел и хрипел в ночи, толпа приближалась. Молчаливая, плотная, насуспенная, готовая громить и убивать.

Нет, не толпа. Мало ЭТО напоминает бестолковое человеческое стадо. Опытный глаз Бурцева различал четкие действия слаженных команд. Скины наступали организованно. Пугающе организованно. Определенно сегодняшняя вылазка не являлась обычными массовыми беспорядками. Уж очень много здесь порядка.

Передние шеренги неоскинхэдов были вооружены небольшими дубинками, резиновыми шлангами со свинчаткой внутри и куцыми стальными прутьями. Оружие это вовсе не походило на те устрашающие арматурины, которые прежде доставались омовцам после разгона групповых молодежных драк в спальных районах. Оружие скинов – много короче. Зато действовать в тесноте им сподручнее, да и рука устает меньше. Кое-кто из тевтонов умело поигрывал нунчаками с железными набойками, а кое-где тускло поблескивали кастеты и ножи.

Скины перестраивались на ходу. Вперед выдвигалась ударная группа из амбалов-штурмовиков, завалить которых будет ой как непросто. Бритоголовые качки образовали подобие клина, выискивая перед атакой уязвимое место в сплошной стене омовских щитов.

«“Свиньей” идут, – усмехнулся Бурцев. – Тевтоны – они и в Африке тевтоны». Но вообще-то сейчас было не до шуток. Если скиновский клин пробьет брешь, с ним уже не справиться.

Головы штурмовиков защищали мотоциклетные шлемы и строительные каски. Некоторые нацепили на себя хоккейные щитки – тоже неплохая защита от резиновой дубинки. Чем вооружены задние шеренги – не разглядеть. Наверное, там к бою уже готовятся команды мета-

телей. Если с камнями-кирпичами – не так страшно, а если опять полетят бутылки с зажигательной смесью? Бурцев мельком взглянул на командира. Пацаев был сам не свой.

Ну, еще бы! Это тебе, майор, не демонстрации коммунистов и «несогласных» разгонять. Тут заварушка посерьезнее будет. И удастся ли справиться без оружия с тевтонами – большой вопрос.

Почти все пространство перед парком заволокло густым дымом от горящих машин. По милицейской цепи пробежала дрожь. Монолитная стена омовских щитов зашевелилась.

Не дойдя двух десятков метров до оцепления, толпа остановилась. Неужто обойдется? Не обошлось.

Первый камень, вылетевший из дымовой пелены, упал неподалеку от Пацаева. Грохнул взрыв, и майор с перебитыми ногами рухнул на асфальт. Матюгальник откатился в кусты. Рядом повалились еще два бойца ОМОНа.

Так это не камень?! Граната? Вряд ли. Тогда осколками выкосило бы как минимум отделение, да и самим скинам тоже досталось бы.

Еще один снаряд вылетел из толпы. Еще взрыв... И опять люди падают, словно кегли... Самодельные бомбы!

Пацаев, которого вместе с другими ранеными ребята пытались оттащить подальше, кричал и матерился. Да, скины умели воевать, раз первым делом вывели из строя майора. Толковая, блин, пошла нынче молодежь.

Омовцы, оставшись без командира, отступали. Еще немного – и строй сломается окончательно. Кто-то пальнул из обреза. В самом центре оцепления упал навзничь еще один человек с щитом и резиновой дубинкой. Ударопрочное прозрачное забрало «Ската», рассчитанное на кирпичи и палки, не выдержав прямого попадания картечи, разлетелось вдребезги. Лицо под разбитым забралом превратилось в кровавую кашу.

Еще выстрел. Мать вашу! По бронникам, сволочи, не стреляют. Знают, что толку будет мало. Зато, вон, сразу двоим омовцам изрешетило ноги.

Острие скиновского клина нацелилось в образовавшуюся брешь.

– Мужики, стоим! – заорал во всю силу легких Бурцев. – Сто-им!

Вовремя закричал: дрогнувшая было цепь сомкнула щиты. И тут же в них ударила бритоголовая толпа. Стена щитов прогнулась, но сдержала первый натиск: тевтонская «свинья» разбилась о преграду, остановилась и... И стала медленно пятиться обратно!

Бурцев без устали лупил дубинкой – по строительным каскам, мотоциклетным шлемам, бритым головам, по плечам и рукам противника. Тех, кто оказывался слишком близко, просто сшибал щитом, добавлял ногой в голову... Тяжелым берцем – как те трое, что топтали девчонку, только сильнее и профессиональнее. Перешагивая через распластанные тела, шел дальше. Рядом слаженно работали дубинками ребята из его отделения.

Сейчас главное – не останавливаться, не терять контакт ближнего боя, не давать противнику возможности опомниться и перестроиться, иначе – беда. Очухаются, забросают бомбочками и бутылками с коктейлем Молотова, расстреляют из обрезов, и уж со второго захода сметут обязательно.

– Дави! – кричал Бурцев. – Дави их!

Омовская цепь постепенно возвращалась к начальным позициям. Дубинки и щиты оттесняли неоскинхэдов за горящие автомобили. Толпа бритоголовых теряла былую организованность, раскалывалась, отступала. Все быстрее, быстрее...

Бурцев вбежал в плотное облако дыма, не переставая молотить дубинкой. Действовать теперь приходилось почти вслепую, задыхаясь от гари. Пара ударов наугад достали кого-то. Кто-то еще налетел на щит. Бурцев отпихнул живое препятствие, опрокинул, наподдал ногой под ребра.

С хриплым кашлем он вывалился из дыма возле самых парковых ворот, жадно глотнул чистого воздуха. Скины отступали, а омоновцы гнали их вглубь парка. Но недолго. Деревья уже разорвали сплошную цепь щитов, монолитный строй распадался.

– На-зад! – в горле першило, крик обратился в хрип, Бурцева скрутило в очередном приступе кашля.

Его не слышали. Увлеченные атакой и жаждущие мести бойцы ОМОНа перли вперед. Линия щитов взломалась, начался хаос. Блестящие от пота лысые черепа, мотоциклетные шлемы и каски-«скаты» смешались друг с другом. Увы, милицейских «скатов» было слишком мало. Разрозненные, отбившиеся друг от друга они теперь выглядели жалкими островками в бритоголовом море. Вновь решающим фактором стало численное преимущество. Уравновесить его могло только оружие, но – спасибо майору Пацаеву – отбиваться приходится дубинками и...

Едкий запах «черемухи» ударил в нос. Эх, поздно, ребята, поздно. Уже не поможет... Судорожными пшиками из газовых баллончиков ничего теперь не добьешься. Только своих потравите вместе с чужими.

– Пре-кра-тить! – прохрипел Бурцев. И его опять не услышали.

Кто-то уже отчаянно вызывал по рации подмогу. Но когда она еще прибудет, эта подмога? Смогут ли омоновцы, разбросанные по кустам и заросшим сорняками клумбам, продержаться. Или сейчас главное вовсе не продержаться, а прорваться? Нет, не назад, а туда, к центральной аллее, где за деревьями мелькнул слабый огонек. Там вокруг костра стоят люди. Немного – с полдесятка. Странные смутные тени покачиваются в трансе и не обращают ни малейшего внимания на бедлам у парковых ворот.

Бурцев оскалился. А ведь не просто так скины встали живой стеной у входа в парк. Что-то они защищают, что-то оберегают, подставляя под удары «демократизаторов» бритые черепа. Что именно? Языческие пляски на месте древней магической башни – вот что! Ну ладненько, тогда и мы потанцуем! Тем более что ублюдка-магистра наверняка следует искать сейчас именно на этих танцульках.

Глава 4

В десантуре и ОМОНе учили не только со свистом рассекать воздух руками и ногами, но и быстро передвигаться в тяжелой амуниции. Сжав зубы – все равно от хриплых криков толку уже не будет, – Бурцев ринулся вперед. Через кустарник, через клумбы, через разбитые остовы скамеек... Он бежал к огню на центральной аллее, уворачиваясь, пропуская удары, не отвечая на них.

Скины не успели отреагировать должным образом – они уже уверились в победе. Рассеянные омоновцы либо занимали круговую оборону, встав спинами друг к другу, либо пятились из парка, так что внезапный рывок Бурцева оказался для противника сюрпризом.

Несколько неоскинхэдов бросились наперерез Бурцеву, но поздно... Он отбил щитом дубинку одного боевика, вырвался из рук другого, уклонился от схватки с остальными. Драка подождет. У него сейчас другая цель. Гораздо более важная. Магистр, мать его разэтак!

Заросли боярышника, окаймлявшие центральную аллею, он даже не перепрыгнул – просто перекатился по ним, смяв кусты бронированной спиной. Сзади – в темноте – дико взвыли, но вой этот потонул в общем гуле паркового сражения. Бурцев мельком оглянулся. Странно – его больше не преследовали. Тевтоны сзади застыли как вкопанные. Видимо, непосвященным рядовым членам группировки запрещено приближаться к ритуальному пространству, на котором творит свой дурацкий обряд гуру-магистр? Пресловутое табу в действии?! Что ж, сейчас оно пришлось весьма кстати.

За боярышником вдоль центральной аллеи выстроились декоративные ели. Декором от них, правда, уже и не пахло, но обломанные ветки были еще достаточно пышными, чтобы укрыть в своей тени человека, так что Бурцев быстро и беспрепятственно добрался туда, где, по-видимому, происходило главное действие этой ночи.

Их было пятеро – четверо в мешковатых черных балахонах и один – в мундире офицера Вермахта, с папкой, распухшей от бумаг. Их светловолосых голов, в отличие от гладких черепов рядовых скинов, не касалась бритва. Глаза закрыты, лица сосредоточенны.

Между четырьмя в черном и одним в мундире горел огонь.

Вблизи костерок, разложенный прямо на асфальте, выглядел весьма странно. Лунную ночь жгла не беспорядочная куча дров, а некая надпись, аккуратно выложенная из палочек-факелов, пропитанных горючим раствором. Буквы... Нет, скорее, цифры. Точно – цифры! Квадратные, угловатые, словно на электронном табло: 1 9 4 1, потом багровела точка и снова цифры: 0 3. Опять точка. И еще две цифры, выведенные пламенем: 1 5. Что бы это значило? 15 марта 1941 года?

Четыре балахонистые фигуры, выстроившись в линию, невнятно бормотали заунывный речитатив. Покачивались в такт словам. Зомбированные, загипнотизированные или просто вконец обкурившиеся, они не замечали ничего и никого вокруг.

«Четыре медиума, магистр, заклинания...» – Бурцев вспомнил рассказ девчонки, зарезанной тевтонами. Еще она говорила о украденной из музея «башне перехода»...

Башенка – тоже тут. На асфальте, у ног униформиста в немецком мундире. Странно... Декоративная башня то ли отражала свет огня, то ли сама светилась огненным светом изнутри. Может ли склеенное каменное крошево что-либо отражать? А может ли камень сам по себе светиться?

– Мы готовы, магистр... – слаженно и глухо, будто команда чревовещателей, проговорили четверо в черных одеяниях. Медиумы не вышли из транса, не подняли век, не перестали покачиваться.

– Открыть глаза! – приказал тот, кого называли магистром. – Смотреть в огонь!

Голос тихий, но повелительный. Действительно, чувствуется легкий немецкий акцент. Кстати, и внешне бросается в глаза явное подражание Гитлеру: маленькие усики, вылизанный пробор, аккуратная метелка недостриженных волос на лбу. Да, сходство было, но какое-то гротескное, карикатурное, что ли. Типаж у магистра не тот. Впрочем, команда новоявленного фюрера этой комичности, похоже, не замечала.

– ...в огонь!

Глаза медиумов послушно распахнулись. Бурцеву было хорошо видно, как в расширенных зрачках бьются языки пламени-цифры. Глаза застывшие, оцепеневшие, невидящие. Никто ни разу не моргнул.

– Смотреть в огонь! – повторил тевтонский магистр. – Отстраниться от всего, что происходит за вашими спинами, выбросить из головы суетные мысли и образы, отринуть желания, сосредоточиться на дате обратного перехода. Помните: от вашей ментальной силы в момент моего прикосновения к башням зависит и прошлое, и настоящее, и будущее. Только цифра, которую вы видите сейчас, должна гореть перед вашим взором. Только она и ничего более. Мы слишком долго шли по следу малой башни, мы слишком долго ждали, чтобы сейчас упустить свой шанс. Магия огня, чисел, полной луны и древние знания ариев, строивших на своем пути башни перехода, да помогут нам. Хайль!

Медиумы замерли. Только чуть качнулись в последний раз складки их длинных черных одежд – и люди обратились в живой камень.

Теперь глаза открыл сам магистр. Но он смотрел не на огонь – на башенку. Свет от нее расходился по старому треснувшему асфальту, будто круги на воде. Или на самом деле сияние

шло из-под земли – от древних развалин? Светящаяся окружность напоминала люк, готовый вот-вот распахнуться.

Магистр тевтонов медленно опустился на колено, нагнулся, протягивая одну руку к светящемуся асфальту, другую – к таинственному артефакту. По мере приближения дрожащих пальцев в черной перчатке свет пульсировал все сильнее.

А вот этот фокус Бурцеву не нравился. Чем бы там ни тешился магистр в гитлеровском мундире, пора было ему помешать. Когда Бурцев выскочил из укрытия, ни один из медиумов не шевельнулся. Все четверо по-прежнему тупо пялились на огненные цифры. Отстраниться, выбросить, отринуть... Дисциплинированные люди в черном выполняли приказ вожака.

Одним прыжком Бурцев перемахнул через костер. Чуть-чуть не рассчитал – правая нога все же угодила в огонь. Что-то хрустнуло под подошвой, вверх взвился сноп искр. Молодчик в мундире оглянулся. Лицо под высокой тульей эсэсовской фуражки скривилось от ненависти и ужаса. Отдернув руки от башенки, магистр пятился прочь из сияющего круга на асфальте.

Бурцев уже выдернул ногу из огня. Штанина, к счастью, не занялась, а вот аккуратно выложенная цифирь – растоптана. Досталось второй конструкции слева – девятке. Горящая палка, составлявшая нижний край ее «кольца» откатилась к самому основанию. Забавно... Бурцев, сбив один огненный узор, тут же невольно создал другой, превратив «девять» в «два». На застывших в трансе медиумов эта перемена, впрочем, не произвела ни малейшего впечатления. Они глазели на огонь все так же сосредоточенно и самозабвенно, не моргая.

А вот незнакомец в мундире взвыл, яростно взмахнул руками, истерично дернулся и вот теперь, действительно, стал похож на беснующегося фюрера. Толстобокая папка с бумагами выпала из пальцев магистра и раскрылась, на асфальт посыпался ворох документов. Мелкий печатный шрифт, текст, кажется, на немецком, карты, схемы боевых действий...

Ладно, потом разберемся! Сейчас Бурцева куда больше занимала миниатюрная башенка и светящаяся под ней окружность. Он, между прочим, находился в самом центре странного круга. И желал поскорее покончить со всей этой чертовщиной. Хотя и музейная вещичка перед ним, но... Бурцев взмахнул дубинкой.

– Найн! – отчаянный крик магистра сорвался на визг.

Хрясь!

Под упругим увесистым концом «демократизатора» сияющая башня разлетелась на куски. Взорвалась. Вместе с асфальтом. «Люк», очерченный светом, не открылся – он рассыпался, ударил мелким крошечком в лицо. Еще одна бомба, заложенная в похищенный экспонат?!

Бурцев инстинктивно прикрылся щитом. И оглох. И ослеп окончательно. Яркая вспышка, взрывная волна и туча осколков сбили с ног. Последнее, что он видел, была трещина, пробежавшая по прозрачному забралу «Ската».

Глава 5

Очнулся Бурцев в ту же секунду. Так ему показалось. Где-то на периферии сознания промелькнуло сожаление о разбитой башенке. Все-таки раритет, как ни крути. Наверное, уникальный, наверное, представляет какую-никакую ценность, а он ее так вот лихо – дубинкой, да вдребезги.

Потом Бурцев открыл глаза. Смутное чувство вины пропало. Возвращались другие чувства.

Да, пожалуй, не секунду он был в беспамятстве. Отключился в полночь, а сейчас над ним дневное небо.

Бурцев лежал на спине. В антрацитово-черной, щедро разбавленной лужами жирной грязи. Редкие облака плыли по изумительно чистому небосклону. И что же не так? Что?!

Облака необычайно красивы. Взбитый зефир, залитый в причудливые формы. Жаль, нельзя так вот лежать и восторгаться ими всю оставшуюся жизнь. Пора спускаться на грешную землю.

Проклинаю неудобный бронник и рискуя глотнуть ненароком отвратительной жижи, Бурцев тяжело перекатился на бок. Внизу хлюпнуло, чавкнуло. Ну и мерзость... В Нижнем парке ничего подобного не было.

Он встряхнул головой. Вроде все на месте – и голова, и шлем с треснувшим забралом. Руки-ноги тоже в порядке. Правая кисть все еще судорожно сжимает дубинку. Потребовалось некоторое усилие, чтобы расцепить собственные пальцы. На левой руке, как и прежде, болтается щит. Только вот в ушах шумит. И ощущение – странное, неприятное. Незнакомое.

Все-таки случилось что-то... Что-то особенное, чего быть не должно. И не с кем-нибудь, а именно с ним случилось – с Василием Бурцевым.

Контузия?

Блуждающий взгляд вырвал деревянное колесо, чуть ли не по самую ось увязшее в густом киселе деготного цвета. И еще одно колесо... Такое же перепачканное. Всего колес было четыре, а над ними возвышалась заляпанная... хм, повозка, что ли? Ну и бред! Бурцев тряхнул головой. Не на телегах же их атаквали скины! И куда подевался асфальт, о который его чуть не размазало взрывом. И почему в поле зрения до сих пор не попали парковые деревья. И где ребята из его отделения? А непроглядный дым, от которого было не продохнуть?

Он вновь – обессиленно и со смачным плюхом – откинулся на спину. Таких «куда», «почему» и «где» оказалось много, слишком много. Достаточно, чтобы сделать определенные выводы. И Бурцев их сделал.

Нет, Васек, не надейся, никакая это не контузия. Тут дело посерьезнее будет. Психическое расстройство чистой воды – вот в чем фишка. Галлюцинации. Реактивный психоз или что там еще... Хорошенько же тебя шандарахнуло. В город, наверное, уже войска вводят, а ты лежишь посреди Нижнего парка да блаженствуешь – облачка считаешь. Дослужился, блин... Уж лучше бы на парадных лошадках катался в конной милиции.

Откуда-то доносился отдаленный гул, похожий на шум голосов. Слабое эхо реальных событий, которое еще улавливает его травмированный мозг или очередная галлюцинация – слуховая? Выяснить это можно только одним способом. Ухватившись за колесо, Бурцев начал подниматься.

Получилось не сразу: руки срывались с осклизшего дерева, жирное чавкающее месиво облепляло ноги. Отвратительной правдоподобности получался глюк. Но придать себе вертикальное положение сейчас наипервейшая задачей. Валяться в луже, как ни крути, занятие более подходящее для свиней.

Ноги, наконец, обрели былую крепость, Бурцев встал. И едва удержался от соблазна немедленно плюхнуться обратно. Бр-р-р! Ударивший из-за телеги свежий ветерок тоже не казался плодом больного воображения. После влажной грязевой ванны ветерок студил вполне ощутимо. До слез из глаз.

Бурцев поежился. Да уж, прямо скажем – не Африка. Но когда успело похолодать-то? Или пока он был в отключке, его зачем-то переправили в другую климатическую зону. Что тут за странный сезон? Слякотная зима? Поздняя осень? Или... Бурцев проморгался, смахнул слезы, вышибленные бодрящим ветерком, и смог наконец как следует оглядеться вокруг. Весна! Причем в полном разгаре.

Ничего хотя бы отдаленно напоминающего Нижний парк. Все иначе. Больше, чем просто иначе. Справа – речушка. Слева – набухшая почками рощица, переходящая в густой лес. Сзади – холм, там сквозь стаявший снежок уже пробивается молодая травка. Впереди – еще холмик, поменьше. Идиллическую картину портила только расквашенная множеством колес дорога. Жирной черной змеей она сползала с одной возвышенности и, прихотливо извиваясь, поднималась на другую.

На обочине валялись камни, скатившиеся в незапамятные времена с пригорка, что повыше. Не камни даже – огромные выщербленные глыбы, этикие неподъемные кубики, оставшиеся от какого-то неведомого циклопического сооружения. Или все-таки ведомого? Опять пресловутые башни перехода?

Бурцев стоял аккурат меж двух холмов, на краю пестрого притихшего табора. Повозки, брошенные на дороге, сгруппировались в беспорядочную кучу. Неказистые, груженные каким-то барахлом крестьянские телеги. Впрочем, выделялась среди них одна – в авангарде изломанной колонны. Крытая яркой тканью, с высокими деревянными бортами, расшитая и размалеванная невесть чем. Орлы, что ли? Или грифы? Нет, все-таки орлы – с короной и распростертыми крыльями. Белые коронованные орлики на красном фоне.

Сзади – опущенный полог медвежьей шкуры, спереди – место для возницы. Нет, не карета, конечно, но явно побогаче прочих повозок будет. И лошадки впряжены – загляденье – не то что полудохлые клячи вокруг. Целых четыре здоровых ухоженных и сытых коняги. Двух из них – пегую и гнедую – можно хоть сейчас под седло ставить.

Кстати, это средство передвижения, в отличие от остальных телег, охранялось: Бурцев заметил пару вооруженных стражей. Но чем вооруженных! Диковинные топоры на длинных рукоятках и с широкими лезвиями. Дрова такими рубить – замаешься, а вот голову снять с плеч – запросто. Прямо-таки музейные боевые секиры. Но если б только они!..

Оба охранника были в кольчугах. На головах – стальные шлемы-шишаки, вроде «Ската», только без внешней матерчатой обшивки и с крупными грубыми заклепками. У каждого – по большому четырехугольному щиту в левой руке: добротная деревянная основа, обитая толстой кожей и усиленная металлическими полосами. Такой щит, наверное, мало в чем уступит омонскому.

Стоп... Топоры? Кольчуги? Шлемы? Щиты? Это что же такое получается, господа хорошие?! Кино тут снимают, что ли? Или в самом деле, тихо шифером шурша, едет крыша не спеша? В киношную версию происходящего хотелось верить больше. В собственное сумасшествие не хотелось верить совсем. Но все шло к тому. Или к башням перехода? Мысли о них так и лезли в голову, словно назойливые мухи какие. А Бурцев так же настойчиво гнал из памяти дикую сцену в парке. Подумаешь, полная луна! Подумаешь, бормочущие медиумы! Подумаешь, светящийся круг на асфальте...

Глубокий вдох. Помогает от паники – проверено, а сейчас главное – не запаниковать. Второй вдох, третий... Дышал он до полного кислородного одурения. Потом как следует ущипнул себя. Больно! Так, значит, все-таки не глюк. И на внезапное помешательство тоже все-таки происходящее не очень похоже. Что ж, хорошо. Лишь бы не безумие. Первый страх ушел. Вопросы остались.

Самый важный из них: если все это, действительно, затеяли киношники, то на кой им понадобилось вывозить из Нижнего парка потерявшего сознание милиционера? Чтобы в качестве декорации бросить в грязь под колеса допотопной телеги? Хороша, блин, декорация: боец ОМОНа в историческом фильме. Или тут «Янки при дворе короля Артура» на новый лад снимают? Сейчас и не такие извраты в моде. Нет, все равно версия никуда не годится. Киношники, даже самые что ни на есть продвинутые и авангардные, не рискнули бы вот так сразу топить сотрудника милиции в грязи. На крайняк дождались бы сначала, пока он придет в себя, объяснили бы, что к чему...

Бурцев с трудом оторвался от ряженных стражников. А нет ли тут граждан в более привычной глазу одежде? Должны же где-то поблизости ошиваться режиссеры, ассистенты, операторы, осветители, девочки-мальчики на побегушках и прочая суматошная братия, без которой не обходится ни одна съемка.

Братии не было. Нигде. Не было и камер. И машин с горделивыми кинокомпанийскими надписями вдоль бортов. Зато массовочку сюда нагнали – не хухры-мухры.

Кроме двух воинов со старинными боевыми секирами, в поле зрения то и дело попадался убогий народец. В телегах среди замызганных тюков тихонько копошились женщины с детишками, которых Василий по ошибке тоже принял поначалу за невзрачные баулы. От поклажи веяло нищетой, от детей – болезнями и голодом, а худые изможденные женщины в перепачканных драных одежках глядели заплаканными невидящими глазами. Притихшие, настороженные, испуганные, выжидательно-молчаливые статисты в телегах – все, от мала до велика – играли свою роль великолепно, правдоподобно. Аж холодок по коже! И не в гриме, не в актерском мастерстве дело. Никакой гример и никакое сценическое искусство не способны заставить актеров преобразиться в такое. Особенно детей.

Бурцеву стало тревожно. Исподволь крепло подозрение, что вовсе не киношное лицедейство его сейчас окружает, а кое-что пореальней. Удручающе-давящая атмосфера странного табора слишком осязаема. Жутковатое здесь снималось кино. Кино без камер и режиссеров. Кино, где даже за кадром актеры играют ТАК... живут ТАК... Ох, кино ли?!

Но какого тогда, спрашивается, здесь происходит? Не чудаки-толкиенисты же и не исторические реконструкторы какие-нибудь специально довели своих жен и детей до такого состояния, чтобы создать соответствующий антураж для очередных игрищ. И еще вопросик: куда подевались мужики? Кроме тех двух грозных типов с топорами, Василий их пока не видел. Зато слышал в отдалении неумолкающий гомон мужских голосов.

Он обошел несколько телег. Ага, вот они, голубчики! Стопились у реки, обступили какого-то всадника и орут, орут почему зря. Приветствуют, что ли?

Простолюдины – вероятно крестьяне-землепашцы, составляли подавляющее большинство шумного собрания. Но изредка среди грязных овчинок и драных волчьих полушубков мелькало железо: кольчуги, кожаные рубахи с нашитыми бляхами, стальные шлемы, копья, щиты, топоры, боевые цепи...

«Башня перехода», «Башня перехода», «Башня перехода», – упрямым дятлом стучало в голову. Бурцев начинал догадываться о сути произошедшей перемены. И догадки эти ему не нравились.

Глава 6

Чушь! Сумасшествие! Безумие!

Отнюдь... Все не так уж и неправдоподобно, если спокойно, без паники и материалистической предвзятости осмыслить все, что с ним произошло. Итак, таинственное сборище тевтонской секты. Светящаяся аномальщина в парке, посреди которой он на свою беду оказался. И не просто оказался, а прикоснулся к ней, пусть даже не руками, а дубинкой...

Что еще? Магистр неоскинхэдов, вырядившийся в форму гитлеровского офицера и с охапкой бумаг в руках. Если верить подружке хиппаря, это было некое досье о Великой Отечественной войне. И горящие в ночи цифры, еще на аллее парка, вызвавшие у Бурцева ассоциацию с 1941 годом...

Все произошло там, где в незапамятные времена возвышалось древнее строение. Большая башня перехода, надо полагать, основание которой раскопали гитлеровцы. И ведь именно на этом самом месте Бурцев разнес «демократизатором» малую гиммлеровскую башенку, похищенную сектантами из музея. Вот и открылся портал, способный переносить человека не только в пространстве, но и во времени.

Та девица из парка говорила, будто магистр собирался кого-то о чем-то предупредить. Теперь-то можно догадаться – кого и о чем. Если предположить – ну, просто предположить, в порядке бреда, – что некий посланец из будущего, знающий все нюансы неудачной для Германии военной кампании в России, сообщит обожаемому фюреру о предстоящих сражениях во всех подробностях... И если слова такого «пророка» будут приняты на веру... Елки-палки,

да ведь подробная информация стоит дороже всей шпионской сети Вермахта. Она, действительно, способна изменить ход истории. Но главарь сектантов-скинов в прошлое так и не попал. Вместо него туда отправился случайный хрононавт из ОМОНа.

Все сходится, кроме одного. Ведь, по идее, его, Василия Бурцева тоже должно было забросить в 41-й!.. Так ведь и забросило! Только не в 1941-й, а в 1241-й. Забыл, что ли, как собственноручно, вернее, собственноручно «девятку» на «двойку» случайно исправил? Забыл, что медиумы – помощники магистра, ментальная мощь которых обеспечивала переход – даже глазом не моргнули? Вот и обживайся, в общем, теперь, Васек, в тринадцатом веке.

Захотелось взвыть. Эх, правильно говорил Пацаев: головой сначала надо думать, а уж потом действовать. Бурцев заставил себя шагнуть вперед – к возбужденной толпе. Да, дела... Местные аборигены казались сейчас страшнее отможенных скинов. Никогда раньше он не передвигал ноги с таким трудом. И дело вовсе не в липкой грязи, облепившей омовские берцы. Не только в ней, во всяком случае.

С телег на Бурцева встревоженно поглядывали женщины и дети, а вот мужики у реки его пока не замечали. Когда люди стараются переорать друг друга, они редко замечают, что происходит вокруг. А ор над речушкой стоял поистине несусветный.

– ...Хенрик Побожны!.. Хен-рик По-бож-ны!.. – с трудом разобрал Бурцев отдельные слова. – ...Ксяже! Вроцлав!

Язык похож на русский. Видать, братья-славяне глотки дерут. К болгарам, что ли, попал? Или нет, скорее, к полякам. Да, точно к ним. Злополучная музейная башенка-то была из Польши. И если он что-нибудь в чем-нибудь понимает, то похищенный скинами экспонат представлял собой уменьшенную копию того самого сооружения, остатки которого лежат теперь вдоль дороги огромными выщербленными и вросшими в землю глыбами.

Так-с, Польша, значит? Вот уж сюрприз! Особенно для того, кто по-польски ничего кроме «пся крев» не знает, даром, что в роду поляков – ненамного меньше, чем русских. Если верить отцовым изысканиям.

И вот тут-то и произошло... Нечто!

– Слава Генриху Благочестивому! – провозгласил кто-то. – Слава сиятельному князю Вроцлава!

У Бурцева перехватило дыхание. Это невероятно, но он начинал понимать кричавших. Теперь не было нужды напрягать слух, вычленив отдельные слова и догадываясь о смысле остальных. Как такое возможно? Чем все это объяснить?

Пробуждение генетической памяти? А, собственно, почему бы и нет? Кому известно, что происходит с человеком, угодившим в далекое прошлое? В прошлом он ведь не совсем тот человек, что был прежде. Точнее позже... Тьфу, голова идет кругом. Фантастика!

Бурцев решил не париться понапрасну и просто принять объяснение, которое показалось ему самым простым и логичным. Генетическая память – так генетическая память. Ну надо же, он уже даже не ощущал забавного инородного акцента, будто сам всю жизнь говорил исключительно по-польски. Говорил? Кстати, хорошая идея. Не мешало бы проверить.

Бурцев на всякий случай (мало ли что...) прикрылся щитом и слегка похлопал резиновой дубинкой по спине ближайшего горлопана в простеньком крестьянском тулупе. Извлеченная из лужи «РД-73» оставила на чужой спине отчетливые следы гуталинового цвета. Крестьянин не рассеялся, как подобает бесплотному призраку, лишний раз подтвердив реальность происходящего. Однако и на приглашение к беседе незнакомец не отреагировал. Слишком уж надрывался, сердечный. Бурцев тряхнул крикуна за плечо – хорошенько так тряхнул, украсив тулупчик незнакомца отпечатком грязной пятерни. Тот, наконец, соизволил повернуться. Рыжие волосы, раскрасневшееся веснушчатое лицо, туповатые, но и хитрющие вместе с тем глазенки, щербатый рот, распахнутый в дурацкой улыбке... Ох, и рожа!

Улыбка, правда, уползла в раззявленную от удивления пасть, как только рыжий взглянул на Бурцева. Ну, не вписывался боец ОМОНа в местный колорит, что поделаешь. Поневолe вспомнился непристойный анекдот об омовце, который поутру случайно увидел в зеркале себя, родимого, при полном вооружении и обгадился от страха. Сюрпризы ассоциативного мышления, однако...

А мужичок тем временем менялся со скоростью хамелеона, почуявшего опасность. Шапка – долой. Спина – в три погибели.

– Чего желает пан?

А приятно, блин, когда тебя величают паном, да еще с таким подобострастием. Совсем не то, что полупрезрительное «гражданин начальник», которое приходится слышать от всяких уркаганов и дебоширов. Впрочем, куда больше Бурцева обрадовало другое. Понимает! Он их в самом деле понимает! А вот уразумеют ли они его?

– Кто этот Генрих, из-за которого здесь столько шума? – осторожно поинтересовался Бурцев.

У крестьянина челюсть отвисла чуть ли не до пупа. М-да, для членораздельного ответа такая varejka явно не годится.

Бурцев повторил свой вопрос еще раз – медленно и по слогам. Без особой, впрочем, надежды на успех:

– Кто есть-Ген-рих?

Гримаса глубочайшего недоумения не покидала лица поляка.

Не понимает. Жаль. Не такая уж, оказывается, крутая штука эта генетическая память, раз действует только в одностороннем порядке. Бурцев уже решил махнуть на мужичка рукой, как вдруг прозвучал запоздалый ответ:

– Генрих Благочестивый, – озадаченно забормотал поляк, – князь Вроцлава, властитель Силезии¹, сын Генриха Бородатого и добродетельной Ядвиги, самый могущественный из всех польских князей. Пан Генрих собирает войска для защиты христианских земель, а мы его за это славим, как можем. Мы ведь всего-навсего мирные землепашцы, несчастные беженцы, спасающиеся от набега язычников. Воевать не обучены, но если нужно воздать хвалу сиятельному князю, так это завсегда пожалуйста.

Бурцев попытался растормошить память. Увы, безуспешно. История Польши никогда не была его коньком.

– И от каких-таких язычников вы спасаетесь? – задал он следующий вопрос. Раз понимают его, отчего ж не спрашивать-то?

– Известно от каких – от богопротивных тартар, сынов Измаиловых, – поляк закатил глаза и затараторил, как по писаному: – Народ сей выпущен из адовых пещер на далеких островах нам на погибель, за грехи наши. Сами они подобны диким зверям и питаются человеческой. А кони их быстры и не знают усталости. А доспехи прочны настолько, что...

Достаточно. Пока достаточно. Главное уже понятно.

«Генрих Благочестивый, самый могущественный из польских князей...» Значит, сто пудов – Польша. А «тартары», надо полагать, – это татаро-монголы, дорвавшиеся до старушки-Европы.

– Какой нынче год? – оборвал Бурцев говорливого собеседника.

– Чаво? – глаза рыжего чуть не выкатились из орбит.

– Год, спрашиваю, какой?

– Так это... 1241-й от Рождества Христова. Или если пану угодно – 6749-й от сотворения мира.

Подумав немного, поляк добавил:

---

¹ Силезия, Малая Польша, Великая Польша, Мазовия и Куявия, о которых речь пойдет дальше, – польские княжества.

– Весна у нас нонче, март месяц.

Глава 7

– Тяжкое испытание, лихая година... – снова заскулил крестьянин, но вдохновенный экстаз плакальщика-одиночки уже иссякал. Теперь в глазах поляка появилось ответное любопытство. Что ж, вполне естественно: нечасто, наверное, на местных слякотных дорогах встречается измазанный грязью по самые уши тип с резиновой дубинкой «РД-73» в бронежилете, помеченном надписью «ОМОН» и потерявший к тому же счет времени.

Бурцев глянул поверх голов. Среди столпившихся землепашцев и воинов он выделялся высоким ростом. Людишки в средние века все же мелковаты против бойца отряда милиции особого назначения из третьего тысячелетия.

Как он и предполагал, оркестром многоголосых глоток дирижировал всадник, занимавший почетное место в самом центре взбудораженного собрания. Уверенная посадка выдавала в нем прекрасного наездника. А пятна свежей грязи, которой верховой был заляпан по самую бармицу куполообразного шлема с железной полумаской, свидетельствовали о долгой и быстрой скачке. Бурцев не расслышал слов всадника, но прекрасно видел, как взметнулась вверх рука в кольчужной перчатке – и тут же по толпе прокатилась очередная волна славословия в адрес Генриха Благочестивого.

– Это что и есть тот самый князь Генрих? – поинтересовался Василий у рыжего гида.

Как-то не очень вязалась с княжеским титулом одинокая фигура всадника в неброских, в общем-то, доспехах и грязном плаще.

– Нет, конечно! – почти возмутился крестьянин.

Былое почтение к странному незнакомцу с щитом и дубинкой как-то сразу улетучилось. Бурцев вдруг осознал, что и паном его больше не называют. У рыжего хватило смекалки сообщить, что Бурцев не из местных, даром что говорит по-польски. Чужакам же здесь, видимо, почет и уважение оказывать не привыкли. По крайней мере, простолюдины. А без почета-то какой же ты пан?

Ладно, мы люди не гордые. Потерпим, лишь бы этот конопатый продолжал говорить. Информация была сейчас нужна, как воздух.

И конопатый продолжил, кивнув на всадника:

– Это один из посланников Генриха Благочестивого. Предлагает нашему обозу укрыться в Вроцлавской крепости, а людей зовет в ополчение при княжеском войске. Только зря старается гонец. Глотку подрать во славу князя – это одно, а биться с племенем Измаиловым – совсем другое. Никто ни свою семью, ни скарб не бросит. Крепостям мы не доверяем – их тартары берут одну за другой. Авось, в лесах поспокойнее будет. Тягаться с проклятыми язычниками на поле брани никак не возможно. Уже усвоили по Малой-то Польше. Из тех земель ведь бежим в Силезию. Нет, мил человек, если панове хотят – пускай сами свои головы кладут. А я отойду да в сторонке обожду. Никогда оружия в руках не держал и впредь брать не намерен. Не для того рожден.

– А эти, – Бурцев указал на редких вооруженных воинов в толпе, – тоже не пойдут за князя биться?

– Кнехты-то? – поляк пожал плечами. – Может, и пошли бы. Им, как и рыцарям, война – мать родна. Да только панночку свою они охранять должны. Знатная, говорят, особа – тоже от тартар спасается. Видишь повозку впереди – ту, что побольше и покрасивше, с орлами на бортах. Ну, где два кнехта с топорами пристроились. Вот там панночка и сидит. Пока мы вместе с ней и с ее охраной, у обоза тоже, почитай, какая-никакая оборона, а имеется. В общем, молим Господа, чтобы и впредь благодетельница не отказывала нам в защите.

Про благотельницу сейчас было неинтересно. Бурцев решил сменить тему. Спросил, кивнув на всадника:

– А много у князя Генриха таких посланников?

Словоохотливый крестьянин уважительно присвистнул. Точнее, издал беззубым ртом неубедительную имитацию свистообразного звука:

– Цельная армия! Гонцы разосланы по всей Силезии и дальше – в другие княжества – в Великопольские и Малопольские земли, в Куявию и Мазовию. К чешскому королю и тевтонскому магистру – тоже посланцы отправлены. Ты что, этого даже не знаешь? – рыжий подозрительно сощурил глаза. – И откуда ж ты такой взялся, мил человек? Чегой-то не припоминаю я, чтобы ты шел с нашим обозом.

– О-о-о, – насмешливо протянул Бурцев, – взялся я издалека. Ни тебе, ни твоему обозу туда ни в жизнь не добраться.

Прокол! Он осекся, взглянув на переменившееся вдруг выражение лица собеседника. Или с юмором у того были серьезные проблемы, или...

Теперь в глазах поляка было даже не подозрение. Был страх вперемежку с ненавистью. А страх и ненависть – гремучая смесь. Чрезвычайно опасный коктейль. Бурцев на всякий случай отошел в сторонку. Редкозубый землепашец с хитрыми злющими глазками ему совсем разонравился. Знал он эту породу – такие способны на любую пакость. Особенно когда чувствуют за собой силу. Сила же сейчас была как раз на стороне поляка. Он у себя дома, он среди своих, он в курсе всех дел, а вот пришелец из будущего пока мало что смыслит во всем происходящем. Так что ссора пришельцу ни к чему. Тем более ссора по пустякам.

А рыжий уже вытаскивал из толпы таких же малопрятных овчиннотулупных типов и что-то втолковывал им. Украдкой кто-нибудь из угрюмых крестьян нет-нет да и бросал мрачный взгляд на чужака. Пожалуй, самым разумным в сложившейся ситуации – потихоньку покинуть разгоряченное собрание.

Бурцев сделал шаг в сторону спасительной рощи. Прочь с этого крикливого базара!

– Куда?! – давешний рыжий-конопатый знакомец шустро подскочил к нему. Цепкие пальцы ухватились за рукав.

– Пусти! – нахмурился Бурцев.

– Нет уж, тартарское отродье! Яцек своего не упустит! Я за тебя еще награду получу.

Тартарское отродье? Ну, и дурак же ты, Яцек!

– Пусти, говорю! – резким ударом Бурцев сшиб с рукава цепкую пятерню. Бил рукой – не пускать же сразу в ход дубинку против безоружного. Удар не очень сильный, просто предупреждение. Поляк предупреждению не внял.

– Держи его, ребя! – завопил он благим матом. – Хватай пса тартарского!

«Ребя» налетели неуклюже, толпясь и мешая друг другу. Щитом Бурцев оттолкнул одного, плечом повалил второго... Но когда кто-то из нападавших повис на щите, а остальные попытались живым тараном завалить и затоптать противника, пришло время для доброго старого «демократизатора».

Бурцев старался не особо свирепствовать, и все же глухие смачные удары резиновой дубинки наверняка привели бы в ужас правозащитников всех мастей. Крича и стеная, землепашцы из ватаги Яцека один за другим отпрыгивали, откатывались, отлетали от крутившегося волчком одинокого омовца с щитом и резиновой дубинкой.

Вообще-то в ОМОНе их обучали орудовать спецсредством «РД-73» в цепи или вдвоем с напарником. Орудовать грубо, просто, но эффективно: взмах – удар, взмах – удар. Бить по очереди, только сверху вниз или чуть наискось. Поперечными ударами не увлекаться. Четких инструкций на сей счет не писано, но имелся достаточный опыт: случалось, проворная жертва уклонялась от такого удара, и тогда резиновая дубинка сбивала с ног стоявшего рядом сослуживца.

Однако порой находились инициативные упрямцы, которые, просто «из любви к искусству» или руководствуясь нехитрым жизненным принципом «авось пригодится», осваивали «демократизатор» в качестве оружия одиночного боя. Василий был одним из таких мастеров.

– Тебе, Бурцев, после конной милиции только фехтования не хватало, – неодобрительно ворчал Пацаев, наблюдая за его упражнением.

Майор постоянно твердил подчиненным: омовенец, как и любой мент, силен только в строю, в группе. В одиночку – пропадет. Как бы искусно он ни рассекал воздух, все равно толпа затопчет. Правильно, наверное, говорил майор. Но Бурцев не хотел пропадать ни в строю, ни в одиночку. Потому и научился выделять обычной резиновой дубинкой такие выкрутасы, что иному каратисту-ушуисту с нунчаками и не снились. Выкрутасыгодились. В тринадцатом веке от Рождества Христова.

Глава 8

Двое в овчинках уже валялись на земле. Еще двое быстренько отползали в сторонку. К Василию никто больше не приближался. Но галдели вокруг громко. И достаточно грозно.

Надо бы вырубить зачинщика. Бурцев двинулся к рыжей голове, что маячила в стороне от места схватки. Яцек почувствовал опасность. Отступил, заверещал пуще прежнего:

– Убивают тартары!

Толпа изрыгнула подмогу. Теперь в руках у некоторых беженцев появились внушительные дрыны. Шустрые, блин. Когда только успели к телегам сбегать за оглоблями-то? Хорошо хоть вооруженные кнехты пока не вмешивались. Воины озадаченно смотрели то на Бурцева, то на Яцека, то на повозку своей панночки. Без приказа в крестьянские разборки не полезут. Значит, есть шанс. Если начхать на рыжего и уложить тех двоих справа, путь к роще будет свободен.

– Прекратить! – повелительный голос прогремел над головой Бурцева.

Поляков как ветром посдувало. Только сухо стукнуло о землю брошенное дубье, да вяло заворочались на притоптанном пятачке поверженные бойцы. Остальные пугливо пятились за спины кнехтов, образуя широкий полукруг.

Бурцев обернулся. Сначала увидел лошадиную морду, потом – все остальное. Уставший человек на уставшем коне – гонец Генриха Благочестивого – взирает сверху вниз, недобро взирает. Шлем с полумаской всадник держит теперь в левой руке, так что Бурцев разглядел изуродованное лицо верхового. Застарелый шрам тянулся от перебитой переносицы до правого уха – память о давнем ударе чьего-то боевого топора или меча. А рубятся-то здесь – не дай бог!

– Что происходит? – верховой правил коня к Бурцеву. – Кто таков?

Бурцев и рта не успел раскрыть, как к всаднику подскочил Яцек. Рыжий цепко ухватился за стремя:

– Пан рыцарь! Тартарский лазутчик это! Высматривает, выспрашивает, вынюхивает. Я сразу понял, что за птица. Хотел схватить пса с ребятами из нашего ополья², а он – в драку.

– Лазутчик?! – брови всадника сдвинулись. Шлем в руке дернулся. Звякнула кольчужная бармица. – Кто-нибудь знает этого человека?

А в ответ – тишина. Лишь недружелюбные лица вокруг. Да откуда они Бурцева знать-то могут? Больше чем за семь веков до появления на свет! Зловещее молчание длилось недолго.

– Вздернуть, – распорядился гонец. – У меня сейчас нет времени допрашивать татарских соглядатаев.

Ага, вот и кнехты подняли оружие. А против этих резиновой дубинкой много ли навоюешь?

---

² Деревенская община из нескольких небольших сел в средневековой Польше.

– Да разве ж я похож на татарина?! – Бурцев был скорее изумлен, чем испуган.

– Может, и не похож, – проговорил княжеский гонец, – только этого никому наверняка не ведомо. Тот, кто видел богопротивных язычников воочию, уже мертв.

Железная логика, ничего не скажешь!

– Но так зачем же сразу...

– Вздернуть, – повторил приказ всадник. Он, казалось, уже утратил интерес к случившемуся. Повинуясь воле хозяина, конь обратился в сторону Бурцева грязный круп. Прощальный взмах патлатого хвоста, и неспешная рысь сквозь расступившуюся толпу. Потом людская масса сомкнулась вновь.

С полдюжины вооруженных воинов подступали к Бурцеву. Медленно, осторожно перенося вес с ноги на ногу. Походка опытных бойцов... Блики весеннего солнца играли на пластинах лат, отточенных остриях копий и лезвиях секир. Поскрипывал в тишине боевой цеп – этикие шипастые нунчаки устрашающего вида.

Воин с цепом выдвинулся вперед – такому оружию нужно пространство для замаха. Пригнулся, по-бычьему смотрит из-под натянутого до бровей железного шлема-шляпы с широкими полями. Качает отвлекающий маятник. Тяжелый цеп на длинной – чтобы случайно не задел в бою хозяина – рукояти вот-вот захватит в зону поражения одинокую жертву.

Еще двое кнехтов заряжают арбалеты, обеспечивая прикрытие. Титановые пластины бронника эти короткие тупорылые стрелы не пробьют – факт, но с ног свалят, да и потроха с такого расстояния могут отшибить не хуже пули. К тому же омовский бронежилет защищает только грудь, брюхо, спину и бока. А что если стрелки перебьют руку или ногу? Какой, Васек, после этого из тебя будет боец? А если кто-нибудь сообразит вогнать арбалетный болт под шлем? Или в пах? Или лупанет в лицо... И без того уже треснувшее забрало каски на такое не рассчитано – разлетится, как хрустальная рюмка. Кстати, сама каска – тоже не тяжелая боевая сфера. Всего-навсего «скат» первой степени защиты... Легкий слоистый органопластик в чехле. Выстрел из арбалета или хороший удар мечом расколется его в два счета.

Эх, будь под рукой автомат, совсем другой разговор получился бы с этими кнехтами. Или хотя бы «макаров». Или граната, что ли... Увы – еще три недобрых и непечатных словечка в адрес майора Пацаева – за место под солнцем, отцветившим семь столетий назад, придется драться без настоящего оружия, полагаясь только на спецсредства. Но не плестись же покорной овцой на виселицу?

Бурцев поднял дубинку, прикрылся щитом. Комедия, да и только! Трагикомедия! «РД-73» и омовский щит хороши против демонстрантов с палками и арматурными прутьями. Сгодились они и для того, чтобы раскидать местное тупое быдло. Но сейчас-то его окружают профессиональные воины в железных доспехах и с оружием, предназначенным рубить, колоть, корезить и пробивать это самое железо.

Бурцев напал первым – на ближайшего воина. Не нападать было нельзя: цеп уже целил под щит – по ногам. Первым ударом он отбил цеп – это позволило сразу сократить дистанцию. Потом что было сил шарахнул по пальцам, сжимавшим длинное древко. Цеп выпал, а через мгновение на землю рухнул и вопящий кнехт: заключительную подсечку Бурцев провел уже автоматически. Хорошо, на воине не оказалось металлических поножей.

Поверженный противник еще не успел распластаться, когда Бурцев краем глаза уловил метнувшуюся справа тень. Инстинктивно подставил под удар дубинку и щит. И... остался безоружным.

Лезвие тяжелого топора отсекло кусок «демократизатора». От щита тоже откололась добрая половина. Секира скользнула по краю каски, сорвала с нее клоч матерчатой обшивки... Бурцев отпрянул назад, избавляясь от обломков щита, швырнул кому-то в лицо жалкий резиновый обрубок.

Нового нападения не последовало. Арбалетчики, державшие Бурцева на прицеле, тоже не стреляли. Однако кольцо неумолимо сжималось. Его явно не хотели убивать в схватке. У дисциплинированных кнехтов четкий приказ: вздернуть. И, кажется, польские вояки намеревались в точности исполнить именно это распоряжение «пана рыцаря».

Бурцев пошарил по поясу. Да, небогатый же арсенал у него остался. Наручники да газовая пшикалка. Ну, браслеты сейчас точно погоды не сделают, а вот баллончик может пригодиться. Что, господа поляки, не пробовали еще ментовской «черемушки»? Ну, так попробуйте! Сейчас устроим...

Бурцев крутился на месте, выбирая подходящий момент для газовой атаки, как вдруг...

Фьюить! Зловещий свист вспорол свежий весенний воздух. Княжеский гонец нелепо взмахнул руками и повалился с коня. Кнехты разорвали круг, позабыв о намечающемся линчевании.

– Тар-та-ры! – пронзительно завопил кто-то.

Потом раздались другие крики. Дикие, страшные.

Глава 9

Небольшой отряд – десятка два всадников – уже добрался до оставленных без присмотра телег. Кто сноровисто вырубал в беззащитном обозе женщин и детей, кто, спешившись или прямо с седла, расстреливал толпу. Еще с дюжину верховых отсекали беженцев от реки – с той стороны тоже полетели стрелы.

Откуда конники? Вероятнее всего, спустились в низину с одного из холмов. Тихонько сняли часовых, если таковые вообще были, и атаковали...

Странные это были «тартары». Лица и шлемы каждого скрывали маски – не то из бересты, не то из холстины. Грубо размалеванные личины с гротескным оскалом полужвериных морд. И ведь что любопытно: вооружение нападавших почти не отличалось от оружия польских кнехтов. Те же кольчуги, копья, секиры, мечи. Да и арбалеты, из которых били всадники, мало напоминали татаро-монгольские луки. Не так, совсем не так представлял себе Бурцев степных кочевников. Видимо, пришла пора избавляться от некоторых стереотипов истории.

В первую очередь, конные арбалетчики выбивали воинов из охраны обоза. Ни кольчужки, ни кожно-металлические панцири не защищали от тяжелых коротких стрел. Да и не всякий щит выдерживал удар арбалетного болта, пущенного с близкого расстояния.

Впрочем, не только кнехты становились жертвами стрелков. Вокруг Бурцева падали и мечущиеся крестьяне, случайно оказавшиеся на пути оперенных жал. Одна стрела чиркнула по его собственной каске. К счастью, не прямое попадание – вскользь прошла.

Крики, стоны, ругань, проклятия. Где-то совсем близко верещал, прикрыв голову руками, Яцек. Почти вся немногочисленная обозная охрана была уже перебита, бабы и детишки в телегах вырезаны. А среди уцелевших беженцев царила паника. Крестьяне бессмысленно метались по слякотной дороге между рекой и табором. Никто и не помышлял о сопротивлении.

Всадники обстрел прекратили. Колчаны закрыты, арбалеты заброшены за спину. Началась другая потеха. Верховые в масках, улюлюкая, гонялись за беззащитными, ополоумевшими от ужаса землепашцами. Их даже не рубили – просто сбивали с ног и топтали копытами коней.

Остановить избиение? Как?! Да никак! Не кричать же: «Всем стоять! Милиция! Руки в гору!» Значит, план прежний – добраться до рощи, а там уж видно будет. Правда, убегать от конных на своих двоих – дохлый номер. Но почему обязательно пехом? Бурцев огляделся. Благосклонная фортуна скалилась ему в лицо огромными зубами лошадиной морды. Конь убитого гонца испуганно поджимал уши и мылился задать стрекача, однако был еще в пределах

досягаемости. Вот где потребуются навыки, полученные в конной милиции. Оп-ля! Бурцев ловко перехватил повод и уже вставлял ногу в стремя, когда услышал пронзительный визг. Звук доносился от повозки знатной полячки.

Бурцев оглянулся. Визжала молодая девушка. Запуталась, бедняжка, в собственном платье с длинными – по самые туфли – подолом. Тугая лента слетела с головы, прическа рассыпалась, русые волосы упали на лицо, и все же Бурцев разглядел, насколько миловидной была эта растрепанная незнакомка.

Барышня отчаянно билась в чужих руках. Спешившийся налетчик в маске цвета сажи (непонятно даже, кого он хотел изобразить – то ли негра, то ли черта), в стальном шишаке и в короткой кожаной рубашке с массивными железными бляхами пытался вытащить девицу из повозки.

Уж не об этой ли панночке-благодетельнице рассказывал Яцек?

«Благодетельница» оказалась девицей боевой. Вцепившись в повозку, молодая полячка яростно молотила ногами. Каблучки сафьяновых сапожек сбили с головы чернорожего шлем, продырявили маску. Изящные ножки, мелькавшие под юбками, лупили так сильно и часто, что нападавший вынужден был отпустить жертву. «Тартарин» явно не ожидал подобного отпора. Панночка же угрем скользнула обратно в повозку, опустила за собой полог медвежьей шкуры, затянула его изнутри кожаным ремнем.

Ну и глупо! Сама загнала себя в ловушку. А куда интересно смотрит охрана полячки?

Бурцев поискал взглядом секьюрити с топорами, дежуривших возле повозки. Нашел... Охрана смотрела в небо. Безжизненными глазами. Оба кнехта неподвижно лежали у колес. Впрочем, не они одни. Чуть поодаль корчился третий – копейщик в маске, сбитый с коня арбалетным болтом. В окольчуженном животе торчал кончик измазанного кровью оперения. После таких ран не выживают, так что у непобедимых «тартар» сегодня тоже будут потери.

Воин с черной личиной, от которого вырвалась молодая полячка, взъярился не на шутку. Вновь нахлобучив сбитый шишак и поправив смятую маску, он снова ломился в повозку. «Тартарин» остервенело полосовал кинжальным лезвием опущенный полог. Хлипкая преграда еще сдерживала безумный натиск. Но надолго ли?

Бурцев матюгнулся. Что прикажете делать?! Гнать коня в лес, спасая свою шкуру? Ладно, шкура подождет. Девчонку из Нижнего парка уберечь не удалось, так, может, хоть эту...

Нога вынута из стремени. Дальше он действовал, как и должно действовать на краю жизни и смерти, когда время замедляет свой ход, а мысль становится слишком медлительной. Сначала взгляд вырвал из царившего вокруг бедлама мертвого кнехта со стрелой в горле. Блеск металла, растоптанная лужа свежей крови, грязно-красные следы. Павший воин был одним из тех арбалетчиков, что совсем недавно держали его на прицеле. Бурцев поднял заряженный самострел убитого.

Он прицелился, как делал это уже много раз в тирах и на стрельбищах. Пистолеты, винтовки, автоматы, пулеметы, гранатометы – разное оружие перепробовано за время службы в армии и ОМОНе. Но вот со средневековыми арбалетами дело иметь как-то не приходилось. Ничего, расстояние до цели – не ахти какое, а стрела – та же пуля, только побольше.

Громоздкая конструкция из массивного деревянного ложа и мощного лука с толстой тугой тетивой плетеных жил весила не меньше снаряженного «калаша». Серьезный вес серьезного оружия. Правда, у допотопного самострела не оказалось ничего похожего на курок. Тетива спускалась изогнутым рычажком, на который следовало жать не одним, указательным, а сразу четырьмя пальцами. Вместо приклада торчал чуть расширенный обрубок деревяшки. Неприятно, жутко неудобно, но что ж поделаешь – арсенал XIII века. Зато отдачи не будет.

Ладно, поиграем в освобождение заложницы! Аккуратно, моля бога, чтобы не промазать, и случайно не прошить навылет повозку панночки вместе с хозяйкой, Бурцев придавил спусковую скобу.

Звонко звякнула тетива.

Не промазал!

Стрела ударила воина, терзавшего закрытый полог, в спину, швырнула на угол заднего борта, пригвоздила к дереву, но тут же обломилась под тяжестью обмякшего тела. Человек в доспехах и черноликой маске грузно повалился набок. Наконечник арбалетного болта остался в доске. А кровавая клякса, появившаяся на заднем борту повозки, вызвала ассоциацию с включенным среди бела дня габаритным огнем.

За спиной раздалось лошадиное ржание. Бурцев резко обернулся. Проклятье! Конь убитого княжеского гонца – конь, в стремени которого уже побывала его нога – уносил к спасительной роще другого всадника. Огненно-рыжая голова дергалась в такт галопу, словно у марионетки. Да, Яцек – не самый лучший наездник, но страх – великий учитель. Землепашец вцепился в поводья и гриву коня мертвой хваткой, а ногами так сильно обхватил бока животного, что, наверное, никакая сила на свете не смогла бы сейчас вырвать его из седла.

Два «тартарских» воина в масках поскакали вдогонку за Яцеком. Еще двое направились к повозке панночки. Туда же со всех ног ринулся и Бурцев. Честно говоря, подгоняло его не только желание помочь незнакомой девице, но и последняя возможность спастись самому. Лошади в упряжке полячки-«благодетельницы» – сытые, здоровые, ухоженные. Такие будут скакать долго и быстро. Впрочем, долго не надо. Сейчас – главное, чтоб быстро. Главное, как можно скорее домчаться до леса. А уж там, в густых зарослях, преимущества конного перед пешим – не очевидны. Там уйти от погони можно и на своих двоих. Если, конечно, очень постараться. И если повезет.

Глава 10

Один из «масок» уже заметил его – всадник в блестящей кольчуге помчался наперерез, размахивая мечом. Не успеть! До повозки еще далековато и схватки избежать вряд ли удастся. Бурцев отбросил теперь уже бесполезный арбалет. Перезаряжать – целое дело, нет ни времени, ни сноровки.

В нескольких шагах лежало копьё «тартарина» со стрелой в брюхе. Тот еще слабо царапал землю ногтями, но на свое оружие больше не претендовал.

Рывок, пережат... Бурцев подхватил копьё и через мгновение вновь стоял на ногах. Конного противника встретил не беспомощный арбалетчик с разряженным самострелом, а копейщик, готовый к поединку.

Бурцев успел тютелька в тютельку. Он был еще вне досягаемости для вражеского меча, но достаточно близко, чтобы самому нанести удар. И в этот удар он вложил всего себя. Не стал колоть – сноровистый живчик на коне умело прикрывался круглым щитом. Бурцев просто лупанул тяжелым древком наотмашь, будто оглоблей в деревенской драке. Получилось! Клинок всадника отлетел назад, сам мечник покатился по земле. Противник, впрочем, долго не разлеживался. Очухался сразу. Выхватил из сапога нож с широким и чуть изогнутым лезвием. И уже порывался вскочить на ноги.

Пришлось добивать. Все тем же копьём. Широко расставив ноги, Бурцев ударил. Так дорожные рабочие бьют ломом в старый асфальт. Сверху вниз, со всей дури, присовокупив к силе рук тяжесть тела. Наконечник копья пропорол и кольчугу, и то, что было под ней. Крик. Хруст. Что-то брызнуло на руки...

А земля вновь содрогнулась от топота копыт. Не оглядываясь, Бурцев ничком рухнул на труп. И в самое время! Над головой что-то прогудело и с треском срубило торчащее из мертвого тела древко копья – там, где только что находилась шея Бурцева.

Когда он поднял перепачканное в чужой крови лицо, новый противник в личине саблезубого беса уже разворачивался для повторной атаки. Клыкастый «тартарский» всадник с бое-

вым топором и на черном как смоль коне. Норовистый конь плясал, не желая подчиняться поводу. Пока наездник совладеет со скакуном, пройдет пара-тройка секунд. Немного, но все же...

Бурцев снова рванулся к повозке, украшенной коронованными орлами. Эта короткая перебежка значила куда больше, чем все бывшие полигонные учения и марш-броски, вместе взятые. Может быть, только поэтому он и успел. Почти не ощущая тяжести бронежилета, Василий вскочил на место возницы и...

...И все.

До сих пор он стремился лишь поскорее добраться до упряжки. Это было самым главным. Остальное казалось простым и ясным, как божий день, – вожжи в одну руку, кнут – в другую, пара хлестких ударов – и вперед. Но теперь ясности поубавилось. Не оказалось под рукой ни кнута, ни хлыста, ни нагайки, ни чего-либо другого, годившегося для стеганья лошадей. В суматохе массового избиения возница панночки куда-то сгинул вместе со своим рабочим инструментом. А как без помощи кнута сдвинуть с места старопольскую колымагу? Как заставить упряжку, которая не отреагировала даже на дикие вопли нападавших, взять с места в карьер? Этому в конной милиции не учили.

Всадник в клякастой маске тем временем подъехал к повозке почти вплотную. Сейчас и подмога прискачет. Изрубят, блин, в капусту – ойкнуть не успеешь.

Бурцев судорожно схватился за неиспользованный баллончик с милицейской «черемухой». Слезоточивый газ, конечно, не автомат Калашникова, но сработать может. Условия-то идеальные: слабый ветерок, как по заказу, дует от повозки в сторону «тартар».

Долгий пши-и-ик... Бурцев щедро распылил густое аэрозольное облако, целя в морду вороного и под размалеванную маску воина с топором. Газ подействовал мгновенно. Конь словно взбесился, наездник выпустил поводья и секунду спустя вывалился из седла. Оглашая окрестности дикими воплями, захлебываясь в собственных соплях, он бился на земле будто припадочный. Туман «черемухи» медленно оседал на одежду, доспехи, маску и шлем. «Саблезубый» орал все громче.

Кто-то еще, не успев придержать лошадь, сдуру въехал в облачко слезоточивой взвеси. Глотнул полной грудью. И тоже с воем покатился по земле. И еще двое. И еще один. Остальные «тартары» натянули поводья, придержав коней. В суеверном ужасе они наблюдали, как безумствовали их соратники. Те уже не кричали – только хрипели, пытаясь сорвать с раскрасневшихся лиц шлемы и маски. Двум удалось.

Странно, но пресловутые «тартары» оказались так же мало похожи на азиатов, как рыжий Яцек или светловолосая панночка. Ни желтоватых, обветренных степными ветрами лиц, ни узких глаз-щелочек, ни жидких бороденок а-ля Чингисхан. Вполне даже европейская внешность. Что-то тут было не так. Однако удивляться некогда. Слезоточивый газ – преграда, увы, ненадежная. Прорваться через нее галопом – пара пустяков. Пустить арбалетный болт – еще проще. А если ветер вдруг переменится и родимая «черемушка» накроет повозку, тогда Бурцева и панночку можно будет брать голыми руками.

Но пока всадники в масках пятились назад, забыв об арбалетах. И жить становилось веселее. Настолько, что появлялись нужные идеи.

Нет кнута? Сделаем! Бурцев расстегнул ремень. Никчемные наручники – в карман. Остатки газового баллончика – в воздух, между повозкой и растерявшимися кочевниками. Да повыше, чтоб едкая аэрозольная взвесь провисела как можно дольше. На несколько секунд она обеспечит какое-никакое прикрытие. Ну, а после придется полагаться лишь на прыть польских лошадок.

Бурцев раскатал широкий омововский ремень во всю длину, взмахнул рукой, чуть наклонился, – чтоб достать подальше.

И-и-эх, выноси залетны-я!

Тяжелая пряжка рассекла воздух, смачно врезалась в лошадиный круп. И еще раз!

Взбрыкнув задними ногами, лошади понесли-и-и! Да так, что Бурцев едва удержался в повозке.

С дороги они слетели почти сразу. Непаханая целина сотрясала дерзкий шарабан, вообразивший себя гоночным болидом. Деревянные колеса убогого средства передвижения, впрочем, были сделаны на совесть, да и крепкие, хорошо смазанные оси тоже не подвели.

Сзади, из повозки, сквозь несмолкаемый грохот прорывалось испуганное повизгивание. Панночка переживает! Не привыкла, небось, к такой тряске? Не гонялась за уркаганами по бездорожью в милицейском «уазике»? Но ты уж потерпи немножко, «благодетельница наша».

Он подстегнул лошадей. Визг усилился. Да, пассажирке там несладко. Если уж сам Бурцев с трудом удерживался на месте возницы, можно представить, какие катаклизмы творились за его спиной. Этот расшитый орлами гроб на колесах лишен был даже намека на рессоры. Наверняка все содержимое повозки знатной полячки сейчас ходит ходуном. Ну, и сама панночка тоже покоем не наслаждается. Если бы не высокие борта и исполосованный, но закрытый полог, девицу давно бы вышвырнуло наружу.

Две или три стрелы запоздало просвистели над головой. Тем дело и ограничилось. Погони не было. Видимо, газовая атака произвела должное впечатление. Боятся, «тартары»! То-то же! Знай наших! С ОМОНОм связываться – это вам не девок из телег таскать.

Бурцев правил к роще. Потом долго мчался вдоль нее, не решаясь на такой скорости свернуть в редколесье. К чему раньше времени гробить транспортное средство о колоды и пни, если преследователей все равно не видать? Лучше максимально увеличить отрыв, пока есть такая возможность.

Он не заметил, как это произошло. Просто стена деревьев вдруг выросла не только слева, но и справа. И вроде бы сзади. И, кажется, впереди тоже. Въехали в лес как-то сразу, вдруг.

Стало заметно темнее. И подтаявшего снега, прятаявшегося в густой тени от весеннего солнышка, здесь было побольше. Лошади мчали по малоприметной лесной колее, проложенной, судя по всему, обозами беженцев. С колес слетели последние комья полевой грязи. На подстилке из опавшей хвои и сопревшей прошлогодней листвы было чище. Но и опаснее тоже: коварный лесной ковер мог таить под собой массу неприятных сюрпризов. И все же скорость лучше не сбавлять – пусть лошади скачут, пока скачется.

Дважды или трижды упряжка благополучно пронеслась мимо развилок. Даже когда наезженная колея вдруг сменилась позабытой людьми и Богом просекой, провидение еще некоторое время оберегало повозку от неминуемого рассыпания на части. Но вот и просека становится все уже и уже, превращаясь в стезьку, для которой четыре колеса – слишком большая роскошь.

Глава 11

Колесо они все-таки потеряли.

Кривой отросток коряги, присыпанной снегом, зацепил правое переднее. Треск, скрежет... Дальше колесо продолжило свой путь самостоятельно.

– Тпру-у-у! Стоять!

Куда там! Кричать уже не имело смысла.

Повозка пошла юзом и едва не перевернулась. Разбитая и покореженная, она остановилась, лишь сбросив с себя мучителя-возницу. У-у-ух! Кочковатая земля и несвежий снег вдруг поднялись на дыбы, встретив падающего Бурцева смачным ударом.

Хрипели взмыленные лошади. Бока загнанных животных тяжело вздымались, исходя паром. Хлопьями падала на снег пена, оставляя в грязно-белом покрывале еще более грязные

проплешины. А тишина предвечернего леса после грохота и безумства скачки глушила сильнее, чем само падение.

Бурцев все же приземлился удачно. Относительно удачно – настолько, насколько это вообще возможно в увесистом бронежилете. Но все-таки снег смягчил удар. Повезло!

А вот о хозяйке повозки вряд ли можно сказать то же самое. Всю дорогу девица вела себя шумно, а теперь из нутра «кареты» не доносилось ни звука. «Неужто угробил?» – встревожился Бурцев. Дурное дело нехитрое. Полячка – барышня хрупкая. А дикая скачка по бездорожью и заключительное столкновение с корягой запросто могли вышибить дух из изнеженной панночки. Стоило ли вообще спасать ее от татарей в масках, если девчонке в итоге был уготован такой конец?

Чуть прихрамывая на левую ногу (колену все-таки здорово досталось), Бурцев подошел к повозке. Выглядела она, конечно, плачевно. Однако на совсем уж бесформенную грудку обломков не походила. Нет, едва ли путешествие внутри этого тарантаса пусть даже и на запредельной скорости, пусть и по экстремальной трассе привело бы к летальному исходу. Скорее всего, от пережитых потрясений – как в переносном, так и в прямом смысле – несчастная полячка попросту лишилась чувств. Дамочки средневековья, помнится, были особами впечатлительными сверх всякой меры.

Он раздвинул прореху в изрезанной медвежьей шкуре. И – тут же отлетел обратно от удара, который сделал бы честь боксеру-тяжеловесу. Удар пришелся в живот. Если бы не верный бронник, Бурцеву пришлось бы сейчас лицезреть оперенное инородное тело в собственном брюхе. Но – честь и слава производителям надежных титановых пластин! – арбалетный болт, неожиданно вылетевший из повозки, срикошетил в снег.

Бурцев с кряхтением поднялся. Ну, дела! Он, слава богу, выжил, однако силу арбалета, что называется, почувствовал нутром. Нутро ныло – и весьма ощутимо. А блаженную тишину леса нарушили громкие вопли. Ха! Теперь не оставалось никаких сомнений в том, кто всадил стрелу в брюхо тому копейщику в маске.

Порезанный полог колыхнулся, открываясь.

– Бесово отродье! – ворох измятого перепачканного тряпья пробивался через беспорядочный завал шкур и подушек. – Ты еще жив?!

Бурцев разглядел всклокоченные волосы и перекошенное от гнева лицо полячки. Прелестное личико, кстати, было уже не столь прелестным: на лбу красовался свежий кровоподтек, под левым глазом наливался фиолетовым синяк.

– Людоед богопротивного племени! Язычник, по которому плачет адова бездна! Татарский пес!

«Ну, вот опять! Судьба, видно, у тебя такая, Васька Бурцев, быть отныне татарин». То ли местные в самом деле чуяли в нем частицу степной крови, то ли здесь царит такая татарофобия, что за пришлого кочевника поляки готовы принять любого незнакомца.

Девчонка уже вылезала из повозки. Барышня заметно пошатывалась. Хорошенько же ее поболтало – надолго благородная панночка запомнит сегодняшнее приключение. Мутить, небось, теперь станет от одного вида колесных экипажей.

– Думаешь, полонил меня, презренный сын Измаилов?! – разорялась девица. – Думаешь, похитил, увез и можешь теперь творить со мной, что захочешь?! Не бывать этому! Никогда! Слышишь, никогда не бывать!

Истерика. Форменная истерика! Истеричных барышень Бурцев особо не жаловал, но сейчас невольно залюбовался спутницей. Очень даже ничего себе детка! Даже разбитое лицо ее не слишком портит.

Растрепанные волосы, пылающие щеки, вздернутый носик, выразительные, по-кошачьи зеленые глазки... А фигурка-то, фигурка! Все на месте, все при ней – ай да панночка! Вот только обтянутые длинными узкими рукавами ручки, которыми так яростно размахивала

полячка, оказались не пустыми. В левой – небольшой и такой несерьезный вроде бы на вид арбалетец. Да уж, «несерьезный»: стрела, пущенная из этой «игрушки», здорово отбила ему потроха. Впрочем, могло ведь быть и хуже.

Бурцев поблагодарил судьбу за то, что сознание девиц тринадцатого века не замутнено бредом воинствующего феминизма. Если бы эта полячка пустила стрелу не в живот, а чуть ниже – туда, где кончается бронежилет, последствия могли быть более печальными: паховой защиты на его броннике сейчас не было.

Однозарядный самострел, впрочем, был не единственным оружием взбалмошной девицы. В правой руке она держала изящный кинжальчик. Ну да, изящество – изяществом, но по горлу таким полоснуть – мало не покажется. Бурцев поспешил перехватить запястье панночки, пока та не натворила глупостей. А то, вон, красивые глазки уже пылают нехорошим светом. Состояние аффекта... Если срочно не принять мер, точно кого-нибудь покалечит, дуреха, – не его, так себя.

Отработанным движением Бурцев изъяс опасный колюще-режущий предмет. Не так грубо, конечно, как поступил бы с каким-нибудь уркаганом из подворотни. Но девчонка все-таки взвизгнула от боли. Попробовала даже проломить каску Бурцева своим арбалетиком. Пришлось обезоруживать панночку полностью. Вслед за кинжалом на притоптанный снег упал самострел и пухленький заспинный колчан.

Разъяренная полячка пыталась пробить титановый бронник кулачками, царапалась словно дикая кошка, норовила вцепиться зубами в руку. В конце концов, он просто обхватил ее за плечи и крепко прижал к себе. Пародия на любовные объятия! Но иного выхода не было. Только так можно обездвигнуть агрессивную девчонку, не переломав ей кости. Ну вот... А теперь следует выждать, пока панночка перебесится и затихнет.

Панночка всё не затихала – извивалась ужом, пиналась, елозила упругой грудью о бронежилет, размазывая его грязь по своему платью.

– Да успокойся ты! – рявкнул Бурцев по-польски в покрасневшее лицо барышни. Встряхнул как следует – для пущей доходчивости.

Голова полячки мотнулась назад, потом уткнулась лбом в его бронированную грудь. Девушка взвыла от боли и возмущения, задергалась еще сильнее.

– Я не татарин! Ничего плохого тебе не сделаю! Ни-че-го! Дошло?!

Дошло. Панночка замерла, недоверчиво подняла глаза:

– А кто ж ты такой, если не татарин?

– Русский! Русский я, понятно?! Россия, Рашн, Русиш, Русь...

– Русь? Русич?

Кажется, поверила. Однако до полного успокоения было еще далеко.

– Как ты смеешь ко мне прикасаться?! – прошипела она. – Пусти! Немедленно!

Бурцев пожал плечами, отпустил. Нужна ему новая истерика? Не нужна.

Полячка отскочила к повозке. Воцарилось долгое напряженное молчание. Девица дышала тяжело, часто, не отводя настороженного взгляда от Бурцева. Машинально оправляла измятое платье и брезгливо – одними ноготками – стряхивала грязь. Увы, одежда средневековой модницы была испорчена окончательно и бесповоротно.

Бурцев терпеливо ждал.

Наконец, к нему соизволили обратиться.

Глава 12

– Ты ведь не рыцарь? – голос полячки все еще дрожал, но в нем проявились новые нотки. Холодная надменность знатной дамы или что-то вроде того...

Бурцев поморщился:

– И откуда ж такая уверенность?

– У тебя на доспехах нет ни герба, ни крестов христовых воинов. А надпись на твоём нагруднике не может быть геральдическим знаком или рыцарским девизом...

Бурцев взглянул на бронежилет. Сквозь грязные потеки и размывы отчетливо проступали четыре броские буквы «ОМОН». Без всяких там виньеток, единорогов, грифонов и львов на задних лапах. Да уж, геральдикой здесь и не пахнет. На гордый девиз тоже не тянет. На латинице звучит как «ОМОХ». Полнейшая белиберда.

Нарукавная нашивка МВД тоже не произвела никакого впечатления на барышню. Видимо, настоящие гербы принято вышивать во всю грудь. Остальное воспринимается не более чем легкомысленные украшения.

– ...И потом, ни один благородный рыцарь не стал бы так грубо обращаться с дамой, – продолжала гневаться полячка. – Благородный рыцарь на твоём месте преклонил бы колени и...

Он перебил её совсем уж не по-рыцарски:

– Я, между прочим, тебя от татар спас, подруга. И могу вернуть обратно, если не нравится моё общество.

– Я тебе не подруга, хам!

От её визга, как показалось Бурцеву, даже что-то упало с еловых лап... К счастью, девица быстро перегорела пламенем оскорбленной невинности. Стоноподобный вздох – и тон панночки переменялся:

– Хорошо, русич... Твой поступок, действительно, заслуживает похвалы. За помощь, оказанную мне, ты получишь награду. Потом. А пока можешь поцеловать мою руку. Только не испачкай. Многие рыцари были бы счастливы, добившись такой чести, так что...

Тяжело же ей далось это решение! Сжав губки, полячка протянула Бурцеву ручонку, которой совсем недавно пыталась выпарапать ему глаза. Может, и выпарапала бы, не окажись на пути острых ноготков прозрачного забрала каски-«ската».

– Спасибо, – хмыкнул он. – Премного благодарен, но я уж как-нибудь обойдусь.

Бурцев отвернулся от «благодетельницы», ища взглядом оброненный при падении с повозки ремень. Ага, вот он, родимый. Бурцев застегнул пряжку. Как раз на том самом месте, куда ударила стрела панночки.

– Твои манеры не оставляют поводов для сомнений в твоём происхождении, – резюмировала полячка. – Ты не можешь принадлежать к знатному роду. Но если будешь впредь служить мне верой и правдой...

– Ну, знаешь ли... – вскипел Бурцев. – Бить из самострела в своего спасителя – тоже не самая благородная манера. А кто кому послужит, – это мы ещё посмотрим. В твоей повозке есть что-нибудь пожрать?

Полячка удивленно скривилась:

– Пожрать? В смысле – кушать? Разумеется, есть. Я не босячка какая-нибудь, чтобы путешествовать без припасов.

– Тогда будь любезна, займись стряпней. Перекусим, и пора готовиться к ночлегу. Солнце садится. По темному нас с тобой искать не станут. Так что переночуем в повозке. Зароемся в шкуры – и на боковую. Лучшего убежища в лесу все равно не найти, а под открытым небом околеем. У вас тут, я смотрю, ещё прохладно – снежок вон лежит. Ну, а утром...

Он осекся, взглянув на лицо полячки. Округлившиеся глаза панночки полезли на лоб, высокая грудь ходила ходуном.

– Кто?! – не сразу смогла вымолвить она. – Я?! Я должна готовить еду?! Те-бе?! Мужлану?! Ты вообще знаешь, с кем разговариваешь, русич?!

– Хорошо, давай знакомиться, – улыбнулся Бурцев. – Меня зовут Вася.

Разгневанная девушка, казалось, вот-вот задохнется от волнения. Однако гордая панночка все же умела справляться со своими чувствами. Когда очень хотела. Сделав над собой невероятное усилие, полячка сглотнула клокотавшую ярость и заговорила ледяным тоном:

– Слушай внимательно, Вацлав...

– Вацлав?

– Так я тебя буду называть...

Ишь ты, ну прямо-таки Снежная Королева!

– Да хоть горшком! – он пожал плечами. Вацлав – так Вацлав. Пожалуй, с польским именем ему здесь даже проще будет. – Я весь – внимание!

Девушка, казалось, не уловила иронии:

– Перед тобой, презренный смерд, дочь покойного Малопольского князя Лешко Белого. Имя мое – Агделаида Краковская.

Слова эти панночка произнесла с таким видом, будто ожидала, что он сию же секунду бухнется ниц. А не дождетесь, ваше княжеское высочество!

Бурцева за малым не стошнило от великосветской напыщенности собеседницы. Такой тон и такие речи уместны где угодно, но только не в сгущающихся лесных сумерках. Эта Агда... ох, и имечко – язык сломаешь! Эта изнеженная девушка конкретно выводила его из себя. И, в конце концов, вывела. Пожалуй, не помешает сразу расставить все точки над «i». Во избежание дальнейших, так сказать, недоразумений.

– Значит так! Теперь ты слушай внимательно, Аделаида.

Она дернулась.

– Так тебя буду называть я, – весомо добавил Бурцев.

Полячка смолчала. Сочла ниже своего достоинства пререкаться с простолюдином? Ладно, лишь бы не перебивала.

– Во-первых, – продолжил он, – мне требуется твоя помощь. В ваших м-м-м... землях я раньше не бывал и о происходящем тут имею весьма смутное представление, так что без тебя – признаю – мне придется нелегко. Однако ты тоже нуждаешься во мне и притом еще больше. В одиночку и без охраны такой расфуфыренной дамочке долго не протянуть. Тебя непременно схватят татары или какие-нибудь разбойники. Или сожрут... ну волки, к примеру.

Полячка стоически молчала, поджав губки.

– Волки или лесные крысы!

Агделаида-Аделаида вздрогнула. Ага, проняло! Бурцев понятия не имел, жили ли в старопольских лесах крысы и нападали ли они на людей, но сейчас это не важно. Главное – припугнуть молодую стервозную особу с замашками капризной поп-звезды. Страх обычно делает людей сговорчивыми и покладистыми.

– И, во-вторых, что, собственно, вытекает из «во-первых»... Здесь, в лесу, мы с тобой на равных, княжна. Твой титул в этой глуши – ничто. И поэтому, хочешь ты того или нет, но определенную часть работы выполнять тебе придется. И работы грязной. Так что лучше не упрячься, а займись ужином.

– Да я лучше уму! – вскинула подбородок полячка.

– Валей, – с деланным равнодушием махнул рукой Бурцев. – Одному мне будет проще, чем с паразитом на шее. Найду себе другого спутника.

Бурцев сделал вид, будто собирается уходить.

И вот тут Аделаида его удивила. По-настоящему.

Она разревелась.

Только что перед ним стояла высокомерная гордячка, а теперь размазывала слезы по лицу обиженная девчонка-тинейджер. Ну, и что с такой делать?!

Бурцев вздохнул. Ладно, проблемы лидерства и распределения обязанностей будем решать позже. За провизией в повозку княжны он полез сам. Распрягал и стреноживал лошадей Бурцев тоже в одиночестве – под непрекращающиеся всхлипы молодой полячки.

Глава 13

Много времени на готовку не потребовалось. Миксер на колесах, в который Бурцев поневоле превратил княжеский «экипаж», уничтожил почти все запасы, смешав продукты с пылью и грязью. В пищу годились лишь несколько лепешек да головка сыра, удачно запутавшаяся в чистом платье Аделаиды.

Когда Бурцев вылез наружу и разложил перед княжной нехитрые харчи, полячка, наконец, перестала хлюпать носом. Но есть с земли отказалась. Пришлось наскоро изваять из слетевшего колеса, подушки и более-менее чистой тряпицы некое подобие стола.

Ели в полном молчании. За неимением воды закусывали лепешки и сыр снегом, который и растопить-то было не в чем. И что хуже – не на чем: с огоньком тоже возникли проблемы. Василий не курил, потому спичек и зажигалок в его карманах сроду не водилось. А походные костры для княжны разжигали кнехты и слуги. У самой полячки не нашлось даже захудалого огнива.

Бурцев, правда, старался выбирать снежок почище. Но весной даже самый чистый снег оказывается грязен, и на зубах неприятно похрустывало. В общем, трапеза получилась явно не с княжеского стола. Аделаида поначалу воротила нос от скудного ужина, однако в итоге умяла большую часть уцелевших припасов.

Теперь полячка не выглядела расстроенной. Панночка повеселела настолько, что сама возобновила прерванную беседу:

– Я до сих пор ничего не знаю о тебе, русич Вацлав. – она старалась говорить по-прежнему надменно, но скрыть любопытства не смогла.

«Женщины – они везде одинаковы», – глубокомысленно заметил про себя Бурцев.

– Что именно тебя интересует, княжна?

– Все то же. Кто ты такой? Я уже поняла, что не рыцарь. Может быть, дружинник? Нет, вряд ли... Воины из княжеских дружин тоже обычно придерживаются законов чести. По крайней мере, при общении с дамами.

Намек понятен. Опять начинаются лекции об этикете...

– Скорее всего, ты кнехт, отбившийся от какого-то отряда, – продолжала рассуждать княжна. – Или дезертир. А что, очень даже возможно!

Ее лобик, на котором уже вскочила небольшая шишка, хмурился. Высочество изволит думать вслух, причем ничуть не интересуясь реакцией объекта своих дум.

– Или ты разбойник? Много ведь сейчас лиходеев развелось. Или просто мужлан, вообразивший себя невесть кем?

Да, проницательностью дочь этого, как его... Белого Лёшки явно не блистала.

– Не угадала, княжна, – усмехнулся Бурцев.

– Тогда кто же ты?

– Отряд милиции особого назначения. Слыхала о таком?

– Милиция? Мужичье ополчение, что ли? – поджала губки полячка. – Ну, конечно, я так и знала!

Бурцев раздраженно сплюнул:

– Все, хватит болтать, спать пора. Завтра подъем до зари, так что лезь-ка ты в свою телегу, княжна. Я чуть попозже лягу.

Это «чуть попозже» он намеревался растянуть часов до четырех утра. Бурцев не лгал, когда говорил Аделаиде, что преследователи не станут искать их ночью – он, действительно,

на это рассчитывал. Переться вслепую ночью, по непроглядной лесной чащобе, рискуя сбиться с дороги и заблудиться, неизвестные всадники в дурацких масках не станут – не идиоты, авось. Но и беспечно завалиться дрыхнуть в незнакомом лесу тринадцатого века тоже было бы крайне неразумно. Мало ли кто здесь шастает, кроме «татар». Аделаида упоминала про разбойников-лиходеев. А эти-то могут знать местные дебри, как свои пять пальцев. И опять-таки волки. Крысы...

Полячка отчего-то не торопилась забираться в повозку.

– В чем дело, Аделаида? – нахмурился Бурцев.

– Ты тоже ляжешь спать, Вацлав?

– Лягу, конечно.

– В повозке?

– Да, да. Не переживай, княжна. И не жди меня – устраивайся поудобнее. Поверь, в твоей телеге опасаться нечего. Все татары уже баиньки. Волки туда не залезут, да и крысы не доберутся. Спокойной ночи... Ну, чего еще?!

– А как ты собираешься спать, если у тебя нет меча?

– Меча? Я же сказал, здесь безопасно. Можно спокойно ложиться без оружия и...

– А что же тогда будет разделять наше ложе?

– Не понял?

Бурцев удивленно захлопал глазами. Аделаида вспыхнула так, что пунцовость ее лица можно было разглядеть даже в сгустившемся мраке. Так и пялились друг на друга. Недолго, впрочем.

Пару секунд спустя Бурцеву пришлось призвать на помощь все свое самообладание, чтобы не расхохотаться. Ну, конечно! Аделаида, наверное, успела начитать рыцарских романов или послушаться бредней трубадуров. Да-да-да... Помнится, странствующие рыцари, вынужденные ночевать под открытым небом со спасенными в походах красавицами, клали обнаженный меч между собой и своей спутницей. И тем самым якобы блюли верность даме сердца, а заодно – невинность случайной попутчицы.

– Не бойсь, княжна, малолеток не обижаю! – усмехнулся Бурцев.

«Хотя не такая уж ты и малявка...» – он еще раз окинул взглядом вполне созревшие формы девушки. Определенно барышня уже вышла из возраста лолит.

– Малолеток? – недоуменно переспросила полячка. – Это что?

– Ну, дети. Или почти дети.

– Мне, между прочим, уже семнадцать лет!

Вот оно как. Учтем...

– Рад за тебя. И все-таки детское время кончилось. Пора спать.

– У тебя нет меча, Вацлав, – снова заупрямилась Аделаида. – И спать с тобой на одном ложе я не стану.

– Предлагаешь заночевать мне в снегу и грязи? Здорово придумала!

– У те-бя нет ме-ча... – отчетливо, с артикуляцией логопеда-профессионала повторила полячка.

Ох, уж этот дурацкий рыцарский обычай! Если изголодавшийся по женской ласке здоровый мужик или молодая баба, годами томившаяся в застенках какого-нибудь злодея-чародея, изнывают от страсти, то какой прок от клинка, пусть даже с бритвенно острым лезвием? Перемахнуть через него на другую половину ложа – дело нехитрое. А если, к примеру, благородного рыцаря вдруг угораздило освободить из сарацинского плена целый гарем, то каким количеством колюще-рубящего оружия он должен запастись на ночь, чтобы огородить каждую красавицу?

Вероятно, меч на ложе имел исключительно символическое значение. Но почему бы для подобного символа не приспособить иное подручное средство? Кинжал Аделаиды или стрелу

из ее колчана? Хотя нет, оружие пока лучше держать при себе и не оставлять его в пределах досягаемости взбалмошной девчонки. Мало ли что ей почудится спросонья. Тут нужно что-нибудь побезопаснее.

Затащить в повозку корягу или сломанную ветку? Гм, сомнительное решение проблемы... Он осмотрел себя. А вот это, пожалуй, стодится! Бурцев расстегнул пряжку ремня. Из него недавно вышла такая замечательная плетъ. Теперь у поясного кнута появится еще одно предназначение.

– Вот! – он сунул ремень княжне под нос.

Аделаида испуганно отпрянула. Блин! Девочка превратно истолковала его жест!

– Не бойся, – поспешил успокоить ее Бурцев. – Лупить тебя я не собираюсь. Хотя и следовало бы... Это у нас с тобой будет вместо меча. Смотри...

Он забрался в повозку, наскоро соорудил из разбросанных шкур подобие постели. И положил ремень посередине.

– Это – твоя половина, это – моя.

Для пущей убедительности Бурцев бросил на свою территорию каску и бронник.

– Все ясно?

Аделаида обреченно кивнула.

– Да, и еще... – он задержался под пологом из медвежьей шкуры. – Ты случайно про башни перехода ничего не слышала?

– Башни перехода? А кто там томится? Знатные дамы?

Бурцев безнадежно махнул рукой:

– Все с тобой понятно, княжна. Ладно, проехали. Спи, знатная дама.

Уснула она сразу. Не снимая верхнего платья и зарывшись в импровизированное ложе с головой.

Бурцев тоже запахнулся в длинное теплое одеяло, как в бурку, уселся на слетевшее с оси колесо повозки, задумался, вглядываясь в темноту и прислушиваясь к всхрапыванию лошадей.

Итак, судьба и магические пространственно-временные парадоксы древних башен перехода забросили его в Польшу тринадцатого века. И что он здесь имеет? Бронник, каска, омовенский прикид, наручники в кармане, ремень на постели... Небогатый арсенал. Пожалуй, Аделаида права. Нужно в самое ближайшее время обзавестись каким-нибудь оружием посерьезнее резиновой дубинки и баллончика с «черемухой». Есть основания предполагать, что оружие это потребуется не только для того, чтобы разделять ложе со строптивой княжной. Времечко-то смутное, беспокойное. Татары, лиходеи-разбойники... Да и вообще бродить безоружным по раздробленным феодальным княжествам – сродни самоубийству. Особенно в компании с такой важной персоной, как ее высочество.

Эх, Аделаида-Аделаида... Княжну без вооруженной охраны кнехтов наверняка теперь начнет отлавливать каждый встречный-поперечный. Знатная кровь – она ведь чем хороша: за нее выкуп можно выручить неплохой. Или, на худой конец, потешиться вволю и потешить свое самолюбие. Пропадет девчонка одна, как пить дать пропадет. Жалко...

А его, чего доброго, совесть замучает: сначала спас, потом бросил погибаться. Нет, пока он не сдаст Аделаиду с рук на руки каким-нибудь родственникам или покровителям, с ней придется повозиться.

Бурцев хмыкнул. Кого он пытается обмануть? Дело-то в другом. Совсем в другом. Просто нравится ему эта полячка! Несмотря на все ее великосветские выкрутасы. Честно говоря, понравилась с самого начала – когда яростно отбивалась от вооруженного мужика в маске. А теперь все сильнее западала в душу. Вот уже и до ночных терзаний дошло. Еще вториться не хватало! Впрочем, вероятность этого невелика. Скорее всего, стержневой характер знатной спутницы сведет на нет зарождающееся не к месту и не ко времени чувство. Что ж, в принципе, Бурцева это устраивало.

Глава 14

Он позволил себе прикорнуть лишь перед самым рассветом. Долго боролся с сонливостью, но, в конце концов, сдался. После всего пережитого выдержать «собачью вахту», а потом спозаранку бодренько отправляться в опасный путь было все-таки выше его сил. В ОМОНе тоже не роботы служат.

Мелькнула мысль разбудить Аделаиду, но полячка так сладко посапывала где-то в глубине повозки, что Бурцев пожалел девчонку. Какой из нее сейчас часовой – тоже, небось, намазлась. Пусть уж отсыпается, благородная панночка, свое отдежурит завтра.

Бурцев поплотнее запахнул одеяло, привалился к изрезанной медвежьей шкуре, вдохнул свежий прохладный воздух весеннего леса. Запах пробуждающейся жизни. А глаза слипались.

Дремал он, впрочем, чутко, то и дело просыпаясь от подозрительных шорохов, треска и хруста. Кто шумел в темноте леса – не понять. То ли дикий зверь, то ли ночная птица, то ли стреноженные лошади. «Лишь бы не человек», – думал Бурцев. И снова проваливался в небытие. Чтобы вскоре опять пробудиться. По сути, такой сон – и не сон вовсе, но лучше ведь, чем ничего.

Он очнулся от дремы относительно свежим и в меру бодрим. Отметил с удовлетворением, что внутренние биологические часы, несмотря на невообразимый скачок во времени, с ритма не сбились и работают исправно. Получили невидимые ходики мысленный приказ разбудить через пару часов, оттикали свое и будто пихнул кто локтем в бок: вставать пора.

И в самом деле пора. В самом лесу еще темным-темно, а облака над верхушками деревьев уже розовеют. День обещает быть ясным.

Бурцев вылез из-под одеяла. Ж-ж-жух! Свежо – это еще мягко сказано. Он потянулся. Хорошо так, до хруста в суставах. Потом зачерпнул из ближайшего сугроба снежка почище, обтер лицо. Холодные колючки, вонзившиеся в кожу, окончательно привели в чувство.

Под руку попалась какая-то застрявшая в сугробе ветка. Ветка? Стрела! Сжавшая было сердце тревога отступила. Он узнал короткий арбалетный болт. Не чужая стрела – своя, родимая, в его, Василия Бурцева, брюхо пущенная. Наконечник слетел, древко надломлено.

Вспомнилось, с каким остервенением набросилась на него вчера панночка. А ну как убила бы его Аделаида. И что бы тогда? Куковала б одна в лесу? Влезла б с ногами на повозку и пряталась от лесных крыс, княжна, блин, Тараканова? Ну и ду... А впрочем, чего он на нее взъелся? Собственно, полячка эта просто-напросто несчастный потерявшийся ребенок. Ну а спесь – не столько ее вина, сколько издержки воспитания.

Благостное расположение к знатной спутнице, однако, продержалось недолго. Уже четверть часа спустя Бурцев мысленно крыл благородную панночку распоследними словами.

Растолкать ее оказалось делом непростым. Сначала пришлось откапывать из-под вороха шкур. Потом долго и без особого результата трясти за плечи. И, в конце концов, нарваться на «грубого мужлана». Не привыкла, видать, наша барышня подниматься в такую рань.

Пока сонная Аделаида приводила себя в порядок под прикрытием повозки и густого кустарника, Бурцев готовил к походу двух лошадок покрепче – гнедую и пегую. Седлать кобылок из упряжки было нечем – в повозке не нашлось сбруи для верховой езды. Кое-как, при помощи кинжала полячки, Бурцев укоротил вожжи и соорудил из них некое подобие поводьев. Обрезки с петлями на концах превратились в стремена. Шкуры и одеяла сгодились на попоны. Ехать на мягком все-таки комфортнее, чем на голом крупе, да и спать будет на чем, если путешествие затянется.

А может быть, и не затянется вовсе. Яцек, помнится, говорил о какой-то Вроцлавской крепости, где покойный посланец Генриха Благочестивого предлагал беженцам оставить обоз. Уж там-то знатной полячке должны помочь. Может, снова выбраться на лесную колею, а та

выведет прямиком к крепости? Или уж не высовываться от греха подальше? В любом случае от разбитой повозки надо уходить.

– Эгей, княжна! Пора в путь. Что ты там как сонная муха. Татар дожидаясь?

Аделаида, наконец, появилась из-за повозки. Вроде проснулась, а вроде и нет. Все еще помятая, чумахая (видимо, панночка так и не решилась на омовение снегом), но зато переодетая в чистое – небесно-голубое с вышитыми золотыми узорами – платье из своих запасов. Новый наряд оказался столь же непрактичным и мало подходящим для путешествия, как и предыдущий. Широкие рукава просторной верхней одежды будут при скачке цепляться за каждую ветку, а красные рукавички под ними – длинные, сужающиеся от локтя к самым кистям и крепко затянутые шнуровкой – наверняка здорово стесняют движения. Диковато смотрелся в лесу и расшитый пояс на осиной талии. И кошель, прикрепленный к нему. И серебряный обруч на голове. И огромная брошь с неограненной, но явно драгоценной каменюкой под горлом. Но хуже всего – длиннющий подол. Со шлейфом!.. Подол нелепо волочился за хозяйкой по грязи и снегу, открывая лишь носки сапожек.

На бал вырядилась, что ли? Бурцев поморщился. И далеко же он уедет с такой попутницей?

– Я готова, – мученически вздохнула девушка. – Можем отправляться... Ой, что это?

По ее прелестному измазанному личику пробежала гримаска удивления. Остатки сонливости выморгались в два счета. Потом в глазах возникла тревога.

– Что ты сделал с моими лошадками, Вацлав?

– Что надо, то и сделал! Верхом ездить умеешь?

– Меня опекун учил, но... Уж не хочешь ли ты, чтобы я...

– Именно. Хочу. Чтобы ты... Пешком мы далеко не уйдем. Поедем верхом.

– Как?! – сжала она кулачки. – Как ты себе это представляешь?! Чтобы я без седла и в этом платье...

– Извини, но дамских седел у меня нет. А насчет платья... Могла бы надеть что-нибудь поудобнее.

Аделаида вспыхнула:

– Я, между прочим, дочь князя. Я не могу позволить себе путешествовать в нарядах служанок и куртизанок. А моим дорожным платьем после той скачки, которую ты устроил вчера, побрезгует даже последняя нищенка. Сам видел, во что оно превратилось? Хотя какое тебе дело! Наверное, привык жить как свинья в хлеву.

– Хватит, княжна! Живо на лошадь, пока я сам тебя не забросил.

– Только посмей ко мне прикоснуться, мужлан!

Нет, Аделаида определенно обладала талантом в самый неподходящий момент становиться сверхнесносной особой.

– Лезь, кому говорят!

В правой руке Бурцев все еще держал кинжал, которым пользовался при изготовлении самодельной сбруи. Но хищный блеск клинка ничуть не испугал девушку. Гордо выпятив подбородок, она прошипела ему в лицо:

– Сначала сам надень мое платье, а я посмотрю, как ты будешь в нем взбираться на лошадь.

А ведь она права. Тут дело не только в тупом упрямстве. В наряде княжны невозможно ни закинуть ногу через лошадиный круп, ни удобно усестись верхом. Хотя... в принципе, довести эту роскошную одежду до ума не так уж и сложно.

– Аделаида, – осторожно проговорил Бурцев, – нужно сделать несколько разрезов. Вот здесь, здесь и...

– Каких разрезов?

– На платье. Чтобы было удобнее. Возможно, ехать нам придется долго, поэтому...

– Ты в своем уме, Вацлав? – голос княжны прозвучал неожиданно спокойно. Словно она еще не верила, что собеседник предлагает ЭТО всерьез. – Думаешь, я соглашусь носить рвань? Ни-ког-да! Мы идем пешком, и никаких возражений я слушать не желаю!

Аделаида резко отвернулась, давая понять, что все, что разговор закончен. Длинный шлейф шелестнул по прошлогодней листве и грязному снегу. Какой-то недопревший листик прилип к влажной ткани.

Вот на него-то Бурцев и наступил, припечатывая шлейф к земле. Стоп!

– Ладно, княжна, я помогу тебе с костюмом.

– Что? Что-о-о?!

Глава 15

Бурцев подхватил длинный подол верхнего платья и... Кинжал оказался в руке весьма кстати. Сначала на землю упал отсеченный шлейф. Потом с величайшей осторожностью – чтобы не поранить брыкающуюся (Ай, да ножки! Ай, да прелесть!) девочку – он распорол негодные для верховой езды юбки. Затем пришел черед широких рукавов верхней одежды. Дольше всего пришлось повозиться со шнуровкой узких рукавчиков. Сложное переплетение ремешков он аккуратно надрезал у кистей. Ничего не должно стеснять руки, когда правишь лошадь при помощи самодельного повода.

– Безмозглый варвар! Мой плащ! Мое лучшее сюрко! Моя котта!³

Визг стоял оглушительный. Потом оскорбленная до глубины души княжна захлебнулась в бессильных слезах. Полячка вела себя так, будто ее полностью оголили! Ну, так он может на нее и не смотреть. Больно надо...

Василий отвел глаза. Смотреть, действительно, было больно. Снова перед ним стоит не княжна, а несчастная девочка-подросток. Хоть по головке гладь. Правда, это чревато. Запросто может тяпнуть зубами за палец. И все же...

Жалкая, пунцовая, сопливая девица опять пробуждала в нем непрощенное чувство вины. Василий вздохнул. Однако время, время! Сетка частых солнечных лучей оплетала покрытые почками ветви. Новый день все настырнее предъявлял свои права на лес. Утренний свет уже достаточно ярок, чтобы всадники в масках могли продолжить поиски беглецов. И ждать, пока княжна выплачется, – непозволительная роскошь.

– Ты это, Аделаида... – угрюмо пробормотал Бурцев. – Кончай реветь. Ехать нам с тобой надо.

Княжна подняла на него заплаканные глаза.

– Когда все кончится, я первым делом прикажу тебя казнить, Вацлав, – негромко, но решительно произнесла она.

Бурцев пожал плечами: вчера его уже собирались вздернуть, так что не привыкать.

– Договорились! Теперь можем отправляться? Или будем ждать, пока на твои крики сбегится вся татарская орда?

Она молча подошла к пегой кобылке. Бурцев шагнул было следом – посадить. Но зеленые глаза княжны окатили его таким презрением и ненавистью... В общем, пока лучше будет держать дистанцию.

Аделаида вскочила на круп лошади не то чтобы лихо, но не без определенной сноровки. Можно сказать, с некоторой грацией. Амазонка, да и только. Только вот наряд подкачал. Распоротое в нескольких местах платье теперь, конечно, годилось для конных прогулок, но потеряло былой шик. То ли модельер из Бурцева никудышный, то ли модель слишком сильно дергалась.

---

³ Предметы одежды в Средневековье.

– Вацлав! – княжна царственно повернула к нему свою милую головку.

Серебряный обруч слетел с нее во время отчаянной борьбы за платье, и ветерок теперь играл в рассыпавшихся волосах. Красиво... Даже эротично. Но тон Аделаиды Бурцеву не понравился – так принято разговаривать со слугами.

– Я не могу путешествовать только в этом, – скривившись, она скользнула взглядом по своему искромсанному дорожному костюму. – Мне нужно будет переодеться, когда мы выберемся к людям. Так что принеси, пожалуйста, еще какое-нибудь платье почище, а лучше два.

Это «пожалуйста» настораживало. Знатная дамочка вроде Аделаиды удавится, но не скажет «волшебного слова» простолюдину. Однако княжна права. Походная сумка со сменой одежды ей не помешает.

Конечно, по-хорошему следовало бы отправить за бараклом саму чванливую девчонку. Но водрузить княжну на лошадь стоило стольких усилий и криков, что Василий предпочел сделать то, о чем его просили. «Пожалуйста» все-таки...

Хоть время и поджимало, к повозке Бурцев шел не спеша. Пусть полячка не думает, что обзавелась мальчиком на побегушках. Флюиды ее ненависти он чувствовал спиной. Да, княжна вне себя от злости. Будь у нее оружие, без промедления ударила бы сзади. К счастью, Бурцев со вчерашнего дня предусмотрительно держал и арбалет, и стрелы, и кинжал Аделаиды при себе. Лишь бы лошадью топтать не стала. Он бросил взгляд через плечо. Нет. В Багдаде все спокойно. Сидит полячка на попоне из медвежьих шкур, как каменная, не шелохнется.

За изрезанным пологом в первых солнечных лучах повозки мельтешились пылинки. Да, здорово они с княжной подзадержались. И, видимо, еще придется. Бурцев растерянно перебирал вороха одежд. Он и в своем-то времени мало что понимал в нарядах противоположного пола, а тут и вовсе голова шла кругом. Сюрко какие-то, котты, – так, кажется, княжна называла свои одеяния. Еще вот плащи дурацкие из одного огромного отреза ткани. Ладно, не до жиру... Он подхватил первое, что попало под руки. И тут же выронил, услышав стук копыт.

Бурцев кубарем вывалился из повозки. Неужели достали-таки «маски»?! Ага, как же! Ничего подобного. Это, пригнувшись к шее лошади и ожесточенно колотя пятками в бока несчастного животного, уносились прочь княжна. В безлистном еще лесу Бурцев разглядел стремительную тень... нет, две тени! Полячка ловко сигала через кусты, объезжала деревья, пригибалась под низкими ветками и при этом не выпускала длинный самодельный повод второй лошади – той самой гнедой, что Бурцев приготовил для себя. Незамысловатая хитрость девицы – отправить надоевшего спутника подальше, а самой рвануть с места в карьер удалась на все сто.

Бурцев выругался. Кажется, довел он барышню этим платьем. Да и утреннее солнышко, видать, развеяло ночные страхи Аделаиды – вот и сорвалась, дуреха. Неизвестно, какой-такой опекун обучал стервозу верховой езде, но дело свое он знал. На лошади Аделаида держалась гораздо лучше рыжего Яцека.

Бурцев кинулся вдогонку. Бросил по пути арбалет, рассыпал в кустах стрелы из колчана. Исцарапался весь, взмок, как мышь, но бежал, надеясь, что обидчивую княжну схлестнет-таки с лошади какая-нибудь коварная ветка или еловая лапа. Да куда там! Стук копыт стих, а сбитой полячки нигде не видать.

Он выскочил на колею. Все ясно! Аделаида прорвалась через густые заросли можжевельника и вылетела напрямиком на лесную беженскую дорогу. Гнаться за ней дальше на своих двоих больше не имело смысла.

Сплюнув, Бурцев повернул обратно. Гнаться? Еще чего! Может, и к лучшему, что они расстались. Слаженного тандема из омовца и княжны все равно не получалось.

Но неожиданное избавление от капризной попутчицы не радовало. Наоборот – заставляло нервничать. И от этого Бурцев злился. На самого себя. Да кто она, в конце концов, ему такая! Подумаешь, смазливая девчонка благородных кровей! Подумаешь, дочка князя. Но он-

то не княжеский вассал и в телохранители к Аделаиде тоже не нанимался. Ну, нравится она ему. Да, временами. Когда спала зубами к стенке. А сейчас все, разонравилась. Прошла любовь, увяли помидоры. С какой радости он должен ей помогать, когда ему самому требуется помощь. В чужом времени, в чужой стране. Все! Забыть! Плюнуть! И растереть!

Взвинченный до предела Бурцев возвращался по вспаханному четырьмя парами подков мшистому лесному ковру – к месту ночного привала. Достала же она его, ох и достала эта полячка!

Но вдруг и злость, и раздражение, и обида ушли разом. Бурцев застыл на месте. На полпути к брошенной княжеской повозке. Чуть в стороне от нее, под раскидистой елью лежал подтаявший сугробик. А на самом его краешке – там, где снег смешивался с опавшей хвоей – виднелись отчетливые следы человеческих ног.

Когда он сломя голову мчался за княжной, то не заметил этих отпечатков. Зато теперь есть возможность изучить следы досконально. Это явно не следы миниатюрных сапожек Аделаиды. И уж точно не его берцы 44-го размера. Да и не подходил он к этой ели ни разу. А надо было... Не отсюда ли похрустывало ночью? Выходит, за ними все-таки наблюдали? И не напали? Судя по следам, наблюдатель был один. Но если сейчас его здесь нет, значит... Значит, отправился за подмогой?

Обувь топтавшегося возле их ночлега человека была странной. Похоже, сшита из одного цельного куска кожи и скроена абы как. Между правым и левым башмаком нет почти никаких отличий, словно незнакомец прыгал под елью на одной ножке. Не всадник в маске то был и не княжеский кнехт... Дешевую обувь, скроенную по одной колодке, здесь носили простолюдины, вроде беженцев из малопольского обоза.

Дальнейшие следопытские изыскания пришлось прервать. Со стороны лесной дороги донесся отчаянный крик, а не узнать звонкоголосую полячку было невозможно.

Глава 16

Сразу позабылись и доводы рассудка, и обиды на своенравную панночку, и данное самому себе слово выкинуть Аделаиду из головы! Он рванул сквозь можжевельник, пробитый тушами двух лошадей.

Вот, новый вскрик Аделаиды! Бурцев ускорил темп, перемахнул через стоялую лужу с корабликами скукоженных листьев, выскочил на полянку с тремя соснами-великанами в центре и увидел...

Уф! Все не так страшно. Уже хорошо, что перед княжной не разыгрывается второй акт «тартарских» «маски-шоу». На княжну напали либо беженцы, отставшие от обоза, либо лесные гопстоповцы смутного времени.

Их было трое. Широкоплечие мужики с пудовыми кулаками. Засаленные волчьи полушубки на голое тело, косматые шапки, домотканые штаны и обувь, по форме напоминающая обвязанные вокруг щиколотки бахилы. Из оружия – только луки и стрелы. Впрочем, и то, и другое сейчас закинута за спину, чтобы освободить руки. А руки – все шесть рук – тянулись к Аделаиде. Спешившаяся и испуганная, она стреляла затравленным взглядом по сторонам. На щеке девушки свежая царапина. Поранилась при падении? Ага, стрела, пущенная из засады, сделала свое дело: пегая кобылка княжны лежала без движения. Запутавшаяся в длинном поводе гнедая стоит поодаль, раздувая ноздри. Увы, лучники уже отсекали Аделаиду от уцелевшей лошади – не сбежать.

Бурцев налетел на них внезапно и шумно. Словно леший, сверзшийся с еловой верхотуры. Лесные стрелки, однако, оказались не лыком шиты. Не шарахнулись по сторонам, не застыли в ступоре, а сами поперли в бой. Причем правильно сообразили, что времени хвататься за луки у них уже нет, а потому решили попытать счастья на кулачках.

Плечистых молодцев бог силой не обидел, но тратили свою силушку они не по уму: без толку рассекали воздух широкими – от плеча – взмахами, мешая друг другу. Простая крестьянская логика – размахнуться пошире да вклепить посильнее – имела существенный изъян. Слишком медленно, слишком неуклюже и слишком предсказуемо двигались бойцы. Увернуться от их ударов Бурцеву не составило труда, а об обороне эти трое не думали. То ли вообще не имели ни малейшего представления о правильной защите в кулачной схватке, то ли полностью полагались на численное преимущество. И Бурцев воспользовался их ошибкой.

Первым – как по заказу – подставился ближайший противник. Глупо подставился: слишком низко опустил руки, намереваясь поднырнуть и сгрести граблеобразными пятернями соперника под колени. А вот голову прикрыть не потрудился. Наоборот, вытянул шею, выставил свою незащищенную тыкву над плечами. Бей – не хочу. Ну, и поплатился, бедолага...

Взмах ногой! Боевой – не спортивный – удар хорошо набитой голенью, усиленный резким разворотом корпуса – и первый противник грохнулся наземь. Еще бы не грохнулся – аккурат под ухо получил.

Второй мужичок напоролся на точную мощную «троечку»: в глаз, в дыхалку, а когда соперник подался вперед, жадно заглатывая воздух, – заключительный прямой – между носом и жиденькой бороденкой. Так-то! Не одному Яцеку теперь до конца жизни ходить щербатым. Поиск стоматолога-протезиста в средневековой Польше – дохлый номер.

Оставшийся противник успел-таки приблизиться почти вплотную. Навалился всем телом, но до настоящей борьбы дело не дошло. Бурцев изловчился, высвободил обхваченную медвежьими тисками руку... И провел отменный апперкот. Поляк, нокаутированный сокрушительным ударом в подбородок, шлепнулся на землю всей своей широченной спиной.

Всё. Аут. Право слово, избиение младенцев какое-то! Неоскинхэнды из Нижнего парка бились гораздо профессиональнее.

Бурцев повернулся к Аделаиде. Та смотрела на него широко распахнутыми глазенками и... и качала головой. Молчаливый ответ на незаданный вопрос.

Вот как? Ну, конечно, не в правилах отпрысков благородных семейств менять принятое единожды решение. Раз уж надумала княжна сбежать, то уговорить ее упрямое высочество продолжить совместное путешествие будет непросто.

И все же он попытался:

– Послушай, княжна...

– Не желаю ничего слушать, Вацлав!

Она резко отвернулась, выставив на обозрение испачканную юбку со срезанным шлейфом. Аккурат на пятой точке красовалось свежее пятно. Видимо, падая с подстреленной лошади, княжна приложилась не только щекой. И притом здорово так приложилась.

Бурцев вздохнул. Хорошо же, блин, устроилась панночка... Как только запахло жареным – сразу в крик. А стоило ему примчаться на зов и раскидать лесную гопоту, – так нате вам... От ворот поворот. Что ж, самое время покапризничать и понадувать пухленькие губки. Опасность-то уже миновала. Но хоть бы спасибо сказала, что ли...

Ладно, хватит ломать комедию. Его совесть чиста. Лесные лиходеи снова начинают копошиться. Нужно забрать у них луки со стрелами, а дальше...

Топот копыт раздался, когда он шагнул к поверженным разбойникам. Бурцев резко обернулся. А вот теперь беда! Настоящая! На поляну вылетело с десятков всадников. Старые знакомые – «тартары» в масках. Впереди – на вороном коне – саблезубый с топором. Видимо, это и есть предводитель отряда.

Спесь Аделаиды как рукой сняло. Испуганно пискнув, княжна юркнула за спину Бурцеву.

При нападении на обоз беженцев кочевники издавали только дикие крики. Теперь же «маски» перешли на членораздельную речь. Клыкастый указал секирой на Аделаиду и глухо проревел из-под уродливой личины:

– Взять! Остальных – убить!

Вот те на! С каких это пор «тартары» заговорили по-польски?

– Быстро! – орал саблезубый. – Мне нужна девчонка!

Сам он, впрочем, приближаться к княжне и ее спутнику не спешил. Да и подчиненные клякастого тоже. Никто не попытался на скаку срубить Бурцеву голову или нанизать его на пику. Всадники в масках больше полагались на другое оружие: четверо уже вытащили из-за спин арбалеты и, опустив скобы самострелов к стремянам, заряжали их, не слезая с седел. Вымуштрованные лошади стрелков застыли в ожидании.

Ага, помнят о «черемухе»! Потому и не лезут в ближний бой. Увы, сейчас у Бурцева не было даже газового баллончика. А бронежилет и «скат» валяются возле повозки княжны. Он почувствовал себя беззащитным, почти голым. Увернуться от арбалетного болта, наверное, так же трудно, как и от пули. То есть почти невозможно.

Глава 17

Спасение пришло неожиданно. Лихой разбойничий посвист – и воинственные крики нарушили тишину леса. Замелькали тени. На поляну вылетело с полдюжины стрел. Двое арбалетчиков повалились с седел. Еще под одним рухнул раненый конь. «Маски» вмиг забыли и о Бурцеве, и о княжне. Пара коротких оперенных болтов были всажены в просветы между деревьями. Оттуда раздался чей-то вой.

А в следующую секунду два всадника ринулись в бой с противоположного конца беженской дороги. И эти двое не прятали своих лиц. За конными, чуть поотстав, бежала целая орава пехотинцев. Пара-тройка кнехтов в кожаных доспехах с копьями и щитами да десятка полтора вооруженных луками, ножами, топорами и охотничьими рогатинами простолюдинов в волчьих шкурах.

Аделаида, высунувшись из-за плеча Бурцева, с детским восторгом наблюдала за происходящим.

Атаку, несомненно, возглавлял высокий худощавый рыцарь в порубленной и неоднократно чиненной кольчуге. Голову всадника прикрывал округлый шлем, напоминавший половинку расколотого ореха. Забрало отсутствовало, но массивный, чуть погнутый наносник надежно оберегал лицо от поперечных ударов. На лице этом выделялись пышные усы соломенного цвета с загнутыми вниз концами. К седлу с высокими луками прикреплены ножны длинного прямого меча. На поясе еще один клинок – покороचे. И небольшой кинжал в узких ножнах. В левой руке – побитый треугольный щит. Краска на нем здорово облупилась, так что герб – одинокая серебристая башня на синем фоне – разобрать почти невозможно. В правой руке – тяжелое копьё с трепещущим на ветру кроваво-красным флагом. Заостренные концы копейного банера – словно зубы ощерившегося хищника. На длинном древке – небольшой щиток, прикрывающий руку и плечо.

За спиной всадника развевался плащ из тонкого сукна, а на ногах блестели золоченые колесики шпор – ими наездник нещадно погонял своего скакуна.

Хрясь! Всадник врезался в тесную кучку «масок». Копье усача вышибло из седла ближайшего противника. Сломанный наконечник, вместе с флагом-банером, остался в теле поверженного врага. А нападавший уже вырвал из седельных ножен меч длиной в полторы руки. Металл зазвенел о металл.

Следом за рыцарем скакал широкоплечий бугай с бычьей шеей, круглым лицом и таким же круглым щитом на левой руке. К его седлу был приторочен второй щит – треугольный, рыцарский. Такой же побитый, с таким же облезшим гербом.

«Оруженосец», – догадался Бурцев. Правда, этот малый не только носил оружие, но и дрался не хуже своего усатого господина. Даром что из доспехов на нем – только толстая кожа-

ная рубаха да легкая кожаная каска, укрепленная стальными полосами. Металл скупно поблескивал на ее гребне, прикрывал крепкими пластинами темя, виски и затылок. Чешуйчатые наушники застегивались под щетинистым подбородком. Серебристыми шпорами оруженосец погонял свою лошадку, заметно уступающую по размерам и стати рыцарскому коню, страшно орал и размахивал увесистой гирькой на длинной цепи.

Он ловко сшиб кистенем вражеского всадника, пытавшегося атаковать рыцаря с фланга. Противник в порванной маске и расколоте шлеме грохнулся наземь. Волчешубая пехота тут же приняла его в свои объятия.

Новый поворот боя: в ряды пехотинцев врзались, размахивая мечами, трое масконосцев. Но одного из них тут же срубил усатый рыцарь, второму проломил череп его оруженосец, а третьего – вместе с конем – завалили копьями кнехты.

– Княжну ко мне! – прокричал усач. – Кня-жну!

Какой-то кнехт бросился было к Аделаиде, но рухнул, скошенный топором всадника в клыкастой личине.

– Бежим! – Бурцев потащил полячку к краю поляны, где испуганно жалась к деревьям гнедая кобылица. Но девушка вырвала руку.

– Ты не понял, Вацлав? – глаза ее сияли. – Отныне наши с тобой пути расходятся. Вот он, мой истинный спаситель!

Княжна буквально пожирала восхищенным взглядом усача с мечом и облупившимся щитом.

– Пусть он беден, пусть за ним следует всего лишь один оруженосец, но этот человек благороден и, в отличие от тебя, наверняка имеет представление о хороших манерах.

– Княжна, раскрой глаза пошире! За твоим благородным рыцарем и его оруженосцем прет целая толпа народу в волчьих шкурах. Это те же самые разбойники, что напали на тебя. Они здесь все заодно.

– Нет! – Аделаида упрямо мотнула головой. – Они просто ослеплены его славой и могуществом. Они благоразумно встали на сторону сильнейшего, рассчитывают в дальнейшем на его милость и прощение.

О, боже! Девчонка явно переслушала придворных трубадуров. Бурцев встряхнул ее за плечи.

– Опомнись, княжна!

– Оставь меня, мужлан. И беги, спасайся, пока тебя самого не настигла справедливая кара.

– Э, нет, – он покачал головой. – Мы в ответе за тех, кого приручаем. Не слыхала о таком?

– Я тебя приручать не собиралась, неотесанный русич.

Вот блин! Непредсказуемая логика княжны способна порой вызывать искреннее удивление. Но только не сейчас, когда в нескольких шагах идет такая рубиловка.

– Вообще-то я имел в виду другое, Аделаида. Это я в ответе за тебя, как за...

– Прирученную собачку?!

Оба-на! Щеку Бурцева обожгло пламя.

– Или корову?!

Еще одна хлесткая пощечина.

– Или козочку?!

Нет, это уже слишком! Не следует так часто повторять один и тот же прием. Тем более что неопшаренных щек у Вацлава-Василия уже не осталось, а христианским долготерпением он не отличался с детства. Бурцев перехватил руку княжны на третьем замахе. «Пойдешь, княжна, со мной, пойдешь как миленькая!» Больше он ее отпускать не намерен! Раз уж навязалась на его голову!..

– А ну-ка, хватит бодаться, козочка ты наша. Породистая!

Бурцев выдернул из кармана и – шелк-шелк – нацепил на запястья девушки наручники. «Нежность», – так их называли в свое время шутники-разработчики.

– Это что, кандалы?! – удивленно охнула княжна, не веря в случившееся. – Ты надел на дочь князя кандалы? Да как ты сме...

Не договорила – Бурцев бесцеремонно подхватил ее, перекинул через плечо. И, не обращая внимания на яростные взбрыкивания, потащил к гнедой лошадке.

– Пусти-и-и!

Не пустил. Бросил лицом вниз на лошадиный хребет.

– Пш-ла! – самому пришлось запрыгивать, удерживая повод, княжну и самодельное седло-попону, почти на скаку. К счастью, сложный трюк джигитовки завершился благополучно.

Девушка вскрикнула от боли и возмущения, когда Бурцев одной ногой прижал к лошадиному боку ее волосы, а другой – развевающиеся ошметки подола. Так надо, подруга. Не дай бог зацепиться сейчас за ветку – сорвет обоих.

Он поддал гнедую пятками. Княжну хорошенько трянуло. Дыхание у Аделаиды сбилось, полячка, наконец, замолчала, перестала дергаться. Крики сменились стонами. Теперь девушка уже сама цеплялась за мохнатую попону.

Бурцев оглянулся. Успел увидеть, как длинный рыцарский меч срубил голову предводителю «тартар»: шлем полетел в одну сторону, устрашающая саблезубая маска – в другую. Мелькнул в воздухе разъявленный рот отсеченной головы. У кувыркавшейся головы не хватало левого уха.

Потом сражающиеся скрылись из виду.

Глава 18

– Сдается мне, за тобой идет нешуточная охота, Аделаида. Важная, видать, ты персона. Ребята в масках, что вырубил весь обоз, тебя почему-то оставили в живых. Лесные лучники тоже только коня завалили. Рыцарю этому усатому опять-таки ты зачем-то понадобилась. Я ведь слышал...

Бурцев присел перед девушкой в наручниках. После долгой скачки ныли ноги, а Аделаиде, которая проделала весь путь, свесившись с лошадиного крупа, наверное, приходилось и вовсе несладко. Вчерашняя тряска в повозке теперь должна казаться ей приятной прогулкой.

Полячка привалилась спиной к мшистому стволу раскидистого дуба. Сидела на сброшенных с лошади шкурах-попонах и усердно дулась. На княжну благородных кровей эта чумазая оборвашка с хвоей и трухой в грязных волосах, походила мало. Но подбородок держала по-прежнему высоко, а лицо воротила от обидчика так, что казалось, вот-вот хрустнут шейные позвонки. Не желаю, мол, тебя видеть и слышать. Значит, фамильярничать сейчас не стоит. Нужно, по возможности, соблюдать этикет, туды ж его за ногу... Или хотя бы элементарную вежливость.

– Извини за грубость, Аделаида, но такой уж ты человек и такой я – иначе тебя из беды было не вытащить.

Полячка передернула плечиками. Никто тебя и не просил меня вытаскивать, – очевидно, означало это телодвижение.

– Княжна, а давай будем общаться не на языке жестов.

Ноль эмоций. Дает понять, что не станет говорить в наручниках. Хорошо хоть адвоката не требует. Бурцев вздохнул. Попробовал еще раз завязать разговор.

– Ты вообще-то меня слышишь или как?

Аделаида лишь крепче сжала губки. Глаза, по-прежнему отведенные в сторону, повлажнели. Только бы снова не разревелась!

Бурцев огляделся. В лесу темнело, и сейчас вряд ли эта отчаянная сорвиголова и жуткая трусиха в одном лице решится на очередной побег. Испугается если не вездесущих охотников за отпрысками знатных родов, то крыс и темноты. Пожалуй, до рассвета Аделаида останется с ним. И милицейские «браслеты» под кодовым названием «Нежность» пока не понадобятся.

– Давай так, княжна, – подмигнул Бурцев, – я снимаю с тебя эти м-м-м... кандалы, мы заключаем перемирие хотя бы до утра и мило беседуем. Постараюсь тебя не обижать, но уж и вы, ваше высочество, проявите ко мне снисхождение.

Скованные руки потянулись к его лицу. Обломанные, черные от грязи ногти мелькнули перед самыми глазами.

– Сейчас же освободи меня, тупой мужлан!

– Нет, так дело не пойдет, – покачал головой Бурцев. – Я ведь могу и потерять ключик от кандалов. Так, случайно...

Подленький, но необходимый сейчас шантаж...

– Сними-и-и...

Все-таки это произошло. Хлынули долго сдерживаемые слезы. Смыли непробиваемое высокомерие знатной полячки.

Тьфу-ты! Ну что за беда такая! Бурцев расстегнул наручники. Зашвырнул стальную «Нежность» подальше в кусты. Осторожно и опасливо прижал к себе сотрясавшуюся в рыданиях девушку.

Удивительно, но Аделаида не отстранилась. Наоборот – вцепилась в него тоненькими пальчиками. Только теперь Бурцев по-настоящему осознал, насколько ей паршиво и одиноко. Он неловко и неумело забормотал слова утешения, погладил княжну по голове, вытряхивая из спутавшихся волос труху. Полячка разревелась пуще прежнего.

– Ну, что так, Аделаидка? К чему столько слез-то?

– Обидно мне, Вацлав, обидно и страшно, – прохлюпала мокрым носом княжна. – Я ведь одна осталась, совсем одна. Кроме как на тебя, мне и надеяться сейчас больше не на кого.

– Так я ж тебе о том и твержу всю дорогу! Одна пропадешь, сгинешь. Вместе нам с тобой держаться надо, вместе.

– Ты, верно, в самом деле, добра мне желаешь, Вацлав, и оберегаешь, как можешь, но... Она запнулась.

– Чего «но»? Что тебя смущает?

– Все-таки жаль, что ты не благородный рыцарь! – с чувством выдохнула она. – Неправильно это как-то, если княжескую дочь спасает человек низкого сословия. Не так все должно быть.

– А как? – нахмурился Бурцев.

– Ну, как бы тебе объяснить... Понимаешь, Вацлав, покровительство знатного пана из достойного древнего рода это одно, а помощь мужика-ополченца – совсем другое. Это ж, выходит, я, дочь Лешко Белого, должна быть обязана и благодарна какому-то... Это же позор, унижение. Ну, почему меня спасает такой мужа-а-ан?!

Аделаида заревела снова. Вот те на! Выговорилась, блин, излила душу! Бурцев криво усмехнулся. Какая милая непосредственность, мать ее за ногу! Чумазая девчонка тужится объяснить, что он за быдло и какова она сама королевна, и при этом рыдает в голос на его грязном плече.

– Сочувствую тебе, княжна, но тут уж ничем помочь не в силах. Таким, видишь ли, я уродился – не рыцарем и не принцем на белом коне. Но поверь моему жизненному опыту, частенько помощь простолюдина бывает ценнее покровительства сильных мира сего. А что до благодарности... Так не нужна она мне, твоя благодарность. Нет, правда...

– Хочешь оскорбить меня еще больше, да, Вацлав?

– Хочу, чтобы ты перестала плакать. И рассказала хоть что-нибудь о себе. Хочу поговорить с тобой. Просто по-человечески по-го-во-рить.

Она разговорилась. Не сразу. Постепенно. Сначала вопросы все больше задавал он. Аделаида отвечала неохотно – всхлипывая и утирая слезы подолом. Потом сама увлеклась беседой. В тот вечер Бурцев узнал о своей спутнице много интересного.

Глава 19

– Отца своего Лешко, прозванного в народе Белым, сына Казимира Справедливого, я почти не помню. Но знаю, что отец был одним из сильнейших польских князей. С ним вынужден был считаться его брат Конрад Мазовецкий. И сын Болеслава Высокого Генрих Бородатый – бывший правитель Силезии. И Владислав Второй, Ласконогий, прозванный также Великим, – тот, что сражался с Владиславом Одоничем за Великопольское княжество. И другие удельные князьки помельче. Да, с Лешко Белым считались и боялись его. Краковский стол Малопольского княжества при отце возвысился настолько, что самые мудрые паны пророчили долгожданное объединение под его началом многострадальных польских земель, погрязших в междоусобных войнах. Возможно, Лешко Белый, действительно, смог бы подчинить гордых соседей и стать всепольским князем, но его убили. Подло, предательски, когда мне было три года.

– Убили?! – Василий удивленно вскинул брови. – И кто же осмелился нанести удар столь могущественному князю?

– О, наивный русич. Ты совсем не искушен в политике. Иначе тебе было бы хорошо известно: чем могущественнее правитель, тем больше у него врагов. Особенно в тот период, когда могущество должно вот-вот усилиться во сто крат. Убили Лешко Белого люди предателя Святополка – властителя далеких поморских земель. Святополк являлся вассалом отца, но преступил клятву верности и напал на своего господина... Однако ты прав, Вацлав. Сам коварный Святополк ни за что не решился бы умертвить Краковского князя без поддержки влиятельных покровителей. А покровителем таким мог стать кто угодно. Одни говорят о князе Великопольских земель Владиславе Одониче, женатом на сестре Святополка Ядвиге. Другие утверждают, что Лешко Белого убили по наущению бывшего Силезского князя Генриха Бородатого, который, как и отец, тоже мечтал объединить Польшу, но под своим началом.

Бурцев старался уследить за ходом мысли собеседницы, что было непросто. Как только вмещала небольшая территория Польши столько особ княжеского рода. Немудрено, что живут они здесь, как скорпионы в банке.

– Но почему-то мало кто вспоминает о брате Лешко – моем дядя Конраде, князе Мазовии и властители Куявии, – продолжала Аделаида. – А зря!

Ее глаза блеснули ненавистью. Вот, значит, на кого у панночки зуб, вот кого она подозревает в гибели отца! Или тут другое?

– А ведь есть еще жена Лешко Белого, моя родная мать Грымыслава Луцкая! – девушка тяжело задышала.

Вот те на! Еще и женщина замешана! И не абы какая!

– погоди, Аделаида, ты хочешь сказать, что...

– Что моя мать в сговоре с Конрадом Мазовецким настроила Святополка на убийство своего мужа и моего отца.

Бурцев с ожесточением потер лоб. В фамильном шкафу этой знатной семейки, оказывается, прячется свой скелет. Не скелет даже – скелетище. А он-то считал, что брат, изничтожающий брата, жена, сживающая со света собственного мужа и дочь, ненавидящая мать – удел бульварных романов и сериалов для домохозяек.

– Опомнись, княжна! Зачем твоей матери понадобилась смерть твоего отца?!

– Да потому что терпеть она не могла Лешко Белого, – кулачки Аделаиды сжались. – А любила Конрада. Безумно любила, и давно! Но вынуждена была выйти замуж за отца. Династический брак. Разумеешь, глупый русич?!

Вообще-то Бурцев разумел плохо.

– А Конрад что же?

– Дядя тоже женился. На Агафии – дочери черниговского князя Святослава. Мазовецкому правителю нужен был этот марьяж, чтобы укрепить свои позиции. Обе свадьбы сыграли в один год.

Марьяж? Ну да, конечно... Жениться по любви не может ни один король.

– Мне горько говорить об этом, но мать тайно встречалась с Конрадом, – продолжала Аделаида. – Их встречи участились, когда Краковский стол начал набирать силу. Дядя, ослабленный северными войнами с прусами и ятвягами, опасался, что отец подомнет Мазовию под себя. Потому-то ему были выгодны эти свидания. Gryмыслава стала одновременно любовницей Конрада и мазовецким шпионом в самом сердце Малопольского княжества. И она была только рада оказать содействие в убийстве мужа. Именно моя мать убедила отца поехать на встречу с предателем Святополком, она уговорила Лешко не брать с собой большую дружину, и она же обещала Святополку награду и покровительство за нарушение вассальной клятвы.

Снова по лицу Аделаиды покатались слезы.

О времена, о нравы! Бурцев вздохнул. Конечно, если политика перемешана с любовью и адюльтером, то всякое может быть. Однако голословно заявлять такие вещи и тем более безоговорочно верить в них – не слишком разумно. Нужны факты, доказательства, свидетели.

– Есть свидетель, – вспыхнула Аделаида, обиженная его недоверием. – Мой опекун, воевода Кракова Владислав Клеменс. Достоинейший человек. Он, как и подобает вассалу, всегда хранил верность отцу. Но о предательских кознях против Лешко Белого узнал слишком поздно. После смерти отца к Gryмыславе прибыл Конрад. Якобы выразить соболезнования. Заговорщики, добившись своего, утратили бдительность, и воевода случайно подслушал беседу Конрада с матерью.

– И? – нахмурился Бурцев.

– И решил рассказать все услышанное детям своего господина. То есть мне, моему брату Болеславу и сестре Саломее.

– Гм, странно тогда, что вы, детишки, вообще уцелели. Раз уж пошла такая пьянка, заговорщики запросто могли вырезать весь род Лешко Белого и посадить в Кракове своего ставленника.

– Не все так просто, Вацлав. Открытые убийства и захват власти силой годятся не всегда. Соседние польские княжества не признали бы прав нового властителя. Малопольские паны и народ тоже вряд ли присягнули на верность мазовецкому наместнику. К тому же у Конрада появился бы сильный противник в лице венгров: моя сестра Саломея состоит в браке с венгерским королевичем Кальманом Галическим.

– Как же тогда ваш воевода смог переговорить с твоей сестренкой? Отправился в Венгрию, что ли?

– А никак не смог. Саломея до сих пор ничего не знает. Мой брат Болеслав тоже. Ему было девять лет, когда погиб отец, так что брата сразу окружили люди, верные Gryмыславе и Конраду. Сам же Конрад стал его законным опекуном. Быть опекуном малолетнего князя очень выгодно, Вацлав. Поскольку после смерти Лешко Белого Краковский стол унаследовал Болеслав, Конрад Мазовецкий получил возможность управлять через него всей Малой Польшей. Мой дядя теперь всячески оберегает брата от любого влияния извне. В общем, пробиться к Болеславу у воеводы Владислава Клеменса не было никакой возможности. Без особого пригляда оставалась только я. И воевода упросил мать отдать меня ему на воспитание. Мать не возражала – отдала. Как она сама сказала «до поры до времени».

– То есть как это понимать – мать отдала. Какая ж мать отдаст свое дите?

Аделаида залилась краской. Да, нелегко даются княжне эти признания.

– А я ей была не нужна. Грымыслава вообще болезненно относилась ко всему, что напоминало ей об отце. Любила-то она всю жизнь Конрада, а ложе делила с Лешко. Такова уж обязанность у княгинь: производить на свет наследников и девиц княжеского рода для выгодных династических браков. А я уродилась в отца. Похожа на него, как две капли. Вот и возненавидела меня мать люто с самого детства. Болеслав и Саломея – те больше на Конрада смахивают. Может, они его дети и есть – кто ж знает. А мне вот не повезло. Да еще и имя мое...

– А что с именем?

Аделаида вздохнула:

– Отец ведь тоже любил не свою законную жену, а княжну Агделаиду – сестру покойного нынче князя Силезии Генриха Бородатого. И она любила Лешко. Даже, по слухам, встречалась с ним тайком пару раз. Только ее отец Болеслав Высокий не пожелал выдать единственную дочь за молодого краковского князя: враждовал он тогда с Малой Польшей. Так в память о той любви Лешко Белый и назвал меня Агделаидой. Конечно, мамочке это не понравилось.

Бурцев встряхнул головой. Он вконец запутался в переплетениях родословных и адюльтерах. А Аделаида не умолкала:

– Мою участь Конрад и Грымыслава предрешили три года назад. Уже тогда меня прочили в жены сыну Конрада – моему кузену Казимиру, князю Куявскому. К счастью, сам Казимир тогда не горел желанием связывать свою жизнь со мной. Он в то время увлекся дочерью Генриха Благочестивого и внучкой Генриха Бородатого Констанцией Силезской. Увлёкся настолько, что пытался к ней свататься против воли отца.

Конрада жутко взбесил тот поступок Казимира. В ярости он даже повесил Яна Чаплю – наставника своего своенравного сына, который выполнял функции посредника между Казимиром и Констанцией. Свой гнев Конрад впоследствии объяснял нежеланием потворствовать кровосмесительному браку, поскольку Казимир состоял с Констанцией в четвертой степени родства. Однако истинная причина заключалась в другом: по замыслу родителя, Казимир должен был жениться на мне. А я, между прочим, прихожусь ему двоюродной сестрой. Но это обстоятельство ничуть не смущает Конрада. И я догадываюсь, почему. Если у меня и Казимира родится наследник, Конраду Мазовецкому больше не потребуется опекунство над Болеславом, которое рано или поздно должно закончиться. Брат тогда может, к примеру, умереть от внезапной «хвори», а внук Конрада унаследует Малую Польшу.

– Слушай, а почему бы Конраду просто не взять в жены твою мать и самому не родить наследника?

– Я же говорила – Конрад уже женат. На Агафии Черниговской. И портить отношения с ее родственниками он не желает. К тому же мазовецкий князь и Грымыслава уже слишком стары, чтобы заводить наследников. Вот и мечтают повязать брачными узами меня и Казимира.

Глава 20

– Погоди-ка, княжна, – перебил Бурцев. – Ты ведь и сейчас на невесту не больно-то тянешь: возрастом не вышла, а раньше вообще ребенком была. О каком браке может идти речь? Этак и под статью попасть можно за соращение малолетних. Или у вас здесь совсем дикие законы?

Княжна гордо вскинула голову:

– Я не понимаю, о чем ты говоришь, русич. Для династических браков – возраст не помеха. Моя сестра Саломея была повенчана с восьмилетним королевичем Кальманом, когда ей исполнилось три года...

Бурцев присвистнул.

– А брат мой Болеслав женился четыре года назад. Ему было тринадцать, невесте же – Кунигунде или, как ее называют в народе, Кинге Венгерской – всего пять лет.

– Свадьбу твоего брата тоже устроил Конрад?

– Нет, здесь мазовецкий князь оплошал. Если бы у Конрада была дочь, он непременно выдал бы ее за Болеслава. Но Бог не дал ему дочерей. Этот брак организовали венгры, уже породненные с родом Лешко Белого через Саломею и тоже рассчитывающие усилить влияние на Краковский стол. Венгерские послы принудили Конрада отпустить Болеслава на встречу с соскучившейся сестрой. Брата, правда, сопровождал сильный отряд мазовецких рыцарей, однако разговор Болеслава и Саломеи проходил наедине. Уж не знаю, что они там обсуждали, но к великому неудовольствию Конрада, Болеслав заявил о намерении жениться на Кунигунде – дочери венгерского короля Белы. Дипломатия венгров, подкреплённая появлением их несокрушимой конницы на границе с Малопольским княжеством, вынудила Конрада дать согласие на брак.

– Бедняга твой брат, – посочувствовал Бурцев. – Еще один марьяж без любви...

– А вот тут ты ошибаешься, Вацлав, – с доброй улыбкой покачала головой Аделаида. – Болеслав и Кунигунда как нельзя лучше подошли друг другу. Их детская дружба уже переросла в нечто большее. Так что я искренне рада за брата – ему досталась достойная супруга. Уже сейчас о Кинге Венгерской рассказывают легенды. Говорят, что, едва появившись на свет, она сразу же восславил Богоматерь. Да-да, не смейся, Вацлав, родившаяся Кунигунда так и сказала: «Да здравствует царица небес!» А потом, как и положено новорожденным, не произносила ни слова, пока не научилась говорить. Еще рассказывают, будто перед свадьбой с Болеславом Кинга опустила свое обручальное кольцо в венгерскую соляную шахту Марамуреша и пожелала, чтобы такая же чистая белая соль появилась на ее новой родине в Польше. Позднее соляные залежи действительно переместились под землей из Венгрии чуть ли не к самому Кракову – в Величку. Кинга показала слугам, где нужно рыть шурфы, и через некоторое время там обнаружили соль. Причем в первой же отколотой соляной глыбе нашлось и кольцо Кинги. Подобные чудеса, Вацлав, Господь не творит зря. Это добрый знак: браку Болеслава и Кунигунды благоволят Небеса.

– Честно говоря, верится с трудом. Но как бы то ни было, Конрад теперь может грызть себе локти. Ведь законным наследником Краковского престола станет сын твоего брата и этой венгерки Кунигунды, не так ли?

Аделаида помрачнела:

– Боюсь, что наследника не будет.

– Ну, не сразу, конечно. Сейчас-то ваша Кинга Венгерская еще ребенок, заводить детей рановато. Но со временем...

– Ты не понял меня, Вацлав. Наследника не будет вообще.

– Бесплодие? – Бурцев уже пожалел, что затронул столь деликатную тему.

– Нет. Дело в другом. Болеслав и Кинга хоть и юны годами, но набожнее многих старцев. Они мало интересуются земными делами и бременной жизнью, проводя почти все свое время в постах и молитвах. По сравнению с ними я – величайшая из грешниц.

– Ну, посты, ну, молитвы, – не понял Бурцев, – и что с того?

– А то, что их стремлением к праведной жизни воспользовался Конрад. Да, он не препятствовал этому браку, но, вернув Болеслава и Кингу в Краков, подослал к ним красноязычных немецких духовников. Долгими беседами и посулами вечной жизни они заставили брата и его жену дать клятву перед святым крестом.

– Клятву?

– Брат и его жена поклялись блюсти обет целомудрия. Отныне их помыслы чисты. Оба думают лишь об обретении Царствия Небесного. И... – По лицу Аделаиды разлилась краска стыда. – Семя Болеслава никогда не попадет в лоно Кинги.

– Чушь! Сейчас они неразумные дети, готовы поклясться чем угодно и в чем угодно. Но позже, когда заиграют гормоны...

– В их чистых душах и светлых головах будут вечно играть лишь церковные гимны, – не то с жалостью, не то с завистью проговорила Аделаида. – Такие клятвы преступать нельзя. Болеслава уже сейчас люди называют Стыдливый. А Кингу – Благочестивой. И это на всю жизнь⁴.

– Так, – начал рассуждать Бурцев. – Саломея замужем за венгерским королевичем, у Болеслава никогда не будет ни сына, ни дочери. Остаешься ты, Аделаида. Выходит, твой ребенок станет основным претендентом на Малопольское княжество. Значит, ты у нас совсем не простая княжна. Прямо-таки золотая.

– Вот именно! Конрад это прекрасно понимает. Да и венгры тоже спешно подыскивают мне жениха. Но у меня нет никакого желания отдавать им в качестве приданого вотчину отца. И уж тем более я не соглашусь присоединить Малую Польшу к дядиной Мазовии и к Куявии его сына Казимира.

– Погоди-ка. Ты же сказала, что Казимир без ума от Констанции Силезской.

– Любовь в развратном сердце Казимира – гость мимолетный, Вацлав, – горько вздохнула княжна. – Он непостоянен в своих чувствах. Да, пока я была сопливой девчонкой, куявский князь предпочитал обольстительную Констанцию. Но время идет. А время – враг уже расцветшей красоты. Казимир охладил к своей прежней возлюбленной. Да и уговоры старика-отца не проходят бесследно. Когда мне исполнилось шестнадцать, Казимир приезжал в Краков вместе с Конрадом. Думаю, это были смотрины. О, знал бы ты, как куявский князь пожирал меня глазами!

Аделаида скрипнула зубами, видимо, вспоминая тот неприятный визит.

– Думаю теперь Казимир только и мечтает о том, как бы уложить меня на свое ложе.

– А тебя эта перспектива не устраивает?

– Я впадаю в бешенство, едва подумаю об этом! Выходить замуж за сына того, кто причастен к убийству моего отца?! Выходить замуж за собственного двоюродного брата?! Выходить замуж за законченного развратника, чтобы через несколько лет оказаться в положении несчастной отверженной Констанции?!

– Ясно, – кивнул Бурцев.

– Да ничего тебе не ясно, русич! – в сердцах вскрикнула Аделаида. – Ты хоть видел это чудовище куявское?! Страшный, лысый, старый! Ему уже лет сорок, наверное. Вот кому я предназначена по воле Конрада и Грымыславы!

– М-да, неравный брак вещь неприятная. Особенно на фоне политических интриг и инцеста. Но все-таки не ошибаешься ли ты, Аделаида? То, что наговорил тебе воевода Клеменс, могло ведь оказаться и... гм... не совсем правдой. Да и Казимир ведь не предлагал тебе пока руки и сердца?

Княжна аж подскочила. Лицо ее пылало от негодования.

– Владислав Клеменс всю жизнь считал ложь тяжким грехом и всегда говорил правду, сколь бы горька она ни была. За это его и ценил отец.

– Аделаида, – мягко произнес Бурцев, снова усаживая разгоряченную собеседницу на куры. – Чтобы выдвигать такие серьезные обвинения против близкой родни, все-таки нужны более весомые доказательства, чем свидетельство одного человека.

– А то, что я оказалась здесь одна, – не доказательство?! Люди Конрада вывели Грымыславу и брата из Кракова перед приходом татар. А меня начали готовить к дороге Казимиры слуги и дружинники. На прощание мать... хотя какая она мне мать... «Увидимся на сва-

---

⁴ Болеслав Стыдливый и Кунигунда Благочестивая прожили вместе 40 лет и действительно не оставили потомства. Позже Кунигунда Благочестивая была причислена к лику святых.

дбѣ в Куявии, дочка», – заявила она, уезжая. И смеясь в лицо, сказала, что Казимир будет мне хорошим мужем. Лучше чем ей – Лешко. Подумай, Вацлав, какие тебе еще нужны доказательства!

Бурцев подумал. Пожалуй, что и никаких. В очередной раз он от души пожалел эту несчастную девочку с громким титулом. Да уж, не родись княжнкой...

– Значит, Святополк, убивший Лешко Белого, был марионеткой в руках твоей матери, а та в свою очередь выполняла волю Конрада, – попытожил Бурцев. – И сейчас они раскатали губу на тебя...

– Это еще не все! Я не сказала тебе главного, русич. У покровителей убийцы моего отца есть свой покровитель – более могущественный, коварный и дальновидный. Тот, кому сейчас меньше всего выгодно объединение Польши под сильным князем, каким стал Лешко Белый.

– Кого ты имеешь в виду?

Если тут за каждым интриганом стоит еще один интриган и интриганом погоняет, разобратся в хитросплетениях старопольской политики будет весьма непросто.

– Конрада, ландграфа Тюрингии, – голос Аделаиды дрогнул и зазвучал тише. Неужели боится? Больше чем коварную мать, подлого дядюшку и не милого девичьему сердцу двоюродного братца-жениха.

– Еще один Конрад? Тезка твоего дяди? Тоже какой-нибудь князек?

– Магистр ордена германского братства Святой Марии.

– Какого-какого ордена?

– Тевтонского. Тевтоны сейчас – друзья и союзники моего дяди.

Глава 21

Тевтоны?! Опять?! Значит, и здесь они тоже водятся? Хотя где же им еще водиться, как не здесь?! Тринадцатый век – самое раздолье для немецких крестоносцев.

И все-таки диковато: сюда он попал по вине неоскинхэдовской секты – тевтонов двадцать первого столетия... и – пожалуйста! – угодил во времена расцвета настоящего Тевтонского ордена.

– Ну-ка, расскажи об ордене поподробнее, княжна, – попросил Бурцев.

– А чего рассказывать-то? Немецкие рыцари основали его в Святой Земле лет пятьдесят тому назад – во время крестовых походов. Но свои владения в Палестине германцы удержать не смогли. И с тех пор всюду ищут лакомые кусочки. Венгерское королевство уже познало их коварство. Венгры пригласили тевтонов как временных союзников в борьбе с половцами на земли Семиградья, но вскоре орден объявил эту территорию своей собственностью и начал заселять ее немецкими колонистами. Венгры едва-едва изгнали пришлых рыцарей из страны. Тогда предыдущий магистр ордена Герман фон Зальц заключил договор с моим дядей. Конрад Мазовецкий отдал тевтонам всю Хелминскую землю Куявии по-над границей с Пруссией. Казимир Куявский, конечно же, не противился и поддержал волю отца. Взамен орден обязался охранять Мазовецкое и Куявское княжества от набегов пруссов.

– И что, не охраняет?

– Почему же, охраняет. Но куда больше тевтонов интересует расширение своих вновь обретенных владений. Причем расширяют их они не только за счет прусских территорий. Тевтоны уже добились у Конрада и его сына Казимира разрешения на владение Добжиньской землей. По сговору с ними крестоносцы попрали законные права польских рыцарей, имевших в этих краях фамильные лены. Наших панов просто изгнали оттуда, а их замки заняли немцы. Даже орден Добжиньских братьев, созданный самим Конрадом Мазовецким для борьбы с язычниками-пруссами, остался без земель. Многие знатные и благородные добжиньцы после тех событий рассеялись по Польше, словно однонитные странствующие рыцари.

– Вообще-то твоему дяде стоило бы гнать тевтонов прочь по примеру венгров, – заметил Бурцев.

– Да, но князь Конрад слаб и измотан постоянными стычками с пруссами. Дядя больше полагается на могущественного союзника, чем на собственные силы. А сплоченный и хорошо организованный орден Святой Марии сейчас могущественнее иного княжества. За спиной такого покровителя Конраду Мазовецкому живется спокойно. Пока, по крайней мере. Но тевтоны требуют платы. Предоставленных им земель и неслыханных привилегий, которыми пользуются немецкие рыцари в Мазовии и Куявии, христовым братьям уже недостаточно. Они хотят получить влияние над всей Польшей и, подобно гигантскому спруту, повсюду тянут свои щупальца.

– И куда они смогли дотянуться?

– Куявское и Мазовецкое княжества уже находятся под их пятой. В Поморье тевтоны начинают хозяйничать, как у себя дома. Великая Польша, лишенная сильного князя, тоже рада склонить перед ними голову. А у нынешнего правителя Силезии Генриха Благодетельного слишком кроткий нрав. Он не мечтает об объединении Польши, а потому не страшен ордену. К тому же тевтоны обещали Генриху помощь в борьбе с татарами. Своих воинов орден, конечно, пришлет, но вот что он потребует взамен в случае победы?

Бурцев кашлянул, приостанавливая речь увлекшейся княжны:

– А откуда тебе-то столько известно о тайных планах тевтонов? Слишком уж осведомлена ты для своих юных лет. А ведь тевтонские магистры вряд ли вели с тобой доверительные беседы.

– Прежний магистр ордена Герман фон Зальц беседовал с моим отцом. Послы ордена приезжали в Краков незадолго до смерти Лешко Белого. На тех переговорах присутствовал и Владислав Клеменс. Позже опекун мне все рассказал.

– Что – все?

– Тевтонский магистр добивался разрешения поставить на Малопольских землях свои замки. Отец отказался. Заявил, что видит насквозь все тайные помыслы магистра и не даст немцам подмять под себя Польшу. Уезжая, фон Зальц был в ярости. А отец вскоре погиб. Теперь же через опекунство послушного воле ордена Конрада над моим братом Болеславом тевтоны имеют возможность влиять на политику Малопольского княжества. Ну, а если я выйду замуж за Казимира и рожу куявскому князю сына – наследника Краковского престола, орден навеки укрепитя в вотчине отца. Вот тогда-то их замки и полезут отовсюду, как грибы после дождя.

– погоди, но ведь сейчас во главе ордена стоит уже не фон Зальц, – напомнил Бурцев, – а этот, как его... Конрад Тургинский.

– Тюрингский. Да, магистр сменился, но планы ордена остались прежними. Более того, аппетиты тевтонов возросли. Теперь им мало Пруссии и Польши. Ландграф Тюрингии Конрад мечтает о новом крестовом походе. Подготовка к нему уже ведется: до прихода татар при дворах польских князей, европейских монархов и в резиденции папы частенько мелькали черные кресты орденских послов. И за мной, кстати, вместе с Казимировыми воинами в Краков приезжал один такой крестоносец. Наблюдал, все ли пройдет благополучно.

– Значит, те кнехты, что охраняли тебя и твой обоз, были людьми Казимира и тевтонскими прихвостнями?

– Нет. Отряд Казимира перебили дружинники моего опекуна Владислава Клеменса. Видя, что меня увозят силой, воевода напал на куявцев. Жаль, несколько человек сбежали и увезли с собой в Куявию и орденские земли весть о случившемся. Наверное, люди Казимира и посланники Конрада Тюрингского уже ищут меня по всей Польше.

– А опекун твой, воевода Клеменс, что же?

– Первейший долг городского воеводы – защищать город, а к Кракову подступали татары. Опекун не смог отбыть вместе со мной сам, но под охраной своих дружинников и вооруженных кнехтов отправил меня прочь из Малопольских областей. Через земли Силезии я должна была добраться до Великопольского княжества. Там для решающей битвы с татарами собирает войско брат Владислава Клеменса Сулислав. Я не знакома с ним, однако только у него могу сейчас искать защиты и покровительства. Увы, уйти от татар, как тебе известно, моему отряду не удалось. Должно быть, у коней этого поганого племени выросли крылья. От проклятых язычников не спасают расстояния. Как, впрочем, и крепостные стены. Знаешь, сколько городов уже пало под их натиском?

Бурцев не знал.

– Люблин, Завихвост, Сандомир, – скорбным голосом перечисляла Аделаида. – Под Турском полегло малопольское ополчение. Тогда Владислав вывел свою дружину к Хмельнику, чтобы там дать бой язычникам и не допустить татар к Кракову. Сопровождавшие меня дружинники тоже рвались под знамена своего господина. Уповая на милость Божию, я не стала их удерживать. Для защиты от разбойников достаточно кнехтов, а отбиться от татар наш маленький отряд все равно не смог бы. Ну, а потом...

В глазах Аделаиды снова блеснули слезы.

– Думаю, воевода не очень-то верил в победу, иначе оставил бы меня в городе. Но не оставил ведь... Наоборот, все торопил – поезжай, мол, скорее из Кракова, пока на дорогах тихо.

Она с трудом слотнула слюну, затем продолжила:

– По пути к нам прибились беженцы. Я не могла отказать им в защите, хоть и возненавидела этих несчастных за дурные вести, что они привезли с собой.

Тяжелый – от самого сердца вздох...

– А вести такие, Вацлав. Дружина моего опекуна разгромлена, а сам он... сам...

Слово «убит» так и не было произнесено. Несколько секунд тягостного молчания дали Бурцеву возможность осмыслить услышанное. Княжна, эта взбалмошная и беззащитная семнадцатилетняя девочка, в самом деле осталась совершенно одна. Отец погиб, заботливый опекун тоже. Малолетний братец находится под чужим влиянием и к тому же с головой ушел в религию. Сестра живет в иноземном государстве. Мать терпеть не может собственную дочь. Дядя – марионеточный князек тевтонов – замыслил ненавистный брак. Двоюродный брат мечтает затащить юную кузину в постель. А на неведомого Сулислава, которого краковская княжна и в глаза-то не видела, надежда слабая. Да и добраться до него – не горсть изюма съесть.

– Беженцы шли отовсюду, – тихо заговорила Аделаида. – Обезумевшие от страха люди рассказывали нехорошее. От них я узнала, что под Торчком язычники разбили сандомирское войско воеводы Пакослава и кастелянина Якуба Ратиборовича, которые шли на помощь Владиславу Клеменсу. Потерпели поражение и малые дружины князей Владислава Опольского и Болеслава Сандомирского. Татары взяли Поланец и Вишлец. И Краков тоже...

Еще один вздох-стон.

– Об этом мне рассказали во всех подробностях, – продолжала княжна. – Татары хотели захватить город наскоком, но дозорный трубач вовремя протрубил тревогу. Язычники сбили его стрелой – попали в горло, однако краковцы успели закрыть ворота. Только это все равно не спасло город. Заколдованные татарские пороки, снаряженные магическим огнем, способны проломить и сжечь любую стену.

Заколдованные пороки? Магический огонь? Как обычно, пугающие легенды рождаются из страха и отчаяния.

Княжна тихонько всхлипнула.

– Мы шли от Вислы к Одре... Но быстро передвигаться с обозом беженцев невозможно. А бросить этих несчастных – не по-христиански. Ты меня понимаешь?

– У тебя доброе сердце, Аделаида, – Бурцев еще раз провел ладонью по ее волосам.

– Эх, Вацлав, – с какой-то даже детской обидой произнесла полячка из-под его руки. – Какая все же жалость, что ты не рыцарь. Будь ты благородным паном по рождению...

Он удивленно посмотрел в ее влажные глаза.

– Я бы обвенчалась с тобой в первой же попавшейся церквушке. Хотя бы ради того, чтобы досадить дяде, брату и тевтонскому магистру.

Бурцев отвел взгляд, пряча невеселую улыбку. Похоже, его личное мнение по поводу перспективы бракосочетания девушку не интересовало.

И все же в эту минуту он тоже искренне пожалел об отсутствии знатного происхождения, громкого титула и длинной родословной. А что, обзавестись рыцарским званием было бы совсем не лишним. Дело тут, разумеется, не в Аделаиде. Или... Или именно в ней дело? А, пан Вацлав?

– Русич, у тебя не осталось чего-нибудь поесть? – неожиданно менять тему разговора княжна умела как никто другой.

Снова перед ним сидела беспомощная, нахохлившаяся, как воробушек, девочка-подросток с голодными глазами.

Бурцев покачал головой. Денек выдался суматошный и к тому же без завтрака, обеда и ужина. И спать им, похоже, тоже придется ложиться на голодный желудок.

– А где мы будем ночевать? – полячка растерянно огляделась. – Здесь нет даже моей повозки, а я умираю от усталости.

Бурцев кивнул на шкуры-попоны, пропахшие конским потом:

– Насуем под них веток... Не пуховая, конечно, перина, но все удобнее, чем на голой-то земле. Поможешь?

Глава 22

Она честно пыталась помочь, но, исколов нежные пальчики о хвою, расплакалась и уселась на прежнее место. Так и сидела, пока Бурцев охапку за охапкой таскал наломанные ветки, хворост и еловые лапы. Только под конец работы Аделаида внесла-таки свою скромную лепту в общее дело: отошла к ближайшим деревьям и с сосредоточенным лицом положила на собранную Бурцевым кучу несколько прутьев. И то прогресс!

– Молодчина, княжна! – похвалил он.

Немудреная постель готова. Внизу – хрустящая подстилка, выправшая под шкурой-попоной некомфортными буграми. Сверху наброшена еще одна шкура – одеяло.

– Располагайтесь, ваше высочество, – широким жестом пригласил Бурцев.

– А твой ремень?! – напомнила она.

Ах да, конечно! Разговор по душам и упоминание о гипотетической свадьбе назло врагу вовсе не означает, что Аделаида согласна спать с мужчиной на ложе без хотя бы символической границы. Тем более что... «Какая все же жалость, Вацлав, что ты не рыцарь»...

– Глупо, Аделаида. Все равно придется по очереди дежурить всю ночь, так зачем же тогда...

– Ремень! – требовательно протянула руку девушка.

Бурцев со вздохом расстегнул пряжку и отдал ремень. Она растянула его во всю длину и быстренько поделила пространство на шкуре. Причем себе, как отметил Бурцев, худенькая тростиночка-княжна отхватила большую часть.

Приминая хрустящую подстилку, девушка влезла на ложе, перетянула на себя почти все одеяло и укуталась в шкуру с головой. Эх, вот бы и ему сейчас так!

– Ладно, подежурю первым, княжна, – проворчал Бурцев. – Но учти, потом разбуду тебя. Ответом было лишь уютное посапывание.

И снова он терпел песок в глазах и свинцовую тяжесть в веках, пока звезды не начали тускнеть, а в черном небе не появились предрассветные проблески. Сил бороться со сном не стало. Если он сейчас же не ляжет, то уснет сидя. Или даже стоя. Не забудется в чуткой дреме, как тогда, у повозки княжны, а отключится по-настоящему – провалившись на несколько мертвых часов в бездонный чернильный колодец. Прошлая бессонная ночь и тяжелый день давали о себе знать.

Однако спать обоим теперь, когда выяснилось, что по лесу шныряют не только всадники в масках, но и местные «зеленые братья» во главе с усатым рыцарем – безрассудство. «Что ж, княжна, пришло твое время заступать на пост, – подумал он. – Извини, но я не двуличный».

Тормозить Аделаиду пришлось долго. Девушка поднялась медленно, вяло, словно сомнамбула, помотала головой. Выслушала Бурцева, не открывая глаз, кивнула, давая понять, что согласна с его доводами.

– Зенки-то все же раскрой, княжна, а то опять сон сморит.

Тяжкий стон... Полячка послушно подняла длинные пышные ресницы, часто-часто заморгала.

– Так-то лучше! Ты же понимаешь, что спать сейчас никак нельзя?

Кивок.

– На тебя можно положиться?

Еще кивок.

А потом сила тяжести возросла неимоверно. Бурцев рухнул в трескучую упругую массу. И сгинул, растворился, растекся на импровизированном ложе грудой расслабленных, трепещущих от предвкушения долгожданного отдыха мышц. Только и успел пробормотать:

– Разбудишь меня... когда в лесу... светло... отправимся... доро... у...

Последнего кивка, если тот и был, он уже не видел. В полуосознанном усилии укрылся куском шкуры. Запах конского пота и хвои был острым и пряным. А пришедший вместе с ним сон – мягким, всепоглощающим.

...Проснулся Бурцев от холода и дробного костяного звука, выбиваемого его собственными зубами. Одеяло куда-то подевалось. Зябкое утро обступало со всех сторон. Бр-р-р, весьма зябкое. И достаточно уже светлое. Давно пора бы тронуться в путь. Почему же Аделаида его не разбудила?

Да все, блин, потому же! Княжна не выдержала предутренней вахты. Девчонка лежала рядом с Бурцевым, плотно закутавшись в их общую шкуру, и спала безмятежным сном праведника. Даже сладко улыбалась далеким видениям. Интересно, когда она улеглась – сразу же после пробуждения или все-таки пободрилась хотя бы с полчаса? Впрочем, какая разница? Главное, что благосклонная фортуна позволила им провести эту ночь без приключений. Но если ночные дежурства так будут продолжаться и впредь...

По-хорошему, конечно, надо бы растуркать эту девицу и отчитать как следует. Может быть, отшлепать, невзирая на титулы. Но, еще раз взглянув на спутницу, Бурцев понял: не сможет. Рука не поднимется. И язык тоже.

Он тряхнул головой.

Ну, полячка! Ну, княжна! Мало того что намотала на себя все одеяло, так еще и забила с к нему под бочок. Попросту перекатилась через разделительный ремень и пригrelась.

Вот будет шуму, если Аделаида поймет, что спали они на одной половине походного ложа чуть ли не в обнимку. Лучше ей ничего не говорить, а сама, глядишь – и не вспомнит, с какого боку на шкуру залазила. Сонная ведь была, как сурок зимой.

Аккуратно, стараясь не разбудить девушку, он начал медленно сползать с постели. И замер. Стоп! Сейчас лучше вообще не двигаться, ну а княжна... Княжна вряд ли станет допы-

тиваться, что он делает на ее половине постели, когда увидит с десятков стрел, направленных в их сторону.

Лучники в волчьих шкурах и мохнатых шапках осторожно – в полшага, в четверть шага, – чтобы не потерять цель с кончика стрелы, – выходили из-за деревьев. Приближались молча. А чего тут говорить-то? И без слов ясно: одно резкое движение – и Василий с княжной превратятся в подушечки для гигантских оперенных иголок. Хотя девушку тронут вряд ли, но тем хуже для него: все хищно поблескивающие наконечники польских робин гудов достанутся одному. Бурцев легонько коснулся руки Аделаиды, моля Бога, чтобы княжна не спровоцировала лучников резким движением. К счастью, полячка была сонной, а движения ее – заторможенными.

– Что это? Кто это?

Она села на постели, по-совиному хлопая глазами.

– Полагаю, наши вчерашние знакомые, – шепнул Бурцев.

Он узнал среди лучников трех давешних лесных стрелков. Особые приметы – синяки, ссадины и выбитые зубы.

– Главное, не дергайся, княжна, и все будет хорошо.

Бурцев поднял руки ладонями вверх. Универсальный жест мира. Вроде бы успокаивает даже самых кровожадных дикарей. А эти лесные хлопцы в шкурах здорово смахивают на одичавшее племя.

– Мир вам!

Бурцев очень старался, чтобы голос его звучал дружелюбно, а с лица не сходила улыбка. Никто из лучников оружия не опустил. И никто не ответил на приветствие. Лишь самый молодой глянул мельком на самого старшего, словно спрашивая, когда же можно будет стрелять. И то верно: долго ли способен удерживать человек оттянутую тетиву тугого лука?

– Встать! – распорядился старшой – черноволосый, широкоплечий, с косматой бородой, нестриженными усами и бугристыми мышцами. Руки бородача чуть дрогнули от напряжения. Пальцы жаждали поскорее пустить стрелу.

– Хорошо-хорошо, уважаемый, – Бурцев поднялся. – Уже встаем.

– Да как вы смеете?! – возмущенно заверещала было полячка.

– Тихо, – шикнул он. – Делай, что говорят.

Аделаида порывисто встала, испепеляя взглядом вожака лесной шайки. Да только бородачу все это – побоку. Его глаза были по-прежнему такими же острыми, колючими и холодными, как наконечник стрелы. А рука на тетиве чуть подрагивала.

Бурцев прикинул расстояние. Далековато для нападения. К тому же десять лучников – не троица скинхендов. Да если бы и не лучников... Десяток противников ему не раскидать. Не супермен все-таки.

– Оружие на землю! – приказал предводитель лучников.

Оружие? Какое оружие? Ах, это! Бурцев вытащил кинжал Аделаиды, предательски топорщивший карман. Швырнул его вместе с ножнами к ногам бородача.

– Богдан, – обратился тот к молодому лучнику, – свяжи мужику руки, да покрепче.

Вязать узлы Богдан оказался мастер: прочные ремни больно врезались в запястья и сцепили руки не хуже милицейских браслетов. Пленников лесные стрелки все еще держали под прицелом, так, что сопротивление сейчас неуместно: хоть одна из стрел, но достанет его сразу. А не его, так девчонку. Утешала лишь мысль, что их не прикончили спящими. И если вяжут, значит, убивать пока не собираются.

– Теперь бери лошадь, – последовал новый приказ бородача.

Расторопный Богдан – он, кажется, был в этой компании чем-то вроде салаги или мальчишка на побегушках – накинул самодельную узду на гнедую кобылицу, которая паслась неподалеку.

– Что вы намерены с нами делать, скоты? – голос Аделаиды был преисполнен достоинства и презрения.

О, эти лесные бедолаги еще не знают, с кем им придется иметь дело! С княжеской дочкой! Невыспавшейся...

– Пан Освальд разберется, – с пугающим спокойствием ответил главный «скот» в волчьей шкуре. И опустил, наконец, лук. Его примеру последовали остальные. – Пан Освальд всегда и со всеми разбирается по справедливости.

Глава 23

До лагеря таинственного Освальда они добрались, когда от утренней зябкости не осталось и следа, а солнце стояло высоко в зените, щедро орошая лес почти отвесными лучами. Лагерем, собственно, это временное лесное стойбище можно было назвать весьма условно.

Несколько навесов, шалаши, сооруженные на скорую руку, старый выцветший шатер посреди притоптанной поляны. Чуть поодаль – коновязь из поваленного и грубо отесанного бревна на козлах. У коновязи – лошади самой различной масти и стати. Еще пяток расседланных лошадок бродят за навесами, выискивая в грязи и прошлогодней листве молодую зелень.

Мечи в ножнах и без, луки, стрелы, топоры, щиты, шлемы, рваные и не очень кольчуги – висели на ветках попережку с плохо выстиранной одеждой и конскими попонами. Оружие валялось и на земле, и в грудях всевозможной утвари. В стороне – несколько копий, прислоненных к деревьям и воткнутых в землю. Древка служили вешалками для сбруи.

Царивший всюду беспорядок никого не смущал. Каждый обитатель лагеря, видимо, прекрасно знает, что хватать, куда бежать и что делать в случае опасности. «Анархия – мать порядка», – усмехнулся Бурцев, переступая через свежие, исходящие паром конские яблоки.

Место, впрочем, анархически настроенная лесная вольница выбрала удачно. Лагерь располагался в низине, за стеной сплошного – в рост всадника – кустарника и еще более высокого ивняка. Под кустами журчал ручеек: здесь выбивалось на поверхность сразу несколько родников, так что люди и кони утоляли жажду явно не грязным снегом. Да и питались не сухарями. Неподалеку от шатра дымился костер. Оттуда доносился запах жареного мяса. Интересно, накормит ли пленников загадочный Освальд? Жрать хо-очется!..

Прежде чем попасть в лагерь, увидеть дым и почуять аппетитный дымок, они миновали три поста. Из-за деревьев, из-под деревьев и даже откуда-то сверху – с деревьев – надежно скрытая от глаз стража окликала мускулистого бородача. Тот перекидывался с невидимками парой фраз и вел отряд дальше. Зато в самом лагере на пленников и их провожатых почти не обращали внимания. Хотя народу тут было немало. В основном простой люд – в волчьих шкурах, овчинных тулупах или в не по размеру подобранных, нескладных, побитых, помятых, продырявленных, чиненых-перечиненых доспехах с чужого плеча. Гораздо реже встречались кнехты. Еще реже – дружинники, облаченные в «родное» железо. Видимо, среди них и следовало искать «пана Освальда».

– Богдан, покликай пана! – обратился бородатый предводитель стрелков к молодому лучнику.

Парень побежал к шатру. Никакой охраны там не оказалось. Чтобы попасть внутрь, Богдану достаточно было лишь откинуть полог. Из шатровой тени на его зов выступил знакомый уже Бурцеву высокий пышноусый рыцарь. Сейчас он был без доспехов – в меховой накидке, плотных стеганых штанах и шерстяном плаще. Но одной рукой рыцарь придерживал меч, висевший на перевязи у левого бедра. Ох, не нравится Бурцеву этот усатый пан с холодным, как клинок, взглядом.

– Мы нашли их возле черной опушки, пан Освальд, – почтительно доложил бородач. – Спали, как голубки, и...

– Потом доскажешь, дядька Адам, – оборвал рыцарь лучника.

Тот послушно отошел. Расступились и остальные стрелки. Повисла тягостная пауза. Усатый удивленно смотрел на полячку, та сверлила его ненавидящими глазами. Бурцев зыркал по сторонам, прикидывая возможные варианты спасения.

– Княжна Агделайда? – Освальд еще раз недоверчиво оглядел непрезентабельный наряд девушки. – Дочь Малопольского князя Лешко Белого?

И откуда он все знает?!

Миниатюрная княжна, задрав по своему обыкновению подбородок, умудрилась взглянуть на усатого верзилу сверху вниз:

– Да это я. А теперь назови свое имя, рыцарь, посмевавший пленить Агделаиду Краковскую. Твой герб мне незнаком. Ты не из Малопольских областей?

– Я – Освальд Добжиньский, – чуть склонил голову усач. – А ты, княжна, вовсе не пленница. Ты – желанная гостья в моем скромном лагере.

– Добжиньский? – нахмурилась Аделаида. – Теперь Добжиньскими землями владеет германское братство Святой Марии. Выходит, ты вассал тевтонов, Освальд?

– У меня нет господина, княжна. И я не являюсь ничьим вассалом с тех самых пор, как Конрад Мазовецкий и Казимир Куявский отдали тевтонам лен моего отца, деда и прадеда.

Я не единожды ходил под знаменами твоего дяди в походы против язычников-пруссов. Я дважды спасал ему жизнь в бою. Я три месяца носил на одежде желтую звезду и красный меч ордена Добжиньских братьев, основанного Конрадом Мазовецким для обороны польских границ. Я ни разу не предавал своего господина, но был предан им. Моей верности Конрад предпочел посулы крестоносцев, а люди князя Казимира привели тевтонов к замку моих предков – к Взгужевеже, «Башне-на-холме». Орденские псы хитростью захватили крепость и казнили моего отца, пытавшегося оборонять нашу вотчину. Я, к несчастью, был в отъезде и вот теперь вынужден влачить жизнь полунищего безземельного странствующего рыцаря. Так что узы вассальной верности более не связывают меня ни с твоим дядей, ни с его сыном Казимиром Куявским, Агделайда Краковская. Но вот ненависть к мазовцам, куявцам и тевтонам все еще клокочет в моем сердце.

Из уст полячки вырвался вздох облегчения.

– Если ты не на стороне магистра Конрада Тюрингского и его польских союзников, то, вероятно, позволишь мне продолжить путь, благородный Освальд, – совсем другим голосом проговорила девушка. – Я предполагаю, что меня разыскивают куявцы, мазовцы и люди орденского магистра, и мне следует поскорее найти надежное убежище.

– Ты правильно предполагаешь, княжна, – усмехнулся усатый рыцарь. – Гонцы из Мазовии и Куявии уже прокричали на городских площадях и деревенских улицах о пропаже краковской невесты Казимира Куявского. Они сообщили, что твою охрану перебили нечестивые татары, но тебе самой по милости Божьей удалось спастись. Казимир остановился сейчас неподалеку отсюда – в Вроцлаве, а его поисковые отряды шныряют повсюду, словно стаи охотничьих псов. Между прочим, тому, кто найдет тебя и передаст куявцам, обещана большая награда: столько гривен, сколько сможет унести человек. И именно поэтому, я не намерен отпускать тебя, Агделайда.

– Рассчитываешь на награду, мерзавец? – прошипела княжна. – Или надеешься, что тебе вернут отобранное однажды?

Освальд посуровел:

– Нет, Агделайда Краковская, на это надежды у меня нет. Я слишком долго веду войну с твоим дядей, двоюродным братом и тевтонами. Я объявлен ими вне закона и вынужден скрываться в Силезских лесах – подальше от Куявии и Мазовии. И я никогда, ни при каких обстоятельствах не примирюсь с таким врагом.

– Тогда зачем ты меня задерживаешь, Освальд? – наморщила носик Аделаида.

– Не хочу отдавать немецким крестоносцам ключ к Малопольскому княжеству. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться: если дочь покойного краковского князя Лешко Белого выйдет замуж за сына орденского прихвостня – мазовецкого князя Конрада Казимира Куявского...

– Я не выйду за него замуж! – вскинулась княжна. – Ни-ког-да!

– Разумеется, не выйдешь, Агделайда! Если не покинешь этого леса. Тебе хотелось найти убежище, недоступное мазовцам, куявцам и тевтонам? Так считай, что ты его нашла. Будь моей гостьей, княжна, только не пытайся выйти за пределы лагеря. Здесь ты получишь все необходимое, и здесь никто не посмеет тронуть тебя пальцем.

– Твое гостеприимство похоже на полон, Освальд Добжиньский, – сощурилась княжна.

– Хороший полон лучше дурного брака, – парировал тот. – И гораздо лучше смерти, благородная Агделайда. Не принадлежи я к древнему роду и не заботься о своей чести, то просто зарубил бы тебя на месте. Это самый верный способ досадить тевтонам и их приспешникам.

Аделаида побледнела. То ли от гнева, то ли от страха.

– Конечно, я этого не сделаю, – успокоил Освальд. – Я хоть и живу в лесу, но еще не забыл рыцарского кодекса. А вот...

Он окинул выразительным взглядом свой лагерь:

– Эти люди, княжна, не столь щепетильны. Поэтому постарайся все-таки держаться поближе ко мне.

Дочь Лешко Белого хранила презрительное молчание.

Освальд воспринял его как знак согласия:

– Ну, вот и славно. Ступай в мой шатер. Отныне он принадлежит тебе, Агделайда. Туда доставят еду, питье, нагретую воду для омовений и одежду. Мы недавно отбили у немцев купеческий обоз. Там были кое-какие платья. Не для княжеских хором, правда, шитые, зато чистые и не рваные.

– А мой... э-э-э, спутник? – Аделаида растерянно взглянула на Бурцева.

Вспомнила, наконец!

– С ним у меня будет особый разговор.

Освальд повернулся к лучникам:

– Уведите княжну и позаботьтесь о ней. Поставьте стражу у шатра. Проследите, чтоб никто туда не совался. И не высовывался тоже.

Глава 24

Как только Аделаиду вежливо, но настойчиво выпихнули за полог шатра, от взгляда добжиньского рыцаря повеяло неприязненным холодком.

– Кто ты? Отвечай! – с Бурцевым рыцарь говорил не столь любезно, как с княжной.

Кто он? Представиться по форме? Имя, фамилия, должность, звание и... и год рождения? Так ведь этот Освальд юмора не оценит. Лучше уж придерживаться легенды, которую невольно сочинила польская княжна. Безопаснее будет.

– Вацлав, – ответил Бурцев. – Ополченец.

Жутко хотелось жрать, от ремней, накрученных Богданом, ныли руки.

– И чьего же ты войска ополченец, Вацлав? – рыцарь, казалось, не замечал страданий пленника и явно не намеревался ни угощать его, ни развязывать.

– Клеменса, – угрюмо соврал Бурцев, – Владислава Клеменса. Я послан, чтобы...

– Кто твой сотник? – перебил Освальд.

– Сотник? – Да откуда ж ему знать сотников Краковского ополчения!

– А десятник?

– Я шел в бой под прямым командованием Владислава Клеменса, – брякнул наудачу Бурцев.

– Вот как? – рыцарь скривился в усмешке. – Очень интересно...

Блин! Похоже, сморозил глупость. Допросы вести этот добжинец умел не хуже иного дознавателя.

– К моему отряду, да будет тебе известно, примкнуло много народа. Разного народа, Вацлав.

Освальд поискал кого-то взглядом, громко окликнул человека со свежим шрамом на пол-лица и в добротной кольчуге двойного плетения:

– Янек!

Крутая кольчужка. Абы кто щеголять в такой не станет. Да и делалась сразу видно – на заказ, по размеру. Сидит вон как славно. Знатный, видать, пан этот Янек.

– Ты ведь знал тех, кто бился под личным началом краковского воеводы, Янек? – к человеку со шрамом рыцарь обращался почти как к равному.

– Да, я служил при воеводе и был знаком со всеми его дружинниками.

– Этот вот ополченец утверждает, что он тоже состоял в дружине Владислава Клеменса, – недобро хохотнул добжиньский рыцарь.

Янек нахмурился:

– В дружину воеводы никак не мог попасть ополченец. Я не знаю этого человека. В первый раз вижу.

Освальд кивком поблагодарил Янека и вновь повернулся к Василию:

– Итак, ты меня обманул, Вацлав. Больше делать этого тебе не советую. – рыцарь демонстративно положил ладонь на эфес меча. – Повторяю вопрос. Кто ты?

Бурцев вздохнул. Что он мог ответить?

– Случайный попутчик княжны.

– Попутчик? – Пальцы рыцаря сжали рукоять меча, клинок наполовину вынырнул из ножен. С обнаженной стали брызнули солнечные зайчики. – Опять лжешь, Вацлав? В бою у трех сосен мой оруженосец видел, как ты надел на дочь Лешко Белого какие-то диковинные кандалы, бросил ее на лошадь и увез совсем не так, как положено возить княжну. Кому ты хотел отдать свою добычу, попутчик? Конраду? Казимиру? Тевтонам?

– Я лишь хотел уберечь княжну, – скрипнул зубами Бурцев.

– От кого?

– От татар, что охотились за ней. И от твоих разбойников тоже.

– Мы не разбойники! – Лицо Освальд перекошилось от ярости. – Хоть и громим мазовецкие, куявские, тевтонские и татарские отряды да обозы, но лиходеями нас называть не смей, Вацлав! Беженцев мы не трогаем, а воюем только с врагами Польши и их приспешниками.

Партизаны, значит. Впрочем, какая разница – погибать ли от рук атамана разбойничьей шайки или от меча благородного рыцаря-партизана. Смерть – она и в Африке смерть. И в Польше тринадцатого столетия тоже...

– А что касается татар, – продолжал Освальд, совладав с гневом, – так язычники в этот лес вообще не заходили. Их богопротивное Измайлово племя движется сейчас в сторону Вроцлава по княжескому тракту. Это совсем в другой стороне.

– Но как же всадники в масках? – удивился Бурцев.

– В этих, что ли? – рыцарь небрежно кивнул в сторону ближайшего навеса.

Там, в куче скарба, трофейного оружия и тюков с фуражом валялось несколько незамеченных ранее Бурцевым «татарских» личин. Прямо на него уставилась прислоненная к треснувшему щиту маска с двумя тщательно намалеванными клыками. Знакомая маска.

– Под ней прятал лицо Якуб Одноухий, – пояснил Освальд. – Правая рука Казимира Куявского, исполнявший со своей шайкой самые грязные поручения князя. Вот уж кто истин-

ный лиходея и разбойник. Когда-то я лично отсек ему ухо. А вчера – голову. Такой головы не жаль. Хотя и польская она, но поганая.

– А маски? Зачем маски-то? – не мог взять в толк Бурцев.

– Да чтоб не узнали! Якубу и его людям нельзя было отбивать Агделаиду для Казимира Куявского с открытыми лицами. Не добре это, когда поляки поляков же избивают и увозят польскую княжну силой. А ну как пойдут слухи? Если же станет известно, что на беженский обоз и кнехтов Агделаиды напал татарский разъезд – так то совсем другое дело. Потому и искали княжну куявцы, нацепив демоновы личины и прикинувшись язычниками. Но такие личины, Вацлав, могут обмануть, смутить и напугать только того, кто ни разу не видел настоящих татар. А я их видел и не единожды вступал с ними в схватку. Хорошие они воины, но на демонов, вопреки молве, не похожи и масок таких не носят.

Бурцев кивнул. Он и сам сомневался, что всадники, охотившиеся за Аделаидой, – настоящие татары. Но почему Освальд тоже начал поиски княжны? Откуда этому усатому добжиньцу стало известно, что за важная птица залетела в здешние глухие леса?

– А как ты узнал о княжне, пан рыцарь? – напрямую спросил Бурцев.

– Было кому рассказать, Вацлав, – снова нехорошо усмехнулся Освальд. – И о знатной панночке, и о княжеском гербе на ее повозке – белом коронованном орле в красном поле. Не ты ведь один спасся из обоза, на который напал Якуб Одноухий.

Разве? Вроде бы «маски» беспощадно вырубали всех – от мала до велика.

– Есть у меня один свидетель, есть, – заверил Освальд. – Вон он, у огня сидит.

Возле костра, где жарилась кабанья туша, мелькнула рыжая голова.

– Яцек! – позвал Освальд.

Глава 25

– Тартарин он, пан рыцарь, как есть тартарин! – испуганно бормотал издали беззубый землепашец. Даже к связанному Бурцеву Яцек приближаться опасался. – Колдун языческий! С ним мужики из нашего ополья справиться не смогли.

– Правда? – рыцарь взглянул на пленника другими глазами. С уважением, что ли... – Ну-ну... Ты ведь, Вацлав, и трех лучников дядьки Адама тоже раскидал как щенков. Ох, сдается мне, не простой ты ополченец.

Бурцев пожал плечами. Освальд продолжал:

– Что ж, я готов поверить, что ты действительно не вез княжну к куявцам, мазовцам или тевтонам, хотя и мог получить за Агделаиду такую награду, что век горя бы не знал...

При слове «награда» Яцек насторожился. Глаза полыхнули алчным блеском, а уши... Уши под взлохмаченной рыжей шевелюрой аж ходуном заходили.

– Да, пожалуй, я в это поверю, – продолжил Освальд, – но лишь потому, что против тебя, Вацлав, выдвигается не менее серьезное обвинение. Яцек утверждает, что ты – пособник Измаиловых сынов, безбожников и язычников, извергнутых адовой бездной. Если он прав, то, выходит, именно им ты хотел отдать Агделаиду Краковскую.

– Ничей я не пособник и никому отдавать княжну не собирался, – устало возразил Бурцев. – Она направляется к Сулиславу – брату краковского воеводы. Я всего лишь ее сопровождаю.

Яцек внимательно слушал. Настолько внимательно, что Бурцев мысленно обругал себя: не стоило, наверное, сильно болтать в присутствии рыжего.

Польский рыцарь о чем-то крепко задумался.

– Вообще-то у тебя есть возможность доказать правдивость своих слов, Вацлав, – наконец заговорил он. – Кто-нибудь другой приказал бы тебя повесить сразу...

«Ну, это мы уже проходили!» – Бурцев вспомнил гонца Генриха Благочестивого и его краткое «вздернуть».

– ...но я в подобных делах больше полагаюсь не на скоропалительное решение смертных судей, а на высшее провидение. Законы Польской Правды позволяют обвиняемому уповать на Божий суд. И я спрашиваю тебя, Вацлав, согласен ли ты подвергнуться испытанию и доказать свою невиновность на этом суде?

– А если откажусь?

– Тогда – петля. Без всякого суда.

Бурцев понятия не имел, в чем заключается Божий суд по Польской Правде тринадцатого века. Однако неведомое испытание все ж таки предпочтительней верной смерти. Может быть, перед Божиим судом полагается накормить обвиняемого или хотя бы развязать ему руки.

– Согласен. Валяй, Освальд, суди.

– Прекрасно! Обойдемся без лавников⁵ и коморников⁶. Я не прибегал к их помощи, когда разбирал жалобы на землях Взгужевежи, не потребуются они мне и здесь.

Освальд заметно приосанился. Пан явно страдал от комплекса непризнанного юриста и намеревался использовать представившуюся возможность поиграться в правосудие. А может быть, у этой лесной братии просто нет других развлечений, и Божий суд, чем бы он там ни был, для них – единственное доступное шоу?

– Божий суд! – громогласно провозгласил Освальд. Обнаженный меч в его руке взметнулся к небу.

– Божий суд! Божий суд! Божий суд! – загомонили лесные воины. Все побросали свои дела. Даже повара, плеснув на угли водой, оставили вертел с недожаренной тушей вепря.

Не прошло и трех минут, как вокруг Освальда и Бурцева столпились обитатели лагеря. Пропускать Божий суд не хотел никто. Не повезло только лучникам дядьки Адама – им надлежало сторожить княжну в шатре.

Радостный галдеж прекратился, стоило Освальду еще раз взмахнуть обнаженным мечом. Наступила тишина. Голос рыцаря зазвучал громко и торжественно:

– Вацлав, ты не желаешь признавать обвинения в пособничестве язычникам, так ли это?

– Так.

– И ты не можешь выставить перед судом свидетелей в свою защиту?

– Вообще-то могу. Княжна...

– Агделайда, дочь краковского князя Лешко Белого не будет твоим свидетелем, ибо она не могла знать о твоих тайных помыслах. Княжне неведомо, куда ты на самом деле намеревался ее везти. Есть ли у тебя еще свидетели, готовые подтвердить твою невиновность?

– Нет.

– В таком случае ты можешь доказать свою правоту в священном поединке. А если по какой-либо причине не можешь биться, тебя подвергнут испытанию железом или водой.

– То есть как это? – насторожился Бурцев.

– Ты пройдешь голыми ногами по раскаленному железу. Или пронесешь его в руках. Затем твои раны обвяжут воском и травами, а на третий день снимут повязки. Если ожоги не заживут, ты будешь признан виновным.

– А испытание водой?

– Тебя привяжут к бревну и бросят в реку. Твоя вина будет доказана, если бревно перевернется, и ты окажешься под водой.

– Поединок, – угрюмо произнес Бурцев. – Я выбираю поединок.

---

⁵ Присяжные.

⁶ Судебный служитель.

Толпа возликовала. Оно и понятно – гладиаторские бои, конечно же, куда как зрелищнее и интереснее испытаний железом или водой.

Снова взметнулся вверх меч Освальда. И снова крики смолкли.

– Да будет так! – провозгласил добжинец. – Ответчик Вацлав, против которого свидетельствовал кмет Яцек, по доброй воле выбрал поединок. Пусть же Господь укажет нам правого.

– Я должен биться с ним? – Бурцев, прищурившись, глянул на Яцека.

Тот в ужасе попятился. Справиться с таким соперником не составит труда – это ведь ясно и без всяких там Польских Правд.

– Нет, Вацлав, – покачал головой Освальд. – Яцек лишь свидетель, а обвиняю тебя сейчас я.

– Значит, моим противником будешь ты? – еще больше удивился Бурцев.

Благородный предводитель партизан усмехнулся:

– Твоя дерзость начинает мне нравиться, Вацлав. Но ты опять ошибаешься. Устраивать турнир с простолюдином я, разумеется, не стану. Ты не рыцарь, а потому я выставлю против тебя своего оруженосца... Збыслав, выйди сюда!

Толпу без особых усилий растолкал кривоногий круглолицый здоровяк разбойничьего вида. Типчик еще тот! Шея – обхватишь и не удержишь. Рост – ненамного меньше, чем у Бурцева. Плечи – что ооновский щит, положенный поперек. А мускулистые руки средневекового качка, казалось, играючи сомнут хоть подкову, хоть шлем. Вместе со всем его содержимым. Если бы вместо грязных косм непокрытый затылок Збыслава венчал стриженный ежик волос, оруженосец Освальда сошел бы за типичного боевика эпохи рэкетирского расцвета.

Бурцев не сразу опознал в ходячем шкафе того самого лихого малого, что в схватке у трех сосен ловко выбивал кистенем из седел воинов Якуба Усатого.

Бандитская морда расплылась в глумливой ухмылке, и Бурцев машинально отметил, что у громилы отсутствуют два передних резца. Но в отличие от шербатости Яцека, этот изъян не казался смешным. Наоборот, возникало чувство жалости. Не к Збыславу, нет, к тому несчастному, кто посмел ему вышибить зубы. Вероятно, безвестный герой, после того необдуманного поступка, как минимум лишился головы.

– Освободите пленника, – прозвучал приказ Освальда.

Сзади кто-то развязал ремни, стягивавшие руки Бурцева. Пути спали. От притока крови к онемевшим конечностям закололо под кожей. Бурцев принялся с ожесточением растирать посиневшие кисти. Следовало поскорее восстановить кровоток: на Божьем суде понадобится вся сила и ловкость рук.

– По законам Польской Правды я обязан дать ответчику срок в две седмицы на подготовку к священному поединку, – вещал тем временем Освальд. – Но у нас нет этого времени. Потому я спрашиваю: согласен ли ты, Вацлав, биться прямо сейчас?

– А что мне еще остается?!

Руки постепенно обретали утраченную чувствительность.

– Это не ответ, – нахмурился Освальд. И зарядил по новой: – Согласен ли ты, Вацлав...

– Да согласен, согласен!

– Хорошо! – кивнул пан. – Поскольку никто из вас двоих не отличается знатностью рода и пока не состоит в рыцарском звании, то и биться вам надлежит не мечами, а палками.

Толпа снова загалдела. Бурцева же несколько озадачил выбор оружия. Похоже, на потеху публике его вовлекают в ребяческие игры а-ля Шаолинь. Впрочем, нет. С легкими гибкими шестами китайских ушуистов две крепкие увесистые дубины, положенные к ногам Освальда, не имели ничего общего. Одного точного удара такой «палочкой» достаточно, чтобы сделать человека калекой или вовсе вышибить из него дух.

Обе дубинки выглядели отнюдь не свежестругаными. Отполированные рукояти, вмятины на прочных желвакообразных утолщениях, выбитые сучки, грязь и, как пишут в мили-

цейских протоколах, пятна бурого цвета. Видно, Божьи суды на палках в лагере Освальда Добжиньского – дело обычное.

А к дубинам уже положили два небольших круглых щита: легкая деревянная основа, обитая кожей, – как раз то, что нужно для палочного боя. На щиты кинули пару засаленных подушек все с теми же буроватыми пятнами. Интересненько... На голову их, что ли, полагается нахлобучивать для защиты или как? Ладно, придет время – все станет ясно.

Но время шло, а прояснение не наступало. Наоборот...

Бурцев в изумлении воззрился на глиняные чашки, наполненные пеплом, – их притащили от притушенного костра с кабаньей тушей. Объяснить предназначение этого странного атрибута предстоящей схватки Бурцев не мог.

– Подойди, Збыслав, – приказал добжиньский рыцарь.

Оруженосец шагнул к своему господину, преклонил колено, крепко зажмурил глаза.

И тут произошло то, чего Бурцев не ожидал. По знаку Освальда, один из волчьешкурых партизан погрузил обе ладони в глиняную посудину, зачерпнул полную горсть пепла и высыпал прямо на голову Збыслава. Легкий ветерок потянул с волос силача плотный шлейф мышинового цвета. Оруженосец даже не шелохнулся. «А ну-ка, Добрынюшка, обсыпь его мелом!» – Бурцеву вспомнился старый анекдот о дуэли Ильи Муромца с д'Артаньяном.

Странная операция повторилась несколько раз. Голова Збыслава напоминала теперь потушенный очаг, а пепельные разводы на круглой физиономии придали ему сходство со спецназовцем в камуфляжном гриме. Который, правда, сильно перестарался, обеспечивая себе маскировку.

– Теперь ты, Вацлав, – скомандовал Освальд.

– Зачем это? – запротестовал Бурцев. – Я уж как-нибудь обойдусь.

– Так положено! Польская Правда гласит, что обоим поединщикам перед Божьим судом надлежит насыпать в волосы пепел. Ибо, если кому-нибудь разобьют голову, но не убьют до смерти, то кровь из раны, смешавшись с пеплом, не потечет в глаза и не помешает дальнейшей борьбе.

Вот как?! Предусмотрительный, блин, народ, старополяки. Но раз такое дело, значит, ни шлемов, ни даже подушек для защиты черепашки не положено. При взгляде на дюжего соперника в боевой раскраске, который уже поигрывал своей палочкой, стало тоскливо: все-таки пепел в волосах – не самая лучшая защита от дубья. Но в чужой монастырь со своим уставом впускают редко. Ладно, пусть будет Польская Правда, туды ж ее за ногу... Бурцев нехотя склонил голову.

Пепел, сыпавшийся сверху, был еще теплым, пах костром и едой. Упитанный, видать, кабанчик попался лесным охотникам – жира в огонь накапало столько, что рот голодного Бурцева вмиг наполнился слюной. А сердце – ненавистью. Ничего уже он не чувствовал, кроме досады и жуткой обиды на негостеприимного Освальда, на его громилу-оруженосца, на весь этот сброд полупартизан-полубандитов. Ишь, собрались вокруг, раззявили рты и зенки. Крови жаждут. Его, Бурцева, крови. По глазам видно – никто не верит в победу чужака. Что ж, плевать, если суд и впрямь Божий, правда на его стороне. А где правда, там и сила. Хотелось, чтоб так и было.

Бурцев поискал взглядом Яцека. Но беженца, из-за которого он, собственно, и вляпался в неприятную историю, нигде не видать. Жаль. С каким неописуемым удовольствием опустил бы Бурцев свою дубину на рыжую голову. Стоп, а вон там... Показалось? Или в самом деле огненная шевелюра мелькнула возле шатра, куда загнали Аделаиду? Чего ради мужичка потянуло к княжне, когда весь лагерь собрался поглазеть на бесплатное шоу?

– Вацлав, ты что, оглох?! – окрик Освальда заставил его встрепенуться. – Хватит по сторонам зыркать. Бежать все равно некуда. Бери оружие и топай на ристалище.

Бурцев поднял дубинку. Да, хорош «демократизатор»! Весил дрын столько же, на сколько и выглядел. Если приложиться как следует, пепел в волосах точно не поможет.

Теперь щит... Полегче ооновского будет, но и поменьше. А вот подушка – она-то ему на кой ляд?

– Подвяжешь вот здесь, под плечом и подмышкой, – объяснил Освальд, – так будет удобнее щитом прикрываться. Палка – она не меч, сразу не убивает, а если бой затянется – рука устанет держать щит.

Насчет «сразу не убивает» верилось с трудом. Но совету рыцаря Бурцев все же внял. По примеру Збыслава приладил подушку. В самом деле, удерживать щит так было гораздо сподручней.

Ристалище оказалось небольшим утоптаным пяточком на краю лагеря. Противников поставили друг против друга на расстоянии нескольких шагов. Зрители расступились, освобождая пространство для поединка.

Бойцовское чутье подсказывало: справиться со Збыславом будет непросто. Перепаханный сажей оруженосец ощерился, словно угадав мысли Бурцева. Совсем не голливудская улыбочка вышла! Уж, не в таком ли вот спарринге на дубинах ты лишился своих зубов, Збыслав?

Освальд в который уж раз поднял к небу меч:

– Божье провидение да укажет нам истину! Приступайте!

Глава 26

– ...пайте!

Голос Освальда еще не умолк, а Збыслав уже атаковал, целя дубиной в висок противника. Бурцев едва-едва успел приподнять край щита.

Треск...

Удар был страшен. Щит выдержал, подушка амортизировала, погасив большую часть энергии, но вот сам Бурцев не устоял. Под ликующие вопли толпы он покатился в грязь. Сажа с волос запорошила глаза. Выпавшая дубинка отлетела в сторону.

Встать ему дали. Дали возможность проморгаться, протереть веки и поднять оброненное оружие. То ли оруженосец рыцаря тоже решил вести себя по-рыцарски, то ли таковы законы пресловутой Польской Правды.

Бурцев встал, взмахнул дубиной и сам напал на громилу. В последний момент изменил направление удара – уж такой-то финт косолапый здоровяк отразить не сможет. Увы, внушительная комплекция Збыслава ничуть не мешала ему передвигаться со скоростью боксера-легковеса. И реакция у поляка оказалась что надо.

Он отклонил дубину противника щитом. Пошатнулся, но устоял, нанес ответный удар. Бурцев подставил свой щит. Ударил снова. И опять прикрылся. Так продолжалось пару минут. Кружась по ристалищу, они обменивались мощными, но безрезультатными ударами. Монотонный глухой стук чередовался с пытением поединщиков и азартными выкриками зрителей. Освальдова оруженосца из толпы подбадривали. На долю же Бурцеву доставались лишь насмешки.

Может, поэтому он и отвлекся, допустил ошибку, когда дубинка Збыслава вдруг ударила не слева, а справа. Оруженосец лихо рубанул наискось, с оттягом, будто вовсе не увесистая палка была в его руке, а меч или сабля. Бурцев принял вражескую дубину не на щит, а неловко подставил под коварный удар собственное оружие. К которому, увы, еще толком не приноровился. А потому и не смог удержать тяжелый дрын в руках. Нечеловеческая сила вышибла, выцепила дубину из отсушенных пальцев, рванула куда-то вниз и в сторону.

Публика хохотала. Еще бы! Уже второй раз дубина Бурцева шлепнулась в грязь. В затаившемся «фехтовании» он все больше ощущал себя жертвой. Нужно срочно вспоминать тренировки с «РД-73».

– Так тебе не удастся доказать свою невиновность, Вацлав! – слова Освальда прозвучали как предупреждения, о дисквалификации за пассивное ведение боя. Первое и последнее предупреждение.

Скрежетнув зубами, Бурцев второй раз поднял выбитое оружие. И снова ему в этом никто не препятствовал. И снова Збыслав с самоуверенной усмешкой ждал в двух-трех шагах, хоть и имел прекрасную возможность разmozжить голову безоружному сопернику.

Бурцев пообещал себе впредь не давать повода для подобных усмешек. Обещание это он выполнил.

Резкий, неожиданный – не удар даже, а тычок концом дубинки под дых – отбросил оруженосца назад. Ага, щербатый противник больше не скалится.

Первобытный танец под аккомпанемент глухого перестука продолжился. Если мерить затянувшуюся «дуэль» привычными мерками, прошло уже раундов пять-шесть – не меньше. Оба бойца заметно ослабили натиск, оба чуть пошатывались от усталости, но оба знали: кто-то из них вот-вот сломается, ошибется, пропустит роковой удар.

Публика поутихла. Лесные партизаны были озадачены: поединщик-чужак, так неумело начавший схватку, держался почему-то слишком долго. Чужак оказывал достойный отпор Збыславу, то и дело проводя опасные атаки и контратаки.

Бурцев пожалел, что перед боем не скинул одежду – от пота та уже промокла насквозь. Зато подушка под плечом – скомканная, сбитая, сопревшая и вонючая – и впрямь служила добрую службу. Щит теперь казался необычайно тяжелым и, не будь этой подушечки, Бурцев, наверное, уже не смог бы ворочать онемевшей от дикого напряжения левой рукой.

Сухой пепел больше не сыпался с головы при резких движениях. Вероятно, там образовалось то же густое месиво из пота, волос и золы, что и в космах Збыслава. Грязные струйки стекали с висков по щекам, но в глаза, слава богу, не попадали. Зато голова зудела жутко. Эх, небольшой бы тайм-аут! И погрузить в волосы обе пятерни! Но перерыва не предвиделось. Идти же на хитрость и специально ронять дубину, чревато. Кто знает, позволят ли ему поднять оружие в третий раз? Благородство уставшего Збыслава тоже имеет границы.

Неизвестно, как насчет благородства, но терпение рыцарский оруженосец уже утратил. Он вдруг обхватил свою дубину обеими руками и с оглушительным ревом ринулся в решающую атаку. Подушка из-под плеча Збыслава свалилась наземь, щит нелепо болтнулся на левом локте, а дубина начала стремительное движение сверху вниз. По прямой. Без всяких фехтовальных изысков.

Поляк вроде все рассчитал верно – напал, отбив очередной выпад Бурцева, напал в ту самую безопасную долю секунды, которая необходима противнику, чтобы вновь занести уставшую руку для следующего удара. В эту долю секунды можно не думать о защите. И Збыслав думал только об атаке. Если она сорвется, оруженосцу придется отбиваться одной дубинкой – воспользоваться щитом он просто не успеет. Но уж если атака достигнет цели...

Збыслав намеревался припечатать раз и навсегда, расшибить, разmozжить, размазать противника последним сокрушительным ударом, в который рыцарский оруженосец вложил всю оставшуюся силу, всю волю и весь свой немалый вес. Он аж подпрыгнул, чтобы придать дубине большее ускорение. От подобного удара не убережет уже никакой щит. Даже если Бурцев выживет после ТАКОГО, то подняться вряд ли сможет. А Божий суд, окончившийся нокаутом, укажет Освальду, кто прав, а кто виноват. Петля – вот что ждет Бурцева в итоге, если деревянная колотушка сразу не расплещет его мозги по ристалищу.

Единственный способ избежать незавидной участи – разминуться с дубиной, пока еще есть вре...

Но до чего же мало его осталось! Ничтожно мало!

Свист дубинки...

...мя...

Бурцев отпрыгнул, уже в прыжке крутнулся волчком, стараясь, чтобы деревянная смерть в руках Збыслава прошла мимо. Чтобы не зацепило.

Нет! Не зацепило!

Тяжкое гхуканье Збыслава смешалось с громким треском. А затем изумленный выдох толпы поглотил все звуки. Словно осколки разорвавшейся гранаты взметнулись вверх грязные брызги и щепы. Что-то большое, увесистое, желвакастое, вертящееся в воздухе, промелькнуло у самого лица. А там, где только что стоял Бурцев, аккуратно между двух отпечатков омовских берц, красовалась вмятина. След от удара дубины был заметно глубже следов, оставленных рифлеными подошвами.

Долгожданный тайм-аут! Оруженосец Освальда удивленно взирал то на обломок своей деревянной палицы, то на противника, чудом выскользнувшего из-под смертоносного удара. Он явно не мог понять, что произошло. И как произошло. Щит соскользнул с левой руки Збыслава, упал, скосырнув краем грязь возле его ног. Зрители совсем притихли.

Ну что ж, а вот теперь повоюем! Наступил черед Бурцева демонстрировать благородство. Он без сожаления отбросил дубинку и щит. Страхнул из-под плеча набухшую потом подушку, встал в боевую стойку. Посмотрим, чего стоит грозный соперник в рукопашной схватке.

Збыслав пришел в себя быстро. Вzbешенный неудачей, ринулся напролом. Никакой техники, никакого бойцовского искусства. Лишившись дубинки, щита и выдержки, оруженосец перестал быть опасным противником. Да и школа кулачного боя в Польше тринадцатого века была развита явно слабее фехтовального мастерства. Громилу влекли вперед лишь уязвленное самолюбие и слепая ярость. Пудовые кулаки бестолково молотили воздух.

Ответ оказался серьезнее. Збыслав с ходу налетел на серию хрястких боксерских ударов. Отшатнулся – ослепленный, оглушенный, ошарашенный. Но тут же попер буром снова. Протянул руки, намереваясь вцепиться в горло, раздавить кадык, свернуть шею. Руки у Збыслава длинные, да. Но нога – она ж всегда длиннее руки.

Для начала – точная и эффектная «вертушка». Больше рассчитанная на зрителей, на которых произвести должное впечатление нужно было сейчас ничуть не меньше, чем победить в поединке.

Вот так! В прыжке. С разворотом. В голову.

В реальной драке редко выпадает случай столь красиво, по-киношному, припечатать соперника. А здесь вот выпал. Косолапый гигант сам подsunул голову под удар. Грех было не воспользоваться. Прием прошел великолепно. Бугай издал кхэкающий звук, пошатнулся. Руки Збыслава опустились.

Толпа еще раз удивленно охнула. Ага, ногами здесь драться, по всей видимости, не привыкли. Однако Збыслав – крепкий орешек – все еще стоял на своих двоих, недоуменно тряся косматой головой.

Бурцев собрался и нанес удар с разворота – правой голенью в неосмотрительно выставленную поляком левую ногу. Набитая, замозолившаяся за долгие годы тренировок кость врезалась аккуратно под коленную чашечку. На ринге срубить опытного противника таким приемом непросто. Но Збыслав – другое дело. Парировать хорошо поставленный нижний удар оруженосец не умел. Поляк взвыл, рухнул на подломившуюся ногу. Идеальная для красивого завершения боя позиция: голова на уровне живота, открыто ухо, висок, шея. Упустить такую возможность?! Бурцев еще раз крутанул корпус. Ударил. Той же ногой, тем же местом.

Нога – не дубина, но если попасть ею куда надо, хорошо и точно попасть...

Попал!

Голова Збыслава дернулась, поверженный оруженосец грохнулся в грязь. Нокаут! Что и требовалось доказать.

Глава 27

Зрители молчали. Подавленно, угрюмо, недоверчиво, недоуменно. Наконец, на ристалище ступил Освальд. Этот рефери Божьего суда тоже выглядел озадаченным. Рыцарь больше не размахивал мечом, не тыкал острием в небо по поводу и без него.

– Ты владеешь неведомым воинским искусством или боевой магией, Вацлав, – обратился Освальд к победителю. – Иначе трудно объяснить случившееся. Честно говоря, не знаю, справедливо ли зачесть победу, добытую таким образом. По законам Польской Правды ответчик должен победить, орудуя палкой или мечом. А тут все закончилось какой-то трактирной дракой. Хотя с другой стороны...

Освальд повернулся к зрителям:

– Все видели, как Божье провидение вырвало этого человека из-под удара Збыслава?

– Видели! Видели! Видели!

– Все видели, как дубина Збыслава переломилась на Божьем суде?

– Видели! Видели! Видели!

– Ты признан правым в этом споре, Вацлав! – гаркнул Освальд. – Я снимаю с тебя все обвинения!

– Безумно рад, – хмуро отозвался Бурцев.

Он шагнул мимо неподвижного Збыслава, прошел сквозь расступившуюся толпу. Направился к ручью, журчащему в ивняке. Смыть поскорее с себя пепел, пот и грязь, – вот о чем мечтал сейчас Бурцев.

– погоди, Вацлав! – окликнул Освальд.

Ну, что еще? Бурцев оглянулся.

– Ни один ополченец не способен драться так, как дрался сегодня ты, – прищурил глаз добжинец.

– Божий суд, – пожал плечами Бурцев.

– Ладно. Не желаешь говорить о себе – не надо. У меня здесь много таких, кто не любит говорить о своем прошлом.

– Тогда чего ты от меня хочешь, Освальд?

– Ты – прекрасный боец. Суд судом, но я-то знаю: Господь на ристалище помогает только тем, кто сам чего-то стоит.

– Ну и?

– Иди ко мне в оруженосцы, Вацлав.

– Вместо Збыслава?

– Вместе со Збыславом. Земельного надела я тебе пока не обещаю – сам остался без фамильного лена. Но веселой жизни, богатой добычи, славы, вина и еды от пуза – этого получишь сполна. Может быть, со временем сосватаем тебе и красотку в каком-нибудь ополье.

– Я подумаю. Насчет еды от пуза – это заманчиво.

Рыцарь хлопнул себя по лбу:

– Э, да ты, верно, голодный, а я с тобой тут разговоры разговариваю! Пойдем к костру, Вацлав. Поешь, а после все обсудим.

– Я грязный, как свинья. Негоже в таком виде за стол садиться. Сначала умыться бы да переодеться.

– Чудак-человек! – удивился пан. – Говорит, что ополченец, а ведет себя как князь. Но коли желаешь – отмывайся. Распоряжусь подобрать тебе чистую одежду. Кстати, а где ты взял свое одеяние, Вацлав? Никогда не видел такого диковинного.

– Нашел, – уклончиво ответил Бурцев. – Кто-то бросил на дороге, а я подобрал.

После ледяной родниковой купели Бурцев почувствовал себя человеком. Конечно, не помешали бы еще мыло с мочалкой, но здесь о такой роскоши лучше не мечтать.

Синий от холода, он переоделся в развешанные на кустах непривычные, но относительно чистые тряпки. Влез в необъятные льняные портки и плотные узковатые штаны-шоссы. Надел грубую длинную – чуть не до колен – полотняную рубаху навывпуск с вышитым разрезом на груди. Застегнул распахнутый ворот парой деревянных пуговиц, опоясался шнуром с идиотскими кисточками.

Теплая шерстяная накидка – здесь ее называли котта – Освальд выделил ему из личного гардероба. Котта оказалась побогаче нижней одежды. А почти новый меховой жупан – тот вообще выглядел как подарок с барского плеча.

Надежные омовские берцы Василий решил оставить при себе. Местная обувь – даже дорогие сафьяновые сапоги – не внушали доверия. Бурцев поправил на голове бесформенную мохнатую шапку и глянул в зеркало луж. Ну, видок! Зато сухо, тепло и практично. Это главное. Что ж, теперь пора и потрапезничать. Приглашали ведь.

– Дорогу победителю Збыслава! – рявкнул Освальд, едва завидев Бурцева.

Сам уса́тый рыцарь, правда, ни на йоту не сдвинулся с почетного места возле кабаньей ноги. Зато партизаны, сгрудившиеся вокруг, шумно потеснились.

Бурцев присел справа от добжиньца. Слева возник оруженосец с распухшим ухом. Очу́хался уже? Бурцев напрягся. Но ничего... Збыслав дружелюбно оскалился, будто и не было между ними жестокого боя на палках. Улыбка жутковатая, но вроде искренняя. Наверное, с этим рубахой-парнем можно иметь дело. Бурцев улыбнулся в ответ. Збыслав передал ему кабанью кость с огромным куском мяса. Мясо! В животе заурчало...

Он помедлил ровно столько, сколько требовалось, чтобы осмотреться и составить представление о местном застольном этикете. Этикет отсутствовал напрочь. Из столовых приборов использовались только ножи и кинжалы. Да и то крайне редко. Ели все, даже благородный рыцарь Освальд Добжиньский, голыми руками, смачно слизывая стекавший за рукава жир.

Ну и славно! Бурцев вонзил зубы в кабанятину. Из-под прожаренной корки брызнул аппетитный сок. И не только. Гм, бифштекс с кровью по-старопольски. Ничего вкуснее он не едал!

Чья-то пятерня вдруг хлопнула по спине. Опять Збыслав!

– Меня еще никто не побеждал на ристалище, – гоготнул оруженосец, указывая на разбитое ухо с таким видом, словно это он завалил Бурцева в поединке. Причем завалил именно своим левым ухом. – А ты смог, Вацлав. Держи кулявку!

И протянул диковинный кубок без ножи.

М-да, забавная вещичка. Пока не опорожнишь полностью – не поставишь: кулявка тут же упадет, расплескав все содержимое. Бурцев осторожно отхлебнул жидкость золотисто-янтарного цвета. Очень даже ничего...

– Добрый мед – волынский! – Рот Збыслава вновь растянулся в неполнозубой улыбке. – За твою победу, ратник!

Каким-то образом здоровяк-оруженосец умудрялся прислуживать своему господину, болтать с Бурцевым и заглатывать при этом чудовищные куски жареного мяса, заливая пищу щедрым водопадом из кулявки полуторалитрового – никак не меньше – объема.

– Но, право слово, тебе повезло, Вацлав, что у меня сломалась дубина. А не то...

Он сделал еще один глоток, сытно срыгнул, оттер рукавом губы, продолжил:

– Вообще-то я палочные бои не шибко жалую. Дубинки – дело долгое, занудное. А вот попался бы ты мне в лесу, да под мачугу...

Збыслав мечтательно закатил глаза. Ни угрозы, ни ненависти, ни обиды за недавнее поражение на ристалище в его голосе Бурцев не уловил. Только грубоватое признание вояки со стажем в любви к привычному оружию.

– Под мачугу?

– Кистень по-нашему, – пояснил Освальд. – Неблагородное оружие, лиходейское. Збыслав сам-то из литвинов, а там многие мачугами бьются. Кто победнее, делает палицы-насеки из дуба и кремня: врезает в молодой дубок острые осколки, а когда камень намертво вращается в дерево, получается ослоп, от которого только добрые латы и спасут. Ну, а кто побогаче – те идут в бой на лошади, с мачугой-кистеном. Збыслав здорово приловчился к этой штуковине – любой доспех пробьет, любой череп сокрушит.

Вряд ли добжинец преувеличивал: Бурцев припомнил, как ловко обращался кривоногий громила со своим грузиком на цепи во время вчерашней стычки с воинами Якуба Одноухого.

– Пан Освальд дело говорит! – глубокомысленно изрек оруженосец. – Если бы мы с тобой на ристалище с мачугами вышли...

А, пожалуй, и хорошо, что не вышли, – решил Бурцев.

– Ну, хватит, Збыслав, – приказал рыцарь. – Оставь гостя в покое. Дай поесть человеку.

– Да я-то, собственно, и сыт уже, – признался Бурцев. – Спасибо за гостеприимство и угощение.

– Ну, а раз сыт, так ответь – согласен остаться у меня в оруженосцах? Все равно ведь вам с княжной дальше хода нет. Татары, мазовцы, куявцы, тевтоны – кто-нибудь обязательно схватит, – только высунуться из леса. Агделаиду увезут, а с тобой, Вацлав, церемониться точно не станут.

Бурцев задумался. Не так уж и неправ Освальд Добжиньский. Не лучше ли пересидеть в лесных трущобах, пока все не устаканится? Хотя спокойно сидеть здесь тоже, наверное, не придется. Партизанский лагерь – не санаторий-профилакторий, а выгнанный из собственного замка Освальд горит жаждой мести. Вопрос: стоит ли ввязываться в чужую вендетту? Или... Или не такая уж она и чужая, если направлена против тевтонов? И, если рассудить, – в защиту интересов Аделаиды, которая... да чего там!.. которая основательно уже обосновалась в его, Бурцева, сердце.

И потом... Рыцарский оруженосец – это ведь уже не бесправный кмет-землепашец. Более того, насколько представлял Бурцев обычаи этой эпохи, хороший оруженосец имеет неплохие шансы и сам со временем выбиться в благородные пань. А раз так... Аделаида однажды высказала сожаление по поводу отсутствия у него рыцарского титула. Даже намекнула, что не прочь связать свою судьбу с простым, бедным, незнатным, но – обязательно – рыцарем. Слова эти, правда, были сказаны в минуту отчаяния, но кто знает, кто знает...

– Княжна говорила, крестоносцы мечтают укрепиться в Малой Польше. Потому и намереваются выдать ее за Казимира Куявского, послушного воле ордена.

– Верно говорила, – кивнул Освальд, – смышленная девочка. Немецкие рыцари хотят утыкать своими замками всю Польшу. Мазовия, Куявия, Силезия и Великопольское княжество уже готовы принять орденских братьев на своих землях, а вот с Малой Польшей у магистра Конрада Тюрингского не заладилось. А тевтоны почему-то рвутся именно туда. Ума не приложу, с какой стати, но вотчина Лешко Белого для них оказалась важнее прочих польских княжеств.

Бурцев немного помедлил, прежде чем дать окончательный ответ.

– Хорошо, Освальд, я буду твоим оруженосцем и соглашусь биться на твоей стороне. Но только если княжна тоже согласится остаться здесь. Согласится добровольно, а не по принуждению.

– Вот как? – добжиньский рыцарь в раздумье смотрел на угли костра. – Что ж, Вацлав, будь по-твоему. Прямо сейчас и поговорим с Агделаидой. Збыслав, приведи княжну. Хотя

погоди-ка... Знаешь что... Тащи-ка сюда заодно и Яцека. Ну, того рыжего кмета, что свидетельствовал против Вацлава. За лжесвидетельство нужно отвечать.

Оруженосец осклабился и бросился выполнять поручение.

– Что ты задумал, Освальд?

– Устроим еще одно состязание. У тебя будет возможность поквитаться с обидчиком.

– Да ну его! – отмахнулся Бурцев. – Не хочу руки марать.

Разбираться с Яцеком ему в самом деле расхотелось совершенно. Былая ненависть к рыжему шербатому и хитроглазому крестьянину как-то незаметно смылась вместе с грязью, осталась в сброшенной за кустами заскорузлой одежде, утихомирилась с насытившимся желудком, размякла и раздобрела под легким медовым хмельком.

– Чудной ты человек! Впрочем, коли сам отказываешься покарать мерзавца, этим займется Збыслав. Его хлебом не корми и медом не пои – дай только на ристалище порезвиться. Вручим обоим по мачуге и... Думаю, надолго поединок не затянется.

– И это тоже будет Божий суд по Польской Правде?

Брови Освальда сошлись к переносице:

– Нет, Вацлав, это будет мой суд, по моей правде. Яцек – лжец. А лжецов я не терплю.

Глава 28

Збыслав вернулся без Яцека. И без княжны. Зато зачем-то волочил к костру Богдана. Тащил прямо по земле – за шиворот. Лучник Богдан был напуган. А еще – пьян в дупель!

– Убегли! – выдохнул Збыслав. – Вместе убегли. И княжна, и рыжий!

Рывком – так что затрещал воротник прочного волчьего тулупа – он приподнял обессиленного Богдана.

– Этого вот... – литвин-оруженосец сплюнул от омерзения, – дядька Адам оставил у шатра – княжну сторожить, а он...

– Так я ж не знал... – язык пьяному лучнику повиновался плохо, мысли увязали друг в друге, не успев толком оформиться в затуманенной алкоголем голове. – Я это... сидел... ну, стоял, то есть... А она... ну, а потом он... А я ж думал, что все взаправду... Раз пан Освальд приказал, разве мог я... Никак не мог... потому и не послушался... и ушли... Я даже не понял... А оно так...

– Воды! – рявкнул Освальд. – Родниковой.

Сразу пять человек бросились выполнять приказание. Через пару минут у костра стояла огромная бадья.

По знаку рыцаря Збыслав сунул Богдана головой в ледяную воду. Прoderжав его там чуть дольше, чем следовало, вытащил. Бедняга зашелся в кашле. Однако не успел лучник отдышаться толком, как Освальд снова повелительно махнул рукой. Збыслав окунул свою жертву снова.

Процедура отрезвления повторилась трижды. И явно пошла на пользу. Жалкий, мокрый и дрожащий от холода Богдан теперь владел языком гораздо лучше. Глаза молодого стрелка прояснились, содержимое черепной коробки, вероятно, тоже.

– Говори! – прошипел Освальд.

Богдан заговорил. Четко, кратко и, главное, честно.

Выполняя распоряжение Освальда, лучники дядьки Адама доставили княжне в шатер все, что могло ей пригодиться: одежду, дорогие ткани, мягкие подушки, теплые шкуры, жареное мясо и прочую снедь. Даже снабдили небольшим бочонком медовухи и целым арсеналом серебряных кулявок – на выбор.

Княжна подаркам, однако, не обрадовалась. Сначала из шатра полетели звонкие кубки, потом – шкуры и скрученное в узлы тряпье. Напоследок выкатился, чуть не отдавив ногу

дядьке Адаму, бочонок. Мясо, правда, прочую еду и кое-что из принесенных одежд Аделаида оставила, но ругалась долго и усердно.

Дядька Адам распорядился внести выброшенное добро обратно. Но не все. Медовуху, раз уж княжна побрезговала, лесные стрелки решили выпить сами. Дно у бочонка высадили тут же, но, как назло, именно в этот момент прозвучал клич о начале Божьего суда. Помаявшись немного, лучники все же предпочли ристалищное зрелище хмельному меду. Охранять княжну оставили бедолагу-Богдана, которому строго-настроено запретили прикасаться к непочатому бочонку. Но горе одинокого стрелка, лишенного возможности наблюдать за палочным поединком, оказалось сильнее запретов.

Когда у входа в шатер примостился Яцек, Богдан допивал вторую кулявку и был только рад словоохотливому собеседнику. Слушать отдаленные возгласы с ристалища в одиночестве было просто невыносимо. Богдан разглагольствовал и пил, пил и разглагольствовал. С каждым кулявочным заходом черпая из бочонка все больше и больше. Яцек же от угощения вежливо отказывался, сетуя на боли в брюхе, чем изрядно повеселил стражника.

В конце концов Богдан захмелел окончательно. А Яцек под эту дудку объяснил стражнику, что вообще-то его к шатру прислал сам Освальд.

– Я? Прислал? – взревел рыцарь.

Богдан дрожал уже не от холода.

– Рыжий кмет сказал, будто пан рыцарь после Божьего суда желает встретиться с княжной. Наедине – за лагерьем, чтобы... чтобы... ну... с ней... того...

– Продолжай-продолжай! – Освальд с трудом сдерживал себя.

У Богдана хватило ума потребовать доказательств. «А то, что я, как последний дурень, сижу здесь, пока все глазют на драку, – разве не доказательство?» – спросил Яцек. Довод показался убедительным. В бочонке еще оставалось немного медовухи, и лучник махнул рукой: забирай княжну и проваливай.

– Дальше? – усатое лицо Освальда покрывалось красными пятнами.

– Яцек снял шапку и переговорил с княжной. Очень почтительно – через порог, даже не осмелившись войти внутрь. Говорил что-то про Вроцлав, где остановился какой-то Сулислав, брат какого-то Клеменса. Кмет утверждал, будто знает дорогу и может провести... Я уж ничего не соображал. Думал, Яцек так панночку выманивает к пану ры...

– Дальше?!

– Они ушли, – еще глубже вжал уши в плечи Богдан. – Уехали то есть. Взяли двух оседланных лошадей у коновязи... Княжна – свою гнедую кобылку, а Яцек какого-то...

– Скотина!

Кулак Освальда сбил незадачливого Богдана с ног. Падая, тот опрокинул лохань. Вода хлынула в костер. Зашипели угли. Дым, пар и взметнувшийся вверх пепел окутали грозную фигуру добжиныца.

– Рыжий мерзавец! – послышалось из недр белого облака. – Ты всё понял, Вацлав?! Понял, да?! Этот Яцек услышал о награде, обещанной за княжну, и теперь везет девчонку напрямик к Казимиру. Если по пути в Вроцлав они не наткнутся на татар, быть Агделаиде супругой куявского князя, а тевтонским замкам стоять в Малой Польше.

– У тебя же, Освальд, постов вокруг лагеря понапихано, – заметил Бурцев.

– У дозоров приказ: никого не подпускать к лагерю. О том, чтобы не выпускать, приказа не было. Тревогу-то до сих пор никто не поднял. Эх, поздно спохватились.

Негодую, добжинец сжал кулаки:

– Седлать всех коней, что есть. Збыслав – со мной! Янек, кличь краковских дружинников! Дядька Адам, поднимай лучников! Бери тех, кто привычен к скачке и верховому бою!

– Я тоже поеду, Освальд, – напомнил о себе Бурцев, – Раз уж в оруженосцы к тебе строился.

– Хорошо, – кивнул пан. – Для тебя лошадь найдется. Оружие бери вон из той кучи. Что понравится, то и бери. Только поторопись – ждать не будем.

Особенно мудрствовать Бурцев не стал, да и времени не было. Легкий шит. Шлем, похожий на остродонную кастрюлю, войлочная шапочка-подшлемник. Кожаный панцирь с металлическими нащепками (надев его, Бурцев с тоской подумал об утерянном титановом броннике). Обоюдоострый меч в поношенных ножнах на длинной перевязи... Подумав, он перекинул через плечо колчан с короткими стрелами и арбалет. Какое-никакое, а все же оружие дальнего боя – может пригодиться.

– Вацлав, пора! – Збыслав при полном вооружении гарцевал рядом на невысоком горячем коньке. В левой руке литвина болтался круглый щит и позвякивала намотанная на кулак цепь грозной мачуги. Правой Збыслав держал поводья молодой кобылки в яблоках. Уже оседланной, кстати.

– Ее звать Урода, – кивнул Збыслав на кобылку. «Красотка, значит, по-польски», – отметил про себя Бурцев. – Не очень прыткая и очень ленивая. Так что погоняй – не жалей, иначе отстанешь. Другой свободной клячи, уж извини, сейчас нет.

– И на том спасибо, – Бурцев мельком глянул вокруг.

Всадники – хорошо вооруженные дружинники и бездоспешные волчешкурые лучники – уже нетерпеливо ерзали в седлах. Даже Освальд, на котором железа было побольше, чем на остальных, был готов к скачке. Боевой рыцарский конь грыз удила и рыл копытом землю. Да, по скоростному влезанию в доспехи Бурцев явно отставал от партизан.

Взмахом руки добжинец подал знак к выступлению. Золоченые шпоры вонзились в конские бока. Збыслав бросил Бурцеву поводья Уроды, сам устремился вслед за господином. Загрохотали копыта. Всадники сорвались с места в карьер. Помчались гурьбой, напролом, через кустарник и частокол деревьев. Понеслись по густому лесу, как по чистому полю, – рискованно, бесшабашно.

Чтобы не отстать, пришлось взлетать в седло на скаку. Щит чуть не соскользнул с руки. Бурцев, выругавшись, все же удержал его за переметный ремень. Хорошо хоть стремяна более-менее подходили под длину ноги. А вот о шпорах или хотя бы захудалом хлыстике он не подумал. Ладно... Удары пяток сдвинули флегматичную лошадку с места, а сильный шлепок по крупу мечом в ножнах заставил ее развить необходимую скорость.

Глава 29

В мчащемся через лес разношерстном отряде насчитывалось десятка три человек – вся немногочисленная конница добжиньца. Всадники гнали лошадей по следу беглецов. Благо отпечатки восьми подкованных копыт отчетливо выделялись на влажной земле и в пятнах грязного недотаявшего снега.

Следы вывели к грязно-серой полосе, петляющей меж деревьев. Здесь след терялся, но и без него все уже было ясно.

– Дорога беженцев! – прохрипел Освальд. – На Вроцлав! Впере-е-ед!

Недавний сумасшедший гон через лес теперь показался Бурцеву черепашьями бегами. Настоящая скачка началась здесь – на беженской колее. Он безнадежно отставал от отряда, пока в сердцах не вырвал меч из ножен и не принялся обнаженным клинком – плашмя – нахлестывать Уроду. Звонкие удары по лошадиному крупу сделали свое дело: кобылка нагнала-таки всадников.

Грязь взметалась фонтанами из-под чужих копыт, норовя залепить лицо, в уши бил ветер. И разбойничий посвист лесных партизан. И дикая скорость... Главным сейчас была скорость – о безопасности и скрытности передвижения не думал никто.

Впереди неся Освальд. То ли с рыцарским скакуном не могли сравниться остальные коньки и лошадки, то ли просто здесь не положено опережать жоака. А, плевать! Бурцев еще наподдал Уроде. Кобылка порезвела и показала наконец всю свою прыть. Дружинники покойного Клеменса и лесные стрелки дядьки Адама начали отставать. Вот уже мелькает совсем рядом широкая спина Збыслава, да и до развевающегося волнистым пурпуром плаща Освальда – недалече.

...Лес кончился неожиданно. С узкой беженской колеи отряд вылетел на широкую – две, а то и три повозки разминутся запросто – дорогу.

– Тракт! – проревел на скаку Освальд. – Княжеский большак! До Вроцлава теперь рукой подать!

Немощенная, но вполне себе приличная дорога тянулась между подлеском и целинными полями, подобно реке, вбирающей в себя ручьи и протоки – узкие тропки и стежки. Дорога то жалась ближе к лесу, то лънула к открытому простору. И три десятка всадников в бешеном галопе повторяли все ее изгибы, пока...

Добжинец резко осадил коня – Урода едва не врезалась в рыцарского скакуна. А когда Бурцев пригнул поводьями шею разгоряченной лошадки и заставил ее, храпящую, роняющую пену в истоптанную грязь, остановиться, он был уже на три-четыре корпуса впереди добжиньского рыцаря. Позади неодобрительно зароптали.

– Молчать! – приказал Освальд. Добжинец смотрел вниз – под копыта коня. У самой обочины лежала стрела. Длинная. Гораздо длиннее арбалетных болтов, длиннее даже стрел волчьешкурных лучников дядьки Адама.

– Татарская, – определил Освальд. – Язычники Измаиловы обронули. Значит, уже прошли здесь. Значит, подступили к Вроцлаву... Дальше нам пути нет.

– Мы еще сможем догнать Яцека с княжной, – вспыхнул Бурцев. – Ну же, Освальд! Ну!

– Нет, Вацлав, уже не сможем. Двигаться теперь нужно осторожно, если не хочешь попасть под такие вот стрелы. А осторожно – значит медленно. Очень ме... Тихо!

Добжинец вскинул руку. Только сейчас Бурцев осознал, что слышит не только шелест ветра и слабый шорох леса. Вдали шумело еще что-то. Невнятное, тревожное.

Звук доносился сзади – с той стороны, откуда они только что примчались. Хотя... хотя не совсем с той. Не в лесу это было, а где-то на тракте-большаке, что тянулся вдоль лесного массива.

Далекий гул заставил людей Освальда нервно переглянуться. Гроза, что ли, приближается? Вроде непохоже. На небе – ни облачка. Тогда что? Что это?!

Глухие звуки между тем постепенно теряли кажущуюся слитность, разрывались на части, как густой и липкий кисель. Разрывались, но не срывались с единого стрержня – примитивного, первобытного какого-то ритма. Нет, такие звуки не могла воспроизводить не терпящая порядка стихия. Наполнить мир такими звуками мог только человек.

– Барабаны, – негромко произнес Освальд. – Боевые барабаны язычников.

А ведь в самом деле... Бр-р-рум-бам-п, бр-р-рум-бам-п – отбивали монотонный ритм невидимые пока барабанщики.

– Всем сойти с дороги! – приказал рыцарь. – В лес! Живо!

Всадники спешно покинули тракт. Уже за прикрытием сосняка Освальд отдал новый приказ:

– Дядька Адам – в дозор. Пересчитаешь всех. Когда татары уйдут, дашь знак.

Бородач молча спешился, отдал поводья кому-то из своих лучников.

– Освальд, – встрепнулся Бурцев, – позволь и мне остаться. Вдруг там княжну ведут. Хочу убедиться, что...

– Ладно, – рыцарь не дослушал. – Дядька Адам, присмотри за Вацлавом.

Бородатый стрелок кивнул. Без особого, впрочем, энтузиазма.

Бурцев прыгнул с седла, сунув повод в протянутую руку Збыслава.

– Оружие тоже давай, – посоветовал оруженосец Освальда. – Оно сейчас тебе только помехой будет. А если дело дойдет до драки с татарами, все равно не поможет.

Бурцев послушно отдал щит, шлем, меч и арбалет со стрелами. На то, чтобы снять кожаный – с нашлепками панцирь, времени уже не оставалось.

Когда всадники Освальда скрылись из виду, дядька Адам указал на высокую ель:

– Наверх, быстро!

В детстве Вася Бурцев был непревзойденным чемпионом по древолазанию. Сейчас детский опыт пришелся весьма кстати. Однако нельзя сказать, чтобы дядька Адам остался доволен ловкостью своего содозорника. Бородач беспрестанно погонял Василия, досадливо сплевывал и ругался шепотком. Затем пожилой лучник взобрался наверх сам. Точнее, взлетел с проворством обезьяны – Бурцев только ахнул.

А торопил его дядька Адам, как оказалось, не зря. Едва дозорные угнездились в душистой хвое, вдаль появились первые татаро-монгольские воины. Дюжина всадников на низкорослых мохнатых лошадках рассыпалась по дороге и полю. Двое-трое периодически ныряли в лес, осматривались и возвращались обратно.

Бурцев разглядел мохнатые остроконечные шапки, странные доспехи – то ли из черной кожи, то ли из плетеных ремней, то ли из металла, обмазанного смоляным варом. Вооружены всадники были луками и небольшими копьями с крюками. Возле каждого кочевника бежал налегке еще один конек. Так вот они какие, татаро-монголы! Прямо со страниц учебника сошли. Съехали точнее.

– Сторожевые, – шепнул бородач, – дорогу разведывают. Знать, важная персона едет, если столько сторожей вперед выслали.

Да, это было похоже на боевое охранение. Конники внимательно осматривались по сторонам, но не забывали глядеть и под ноги лошадей. И углядели, блин... Остановились на том самом месте, где недавно топтались партизаны Освальда. Загалдели, совещаясь.

– Неужто разобрали наши следы? – встревожился лесной лучник. – Ох, худо дело, Вацлав.

Гортанный выкрик предводителя – и двое разведчиков съехали с дороги. Оставив запасных лошадей на тракте, оба вскачь понеслись к лесу.

Дядька Адам бесшумно потащил стрелу из заплечного колчана, наложил на тетиву. Бурцев пожалел, что слишком поспешно избавился от арбалета. Впрочем, как его заряжать, сидючи на ветке-то?!

Татары проехали прямо под ними. Туда и обратно. Стрелок в волчьей шкуре со вздохом облегчения ослабил натянутую тетиву. Вытер пот со лба:

– Пронесло вроде...

Сильно углубляться в заросли разведчики не стали. Порыскав среди деревьев и убедившись, что засады у дороги нет, вернулись к тракту. Сторожевой отряд отправился дальше, а на большаке появились основные силы кочевников. Гул барабанов стал громче.

Глава 30

Первыми ехали, перегородив весь тракт от обочины до обочины, легковооруженные лучники и копейщики в войлочных шапках, с круглыми щитами, плетеными из прутьев и обтянутыми кожей. На некоторых копьях покачивались конские хвосты. Бунчуки, надо полагать.

За легкой кавалерией следовали воины в пластинчатой броне и стальных шлемах. Эти, помимо луков и пик, были вооружены кривыми саблями, да и щиты их поблескивали металлом. Лошадей тяжелой монгольской конницы тоже прикрывали обшитые железной чешуей доспешные попоны и стальные налобники на всю морду.

– Татарские паны, – процедил дядька Адам. – Языческие витязи. Вроде наших дружинников и рыцарей.

Бурцев прильнул к просвету между еловыми лапами. Рыцари, значит? По вооружению татаро-монгольские «паны» практически не уступали гордой польской шляхте, а кое в чем и превосходили ее. Сравнить хотя бы надежный панцирь знатного кочевника и кольчужную рубаху Освальда... Сравнение, пожалуй, не в пользу последней.

Так, а это что за чудо? В ряды панцирной кавалерии затесалась неказистая фигурка маленького седовласого старичка. Бездоспешный, безоружный, в длинном халате, с желтым гепатитным лицом, он казался заплутавшим среди грозных воинов путником. Однако сами воины относились к дедку с почтением и подобострастием. Неужто главный?

Э, нет. Главный – другой.

– Вон там, видишь? – подсказал дядька Адам. – Ну, вон же, в самом центре дружины. Тот, который с лисьим хвостом на шлеме, сидит – не шелохнется.

Вот теперь Бурцев увидел. Всадник в богатых одеждах и дорогих изукрашенных доспехах, с саблей на боку. Надменно поглядывает из-под шлема, отороченного мехом и украшенного хвостом чернобурой лисицы. На груди верхового поблескивала серебряная пластина в ладонь величиной.

– Голову на отсечение – татарский князь это или воевода, – дядька Адам нервно теребил тетиву лука. – Сшибить бы его сейчас, так нельзя ведь. Татары за одну мою стрелу весь лес перевернут. И себя погубим, и пана Освальда тоже. Племя Измайлово нас в два счета переловит. Или не переловит? Как думаешь, Вацлав?

Вопрос риторический – дядьку Адама ничуть не интересовало мнение соседа по ветке, так что Бурцев промолчал. А волчьешкурый лучник уже шурился, прикидывая расстояние до цели...

– Эх, кабы спросить дозволения у пана Освальда, сшиб бы, как пить дать сшиб!

До «князя» метров триста. Солидная дистанция. Даже из «калаша» не каждый поразит цель с такого расстояния одиночным выстрелом, а тут лучник сказки рассказывает. Бурцев позволил себе усомниться в словах бородача, но тот лишь презрительно скривил губы.

– Я с отцом белок в глаз стрелой бил, когда ты, Вацлав, еще мальцом голозадый по мамке ползал.

Но тут дядька Адам ошибся, конечно. Когда он начинал белковать, Бурцева вообще-то и в помине не было. Равно как и его мамки. И отца, и деда, и прадеда.

Пальцы партизана все не отрывались от тетивы. Видать, большой соблазн для лучника...

– Сшибить-то можно, – тихонько рассуждал бородач. – Эвон – у супостата лицо открыто. В глаз бей, как ту же белку, и наверняка будет. Только разить нужно сразу – первой же стрелой, иначе дружинники прикроют щитами...

Бурцев снова подивился оптимизму пожилого стрелка.

– Я, кстати, и тебе, Вацлав, в глаз целил, когда вас с княжной в лесу нашел. В правый глаз, – уточнил дядька Адам. – Дернулся бы – там бы и лег.

Бурцеву стало не по себе. Поддерживать дальнейший разговор не хотелось.

Стрелу дядька Адам так и не выпустил. Дружина знатного кочевника неспешно проехала мимо. На дороге появилась еще более диковинная процессия. Впереди на флегматичных коньках двигались барабанщики. Немного – с полдюжины. Но шум, который они производили, мог бы сделать честь полковому оркестру. У каждого по обе стороны седла приторочено по тамтаму, похожему на гигантский шлем. Остроконечный, перевернутый, туго обтянутый кожей.

Оружие «музыкантов» болталось за спиной. В руках – огромные колотушки. Этими «барабанными палочками», которые можно использовать в качестве дубин для Божьего суда, всадники монотонно лупили по натянутой коже тамтамов.

Бр-р-рум-бам-п! Бр-р-рум-бам-п! Бр-р-рум-бам-п! Ритм однообразный, неизменный и завораживающий, словно на ритуальных плясках шаманов. Барабанщики задавали темп идущей позади толпе пешцев. Кто это там? Мужчины и женщины. Оборванные, грязные.

Пленные! – догадался Бурцев. Он чуть пригнул ветку, закрывавшую боковой обзор. Среди них ведь может оказаться и Аделаида!

– Спрячь голову, дурень! – шикнул над ухом бородач. – Хочешь, чтоб тебя татарин как шишку стрелой сбил?

Отпущенная ветка упруго поднялась, хвоя царапнула по лицу. Снова довольствуясь, Васёк, редкими просветами в колючей и пахучей зелени.

Пленники шли не просто так. Разбитые на группки, они тянули тяжелые деревянные конструкции, уложенные на колесные платформы. Кое-где вместе с людьми были впряжены медлительные быки и тощие лошадки. Вероятно, скотину, как и людей, кочевники пригнали из окрестных деревень или с разгромленных обозов.

Вообще-то татаро-монголы вели с собой целый табун загонных⁷ лошадей. Но степных скакунов кочевники берегли для боев, а в качестве основной тягловой силы предпочли использовать пленных.

Конные барабанщики синхронно поднимали и опускали колотушки. И сотни ног послушно поднимались и опускались в заданном ритме.

Бр-р-рум-бам-п!

Шаг-два.

Бр-р-рум-бам-п!

Левой-правой.

Между упряжками сновали надсмотрщики, плетью погоняя нерасторопных.

Аделаиды среди полонян не было.

– У-у-у, злыдни... – прошипел дядька Адам. – Людей, как скотину, гонят.

– А как тут у вас принято с пленными обращаться? – поинтересовался Бурцев.

– Если пленник знатный – напоить, накормить и в темницу – пока родня выкуп не привезет. Если не знатный... таких в полон не берут – незачем.

– Отпускают?

– Чего ради? Порешат на месте – и дело с концом. Но то ж мы, а то они – татарва проклятая.

Бурцев не уловил логики в рассуждениях дядьки Адама и предпочел сменить тему:

– А что это они тащат-то – на телегах?

Ни на степные кибитки, ни на переносные шатры тяжелые деревянные рамы и грубо отесанные бревна не походили.

– Ясно что. Пороки. Вон видишь бревно... Тараном будет, не иначе. А вон там – черпаки деревянные, вроде ложек, только большие – это чтоб камни метать. Вот подвезут татары это добро к Вроцлаву, соберут адовы машины да начнут бить, покуда стену или ворота не порушат. Видно, изгоном взять город не удалось – так теперь к осаде готовятся.

Бр-р-рум-бам-п! Бр-р-рум-бам-п!

Осадные орудия татаро-монгольского воинства медленно ползли по польскому тракту.

Глава 31

...– Много, очень много, – отвечая на вопрос Освальда, дядька Адам сокрушенно качал головой. – Одной дружины у татарского князя десять раз по десять будет. А легких воинов да простых стрелков-лучников вдвое больше, чем дружинников.

---

⁷ Запасных.

Бурцев в изумлении воззрился на старого партизана. Ай да бородач! Ай да дядька Адам! Не зря сидел на ели. С толком время провел. Успел вон врагов пересчитать.

– Плохо, – Освальд хмурился. – Видно, основательно язычники обложили Броцлав, раз осадные машины к городу подвозят. На тракт нам выходить теперь опасно – там татарские разъезды хозяйничают. А в лес возвращаться негоже, пока не узнаем, что с княжной стряслось. Говоришь, Вацлав, не было Агделаиды среди полонян?

– Нет, не видел.

– Жаль. Лучше бы она была там.

Бурцев, содрогнувшись, представил Аделаиду под бичом надсмотрщика, впряженную в повозку с разобранным тараном или катапультой.

– Тогда Казимиру точно не досталась бы краковская княжна, – пояснил добжинец. – А мы с Божьей помощью попробовали бы умыкнуть ее у татар. Но раз ее там нет...

– То что ты предлагаешь, Освальд?

– Есть вообще-то способ выяснить судьбу Агделаиды. По крайней мере, узнать, брали ли ее в плен язычники или нет.

– Как? – вскинулся Бурцев.

– А самим полонить какого-нибудь татарского рыцаря или князя. Повиднее да поважнее, чтоб знал обо всех знатных пленниках, захваченных под Броцлавом.

Бурцев присвистнул:

– Думаешь, это так просто?

– Однажды мне удалось захватить в плен даже орденского комтура⁸. Он тогда мно-о-ого интересного рассказал о планах ордена.

– Ты знаешь немецкий, Освальд?

– В достаточной мере.

– А как насчет татарского?

Добжиньский рыцарь пожал плечами:

– Ну, придется впридачу к пленнику выкрасть еще и толмача.

Бурцев только развел руками. Ишь, как просто все выходит у лихого пана!

– Кстати, Освальд, а что стало с комтуром?

– Обменял я его. На Збыслава и дядьку Адама. Збыслав, как ты знаешь, – литвин, дядька Адам – из пруссов. У обоих к немцам старые счеты – тевтоны да меченосцы⁹ пожгли их деревни, вырезали семьи. Вот и сколотили Збыслав и дядька Адам лесную ватагу мстителей. Они успели презрительно насолить рыцарям, пока не попались. Намечалась казнь, а тут я с комтуром... Предложил обмен. Враги моих врагов – мне лучшие друзья. В общем, вызволил обоих. С тех пор нет на свете людей, которым бы я доверял больше. Кстати, если удастся захватить знатного татарского пана, его тоже можно попробовать обменять. На ту же Агделаиду, к примеру. Надеюсь, она все-таки попала к язычникам, а не к Казимиру Куявскому.

Вообще-то, в словах добжиньца имелся смысл.

– Когда мы выступаем, Освальд?

– Ночью. В темноте проще будет обойти татарские разъезды. А сейчас всем спать. Дядька Адам, Янек, выставите стражу.

...Ночь выдалась идеальной для темных дел и скрытных передвижений. Клочковатые тучи затянули небосклон и надежно упрятали колючие звезды. Полумесяц луны лишь изредка выглядывал из клубящихся прорех. Но отсутствие лунного света отчасти возмещали багровые

---

⁸ Комтур в Тевтонском ордене – комендант замка, начальник гарнизона.

⁹ Орден меченосцев, позже более известный как Ливонский орден, в 1237 году слился с Тевтонским орденом. Сохранив некоторую самостоятельность, он тем не менее стал своего рода «филиалом» тевтонов. До объединения основным символом меченосцев были красный меч на белом фоне под красным же германским крестом. Отсюда – название ордена.

отблески на горизонте. Для заката было слишком поздно, для рассвета – рано, так что сомнений насчет источника зловещего зарева не оставалось.

– Татары вроцлавские предместья жгут, – хмуро пояснил дядька Адам. – А, может, уже и город подпалили.

Партизаны обматывали копыта коней и оружие тряпками. У каждого в седельной сумке нашелся запас нарезанного специально для этой цели полотна. Бурцев не обладал предусмотрительностью лесных воинов и не успел прихватить в лагере даже смену одежды. Он уже собирался пожертвовать единственной исподней рубахой, когда Збыслав – ходячая палочка-выручалочка! – протянул ему ворох нестираного тряпья.

Оруженосец Освальда некоторое время понаблюдал за безуспешными потугами наматывать на копыто Уроды обрезок заскорузлой штанины, потом молча отстранил Бурцева и за несколько минут сделал всю работу сам. Бурцев не возражал: в конной милиции подобным хитростям не обучали.

– Ты хорошо дерешься, Вацлав, но при этом не знаешь самых простых вещей, которые любой воин осваивает сызмальства. Очень странно... – отметил Збыслав. – Давай-ка помогу обмотать оружие, а то из-за тебя к нам сбегутся все татары из-под Вроцлава.

Выехали уже за полночь. Сначала двигались рысью – под прикрытием деревьев вдоль княжеского тракта. Но когда большак свернул в поля с редкими рощицами и чахлым кустарником, перешли на шаг.

Ехали молча. Металл, оберегаемый обмотками, не звенел, тряпичная обувь лошадей глушила удары копыт. Умные животные, словно осознав ответственность скрытого перехода, не нарушали ночную тишину ржанием, даже не всхрапывали.

Освальд выслал дозорных на все четыре стороны. Вражеские разъезды пока на пути не встречались.

– Видать, уже приступили к штурму, – сделал вывод добжиньский рыцарь. – Знают, псы Измаиловы, что некому прийти на помощь осажденным. Ну и славно. То, что язычники не опасаются удара в спину, нам только на руку.

Они опять зарысили. Держаться тракта больше не было необходимости: дорогу к Вроцлаву указывало зарево пожарищ.

Горело сильно и уже совсем рядом – где-то за ближайшими холмами. Там же гулко барабанили тамтамы кочевников. Замолкали. И барабанили снова, отдавая невидимым еще войскам непонятные команды.

Потом ветер донес отголоски чьих-то криков и ржание лошадей.

Освальд приказал снова перейти на шаг, потом – спешиться. На холмы они взбирались со всеми предосторожностями. Потому и заметили опасность вовремя.

Шевельнулись тени! Неясные силуэты всадников показались из густых кустистых зарослей меж двумя возвышенностями. Отряд в несколько верховых двигался в ночи так же беззвучно, как и партизаны Освальда. Тоже, небось, обмотали копыта и снаряжение тряпками.

Догнать? Напасть? Захватить «языка»?

Освальд молчал. Рука добжиньца – на рукояти меча, но никаких жестов, никаких команд... Да, все правильно: незаметно подобраться к всадникам уже не удастся, а звенеть мечами в тылу противника чревато... И нет никаких гарантий, что в рядовом дозоре окажется важная шишка, знающая о судьбе краковской княжны. Привлекать же к себе внимание ради того, чтобы полонить какого-нибудь десятника – глупо. Лучше притаиться, переждать, пропустить татарский дозор.

Их не заметили. Едва выбравшись из-за холмов, чужой отряд умчался прочь. Торопился, видать, куда-то очень. Ну, и скатертью дорога.

Глава 32

Отряд Освальда поднялся благополучно на холмы. Укрылись в промытой дождями ложбине, осторожно выглянули...

Башни и зубчатые стены Вроцлава возвышались над Одрой (поляки реку называли именно Одрой, а не Одером, как привык Бурцев) в два ряда. Первый рубеж укреплений – поплоче и пониже – защищал сам город, кварталы торговцев, ремесленников и прочих вроцлавцев, достатка которых хватило, чтобы поселиться за стенами.

Ров, вал, воротные, угловые башни и мощная бревенчатая стена с узкими бойницами, конечно, впечатляли, но не шли ни в какое сравнение с каменной цитаделью, построенной внутри города. Городской замок, изначально предназначавшийся для местной знати, в лихую годину мог стать последним оплотом вроцлавцев. Если грамотно организовать оборону на боевых площадках цитадели, даже немногочисленные защитники успешно сдержат натиск превосходящих сил противника.

Выросло, впрочем, вокруг польского города – и третье кольцо укреплений. Но его возвели не поляки. Под защитой оградки из заостренных кольев и наспех сколоченных щитов в свете костров суетились осаждающие.

Татаро-монголы пока только готовились к решающему штурму. Собственно, сами кочевники больше кричали, размахивая руками и плетями, а всю тяжелую работу выполняли полоняне. Пленные укрепляли ограду. Пленные под прикрытием плетеных и деревянных щитов подбирались ко рвам и сбрасывали вниз мешки с землей, охапки хвороста, связки соломы. Пленные сколачивали штурмовые лестницы и обивали крытые сараеподобные тараны на колесах мокрыми шкурами для защиты от зажигательных стрел. Пленные жгли костры, чтобы татарские лучники сами могли без перерыва пускать в город горящие «гостинцы». И пленные же гибли в первую очередь, принимая на себя основной удар осажденных. Тела полонян, утыканные стрелами, виднелись повсюду. Степняки же почти не несли потерь.

– Ох, и скорыми оказались язычники, – пробормотал дядька Адам. – Уже и тын вокруг города построили, и защитные мантиеты¹⁰ поставили, и пороки собрали.

Бурцев, действительно, разглядел у самого частокола стенобитные орудия. «Батарей» метательных машин располагалась неподалеку от затаившихся партизан. Все орудия были готовы к бою. Вернее, почти все. Вон там, в сторонке возвышался огромный деревянный каркас, увенчанный огромной, как у подъемного крана, стрелой-рычагом. Под стрелой, презрев все правила безопасности, копошились люди. Осадную башню они там строят, что ли?

Громкий выкрик-команда. Пленные раздвинули высокие – в полтора человеческих роста – колесные щиты, обитые влажными шкурами. Шкуры уже были утыканы стрелами вроцлавцев. «Артиллерия» тринадцатого века не отличалась дальностью. Ее силенок хватало, чтобы метнуть увесистый снаряд максимум на полторы-две сотни метров, а потому осадную технику и «орудийную» прислугу приходилось защищать от вражеских лучников и арбалетчиков тяжелыми осадными мантиетами.

Едва щиты расползлись в стороны, в образовавшийся проем полетели стрелы. Наконецники были обмотаны горячей паклей: защитники надеялись поджечь вражеские пороки. Увы, это им не удалось. Огонь быстро залили водой из кожаных бурдюков. Зато убитых и раненых на площадке перед осадными орудиями прибавилось. Три человека отчаянно кричали, пытаясь вырвать из тела горящие стрелы. Еще двое лежали неподвижно. Но очередная команда уже привела в действие натянутые до предела жгуты и ремни. Заряженные машины дали залп.

---

¹⁰ Большие осадные щиты – стационарные или на колесах.

Одни пороки походили на огромные арбалеты. Стрелы, пущенные ими в верхние ярусы стен, не уступали по размерам рыцарским копьям и навывлет прошивали деревянные навесы над бойницами. Другие напоминали обмотанные канатами половники, в которые укладывались камни. Эти пороки сшибали со стен целые зубцы и дощатые переходные галереи, проламывали защитные перекрытия, а также забрасывали в город дымящиеся горшки. На глазах Бурцева пара таких горшочков по навесной «минометной» траектории обрушились точно на стены. Огненные брызги разметались по боевым площадкам, в проемах бойниц ярко полыхнуло огнем. Наверху истошно закричали люди в горящих одеждах и латах. Елки-палки! Ну прямо-таки напалмовая атака!

Судя по всему, средневековым нефтяным «напалмом» город поливали уже давненько. Вроцлавцы не успевали тушить многочисленные пожары, а горящие стрелы татарских лучников, мелькавшие в ночи диковинными трассерами, поддавали жару. Зарево над городом становилось все сильнее, ярче. Стены вздрагивали от ударов каменных глыб.

Новая команда – и щиты, прикрывавшие «батарею», встали на место. Убитых и раненых оттащили в сторону. Пронзительно заскрипели ворота, жгуты, ремни. Полоняне заново натягивали толстые тетивы и упругие канаты пороков. Работа, благодаря надсмотрщикам, шла споро. Вскоре перезаряженные пороки вновь были готовы к бою.

Опять звучит команда. Опять раздвигаются мантилеты. Еще один разрушительный залп навстречу стрелам защитников...

– Против языческих аркабаллистов и катапульта устоять трудно, – нахмурился Освальд. – Но против требюше – почти невозможно.

– Требюше? – переспросил Бурцев.

Рыцарь кивнул в сторону сооружения, которое Бурцев ошибочно принял за недостроенную осадную башню.

– Эти метательные машины еще называют фарондиболы, а сарадины именуют их магриби и фаранги. Не думал я, что татары способны построить такое.

Циклопическая конструкция требюше-фаранга состояла из добротно сбитой устойчивой деревянной рамы. От рамы кверху поднималась целая пирамида прочных стоек. Между стойками располагался деревянный желоб, а к верхушке пирамиды крепился длинный – упругий и подвижный – рычаг. Один его конец тянул к земле тяжелый противовес – огромная корзина, набитая камнями. Другой колодезным журавлем вздымался к небу. С «журавля» вместо ведра свисала сетчатая кошелка на длинных ремнях.

Партизаны наблюдали за «батареей» кочевников уже не меньше получаса, а это грозное оружие так и не выпустил ни одного снаряда. Видимо, скорострельность требюше оставляла желать лучшего. Но должна же когда-нибудь вдарить и эта оглобля! Похоже, все шло к тому.

Деревянного гиганта обслуживал расчет из полудюжины человек. Двумя воротами люди медленно поднимали чудовищную корзину-противовес. По мере вознесения груза, к земле постепенно склонялся противоположный конец рычага с сетчатым карманом.

Так ведь это же праща! Огромная праща, которая в состоянии дошвырнуть до городской стены глыбу весом с центнер! Ну, или ненамного меньше. Несколько неподъемных грубо отесанных камней уже валялись у основания метательной машины. Такие же крупные камни лежали и под крепостной стеной.

Противовес тем временем поднялся на максимальную высоту. Обслуга зафиксировала покачивающийся груз. Процесс зарядки метательного орудия тоже занял немало времени. Пленные поляки подкатили каменный снаряд под опорные стойки требюше и обволокли глыбу сетчатой пращей. Один ремень этой сетки был прочно прикреплен к «журавлю», другой держался на честном слове за небольшой крюк на самом конце рычага. При выстреле, должно быть...

Было так, как и должно быть.

Снова – команда. Снова раздвинуты щиты. И снова ударили пороки. Только на сей раз к общему залпу присоединился журавлеобразный фаранг. Сила тяжести, используемая им, оказалась страшнее силы скрученных и натянутых жгутов баллист и катапульт. Противовес требующе с глухим стуком рухнул вниз, а конец длинного упругого рычага взметнулся к ночному небу.

Праща взлетела еще выше, придав каменному ядру дополнительное ускорение. Ременная петля соскочила с крюка, сетчатый карман хлестнул по дереву. А выброшенная глыба ударила в вроцлавскую стену. Туда, где уже отчетливо выделялись отметины предыдущих ударов.

Бурцев понял, почему Освальд с таким уважением отзывался об этой камнеметной машине. При столкновении огромного снаряда со стеной, казалось, вздрогнула вся крепость. Полетели щепки и осколки битого камня. По стене прошла трещина, а сверху, не удержавшись, упал кто-то из защитников Вроцлава. Послышались вопли обожженных людей – на них из чанов выплеснулся кипящий вар.

Тяжелые щиты на колесах сдвинулись, вокруг стенобитных машин вновь засуетилась обслуга. Упавший противовес пращи-журавля начал медленно-медленно подниматься вверх.

Если обстрел будет продолжаться, то к утру этот «журавль» проделает во внешних укреплениях города изрядную брешь. Менее мощные пороки посбивают с ближайших стен и башен защитные зубцы и навесы. Ко времени решающего штурма вроцлавцам негде будет укрыться от стрел кочевников. Ну а тараны легко расширят пролом.

Польский город обречен. Только внутренняя цитадель еще сможет продержаться некоторое время. Хотя сможет ли? Если осаждающие подтащат и к воротам Вроцлавского кремля свои стенобитные орудия, если поставят напротив городского замка требующе...

Глава 33

– Хорошо, – послышался голос Освальда.

– Что хорошо? – не понял Бурцев.

– Хорошо, что мы вышли именно сюда, Вацлав. Тут есть, кого умыкнуть. Видишь всадника возле костра? Того, который командует всеми этими пороками и которого прикрывают щитами татарские дружинники?

Бурцев пригляделся. Сначала он увидел у костра лишь знакомого уже сухонького желтолицего старичка в длинных одеждах – тот осторожно подпаливал фитиль очередного горшка с горючей смесью. Странная, кстати, посудина – небольшой и невзрачный железный шар, усеянный шишечками-нашлепками, похожими на небольшие притупленные шипы. Но в стороне за манипуляциями поджигателя, действительно, наблюдала группа всадников. И среди них...

Ага! Вот чья луженая глотка отдает здесь приказы! По блеснувшей в свете огня серебряной пластине на груди военачальника и лисьему хвосту на его шлеме Бурцев узнал в гордом наезднике, окруженном панцирными конниками, татаро-монгольского «князя», что вез пороки по тракту.

– Важная персона, – хищно прищурился Освальд. – Эх, удалось бы его полонить... Если Агделайду перехватили язычники, такой знатный воевода непременно должен об этом знать. Да и обменять его на княжну можно. Вишь, какие поклоны отвешивает ему тот – с огненным железным кувшином...

Старичок в самом деле низко поклонился всаднику с серебряной пластиной на груди. Тот кивнул в ответ, что-то рявкнул. Вновь раздвинулись тяжелые щиты-мантлеты, телохранители сгруппировались вокруг господина, а старичок аккуратно вложил дымящийся снаряд в оттянутую к земле «ложку» катапульты.

На этот раз залпа как такового не было. Ни требующе, груз которого только-только начал подниматься вверх, ни остальные пороки не сделали ни единого выстрела. А желтолицый чело-

вечек все ждал чего-то возле заряженной катапульты, не отводя взгляда от шишкастого железного горшка с горящим фитилем.

Ага, вот дедок размахивается деревянной колотушкой. Вот выбивает фиксатор стенобитного орудия. Катапульта выстрелила. Навстречу вроцлавским стрелам полетел один-единственный снаряд. Полетел, долетел...

Крики и бой барабанов заглушил... Взрыв! Огненный фейерверк озарил ночное небо краткой и необычайно яркой вспышкой – шар, похожий на набалдашник огромной булавы, рванул точно над крепостной стеной. Хорошо так рванул: сбитые осколками защитники городом посыпались вниз.

Василий ошарашенно взирал на рассеивающееся облачко дыма. Бомба?! Настоящая пороховая бомба!

Вопли боли и ужаса доносились со стен, из-под стен, с соседних башен.

В городе началась паника. Да и бойцы Освальда утратили прежнюю решимость.

– Магия! – просипел добжинец.

Краковские дружинники истово крестились, Янек что-то тихонько бормотал на латыни. Даже Збыслав с дядькой Адамом заметно сникли.

А на стенах Вроцлава творился полный бедлам. Шлемы защитников, мелькавшие среди разбитых каменных зубцов, стали пропадать один за другим. Из бойниц исчезали самострелы, лучники покидали позиции. Плавающие деревянные перекрытия, скаты крыш и переходные галереи укреплений никто теперь даже не пытался тушить. Горящие дома – тоже. Наоборот, в городе разгорались новые пожары. Запылали целые улицы и кварталы. Судя по всему, вроцлавцы уходили с расшатанных стен и жгли все, что могло гореть.

Прикрывают огнем отход к городской цитадели, – догадался Бурцев.

Внешняя стена быстро опустела. Монотонный гром боевых барабанов сменился частой дробью. Торжествующие крики слились в единый боевой клич. А у Бурцева отвисла челюсть: степняки огласили ночь хорошо знакомым «ура-а-а!».

По команде всадника с серебряной пластиной на груди и лисьим хвостом на шлеме обстрел брошенных укреплений прекратился. Лучники перестали терзать тетивы. Сдвинулись в сторону утыканные вроцлавскими стрелами деревянные щиты-мантлеты. В образовавшийся проем хлынула вопящая толпа.

Вот через полузасыпанный ров перекинуты легкие штурмовые лестницы. А вот они уже стоят, прислоненные к стенам, и вверх – на разбитые пороками укрепления – карабкаются татарские воины. Карабкаются, не встречая ни малейшего сопротивления.

Вскоре татары хозяйничали на городских стенах. И за стенами, надо полагать, тоже. Бурцев видел, как распахнулись ближайшие ворота крепости, как опустился подъемный мост, как с гиканьем и свистом устремилась к привратным башням застоявшаяся конница. Пространство возле стенобитных машин опустело. Кроме пленных, которым посчастливилось пережить этот штурм, десятка легковооруженных надсмотрщиков с луками и плетями, небольшого отряда конных панцирников во главе с хвостошлемым военачальником да желтолицего старика на «батарее» не осталось никого. Вряд ли представится более подходящий случай захватить «языка».

Бурцев взглянул на Освальда:

– Не пора ли приступать?

Добжиньский рыцарь нахмурился:

– Я бы предпочел не нападать на этого татарского князя. Ты видел магический шар, взорвавшийся над крепостной стеной?

– Так это же просто...

– Это не просто, Вацлав! – оборвал пан. – Это значит, что у язычников есть могущественный колдун! И ему подвластна сила небесных молний и грома! Вряд ли мечами и стрелами можно одолеть такую магию.

А вокруг пороков уже кричали и суетились люди, демонтируя метательные машины. Стучали топоры, скрипело дерево. Сарай-тараны катились к распахнутым городским воротам. Ну, конечно! Все это добро пригодится при штурме внутренней Вроцлавской цитадели.

Воинов на «батарею» стало еще меньше. Татаро-монголы загоняли полонян за вроцлавские стены. Понятное дело: кому-то ведь надо расчищать дорогу для передислокации стенобитных орудий.

– Освальд! – вновь обратился к рыцарю Бурцев. – Сейчас самое время для нападения. Никто не ждет атаки с тыла. Войско вступает в город. И с татарским «князем» охраны почти не осталось. Если нападём внезапно, успеем перебить всех и захватить пленника прежде, чем сюда прибудет подмога. Заодно умыкнем и кого-нибудь из надсмотрщиков. Они вроде полонянами по-польски приказы отдают. Ну, чем не переводчики! А, Освальд?

Добжинец думал.

– А чтобы воспользоваться магией, тоже ведь требуется время, – додавливал Бурцев. – Нам просто нужно действовать быстрее татарского колдуна.

Освальд медленно опустил подбородок. Это был кивок. Это был знак согласия. В глазах рыцаря заиграли притухшие было бесшабашные огоньки:

– Будем драться!

...Небольшая, поросшая кустарником балка между холмами вряд ли укрыла бы их днем, но в ночной мгле она надежно оберегала небольшой партизанский отряд от чужих глаз. Да и не оглядывались сейчас кочевники на свои тылы.

Извилистый овражек тянулся почти до самых позиций вражеской «батареи», и партизаны незамеченными продвинулись еще ближе к противнику. До стенобитных машин теперь – не больше сотни метров. Но дальше скрытно идти уже нельзя. Значит, бой завязывать придется отсюда. Что ж, стрелки дядьки Адама не промажут. Благо костры у частокола яркие. Да и пролететь эту стометровку в галопе – дело считанных секунд.

– Твои хлопцы, дядька Адам, бьют первыми, – распорядился Освальд. – Стреляйте в тех дружинников, кто подальше от татарского князя. Не дай вам бог зацепить его самого. И сразу пошибайте лучников.

Дядька Адам принялся деловито раскладывать перед собой стрелы. Остальные волчьешкурые лучники молча последовали примеру вожака. Одна стрела, две, три... Весьма предусмотрительно! В скоротечной перестрелке со стометровой дистанции на счету будет каждое мгновение. И если стрела уже лежит под рукой, перед глазами, а не топорщится в колчане за спиной, у лучника появится небольшое преимущество.

– Янек! – продолжал Освальд. – Ты со своими бойцами скачешь со мной! С первой же стрелой – в седла и вперед, во весь опор. Не мешкать, не отставать. Ясно?

Дружинники покойного воеводы Клеменса закивали.

– Наша задача – прорубиться к татарскому князю. Бить только тех язычников, кто встанет на пути. Бегущих не преследовать. Ими займются лучники. Слышь, дядька Адам, никто не должен уйти за подмогой.

– Так никто и не уйдет, – заверил прусс.

– Збыслав! Будь подле меня. В бой без нужды не лезь.

– Да как же... – запротестовал было оруженосец.

– Цыц! Держи мачугу наготове, но особенно ею не маши. Отобьешь у татар двух лошадей – для князя языческого и для толмача. Только им самим не вздумай сдуру головы проломить.

– Ты забыл обо мне, Освальд, – подал голос Бурцев.

– Не забыл. Поскачешь с Янеком. Хотя... Вижу, ты арбалетец с собой притащил. Не пропадать же добру. Заряжай. Сначала выпустишь стрелу вместе с хлопцами дядьки Адама, потом поскачешь за Янеком. Перезаряжать не надо – время дорого.

Он пожал плечами: не надо так не надо. Тут хотя бы подготовить оружие к первому выстрелу. Бурцев упер самострел в землю, вставил ногу в тупоносое «стремя». Хорошо еще, что попалась простая конструкция – без всяких там зарядных воротов и «козых ног». Он напрягся, пытаясь натянуть тугую тетиву. Не вышло. Только кожу с пальцев чуть не содрал. Да, эта штукавина посерьезнее самострельчика Аделаиды будет, а опыта обращения с подобным оружием пока маловато.

И вновь выручил Збыслав. Оруженосец Освальда молча взял арбалет, вдавил ногой шипы «стремени» в грунт, надел толстую кожаную перчатку, подцепил тетиву и рывком – резко разогнув спину – зарядил. Готово! Короткий, тяжелый болт Бурцев вкладывал уже сам.

Освальд, наблюдавший эту сцену, неодобрительно покачал головой:

– Сдается мне, Вацлав, с арбалетом ты не очень дружен. Стрелять-то хоть доводилось?

– Было дело, – угрюмо ответил Бурцев.

Помнится, он пригвоздил к повозке Аделаиды налетчика в маске. Тогда расстояние до цели было приблизительно таким же. Правда, стрелял он днем, а сейчас... Что ж, возле костра и сейчас день.

– Ну, смотри! – сверкнул очами Освальд. – Только не подстрели татарского князя. Не то я тебя самого зашибу, понял?!

– Пан Освальд! – встревоженный шепот Збыслава заставил рыцаря обернуться.

Глава 34

Ай, нехорошо! Татарский лучник в легком кожаном доспехе настороженно всматривался во тьму. Воин наложил стрелу на тетиву, а его мохнатая лошадка, повинаясь воле всадника, сделала первый шаг к засадному овражку у холмов. Потом еще один.

– Почуял, ирод... – выдохнул Освальд. – Дядька Адам, луки к бою!

– Уже, – шепотом ответил бородач.

Люди в волчьих шкурах поднялись из укрытия одновременно. Мгновение – и тетивы натянуты до уха.

Татарин не растерялся, не шарахнулся в сторону. Вскрикнул, предупреждая соратников об опасности, вскинул свой лук. Он оказался на одной линии прицела с гарцевавшим чуть позади тяжеловооруженным всадником из охраны татарского «князька». Телохранитель тоже разворачивал коня.

Бурцев, опередив всех, нажал спусковой рычаг арбалета.

Оперенный болт ударил в цель. Лучник с разорванным горлом, хрипя и харкая кровью, повалился на землю, словно куль. Конный латник за его спиной схватился за лицо: из-под шлема торчало окровавленное короткое древко. Удачный выстрел! Арбалетный болт поразил вторую жертву. Одним махом двоих побивахом...

В воздухе уже свистели стрелы партизан. Из темноты в освещенное кострами пространство ринулись всадники Освальда. Грохнули о землю копыта, освобожденные от мягких тряпичных «портянок». Лязгнула сталь, вырываемая из ножен. Закричали, разбегаясь в ночь, полоняне...

Вражеские конники, сбитые стрелами, валились наземь. Убитые, раненые...

Бурцев отбросил разряженный арбалет, вскочил в седло, а хлопцы дядьки Адама повторили смертоносный залп. Когда он погнал Уроду вслед за дружинниками Янека, лесные лучники спустили тетиву в третий раз.

Степняки, правда, в панику не ударились. Тяжеловооруженные всадники плотно сбились вокруг своего предводителя и отступили от костров. Несколько уцелевших лучников отстреливались с невероятной меткостью и скоростью. Прежде чем отряд Освальда врубился в преграду из людей, коней и железа, Янек потерял двух дружинников. Предсмертный крик прозвучал и среди стрелков дядьки Адама. Но едва дело дошло до рукопашной, смешавшей всех и вся, обе стороны прекратили перестрелку. Время стрел прошло. Теперь судьбу схватки решали мечи и сабли.

Освальд точным копейным ударом, красиво – словно на турнире – вышиб из седла татаро-монгольского всадника. Мощный рыцарский конь по инерции опрокинул своим весом еще одного противника, но уже в следующее мгновение кто-то ловко срубил наконечник Освальдова копья. Добжинец выхватил меч.

Збыслав тем временем сбил кистенем легковооруженного лучника и теперь отмахивался сразу от трех противников. Грозно рассекающая воздух мачуга да нехарактерная для внушительной комплекции оруженосца ловкость пока спасали его от неминуемой гибели.

Дружинники Янека тоже увязли в схватке, утратив преимущество внезапного натиска. Силы оказались приблизительно равны, а в жестокой рубке кочевники ничуть не уступали полякам. Сокрушительные удары тяжелых мечей и хитроумные западные фехтовальные приемы с одной стороны. Восточная манера боя, основанная на ложных выпадах, бешеной игре легким кривым клинком и частых рубящих ударов – с другой...

Объяви сейчас кто-нибудь тотализатор, Бурцев затруднился бы с выбором – на чью победу делать ставки. Впрочем, победа, как таковая не интересовала ни одну из сторон. Поляки прорывались к татарскому военачальнику, а кочевники сосредоточились на спасении своего предводителя. Они вели оборонительный бой, даже не пытаясь контратаковать, и медленно пятились к частоколу – за раздвинутые щиты-мантлеты.

Уводят своего «князя», уводят! С ходу опрокинуть врага партизанам не удалось – небольшая гвардия панцирных всадников оказалась крепким орешком.

Бурцев бросился на помощь Освальду, которому приходилось особенно тяжело. Рыцарь пробился сквозь вражеские ряды дальше остальных, и теперь противник обступал его со всех сторон. Добжинец еще держался, но изрубленные доспехи Освальда обильно покрывала кровь – и не только чужая. Рыцарь уже пошатывался в седле. В одиночку он долго не протянет.

Бурцев успел рубануть по чьей-то чешуйчатой спине, по звонкому стальному шлему, отороченному мехом, по круглому – с плетеной бахромой вдоль края – щиту. Правда, ни один татарин так и не рухнул с коня под его мечом. Зато ближайший противник Освальда развернул лошадь мордой к Бурцеву.

– Пан Освальд! – с правого фланга к добжиньскому рыцарю пробивался Збыслав. Обзавестись запасными конями он так и не успел. До коней ли сейчас! Увесистый шарик на цепи с гудением выписывал в воздухе круги, петли и восьмерки. Два вражеских воина с разможженными черепами уже валялись позади рыцарского оруженосца.

Появление косолапого гиганта пришлось весьма кстати: израненный Освальд едва держался на лошади. Збыслав, ударив сзади, ловко – как скорлупу ореха – расколол кистенем еще один шлем. Остальных противников оруженосец просто отогнал своей грозной мачугой от обессиленного господина.

Но вот Бурцеву помочь было некому. Напавший на него кочевник оказался искусным бойцом. Первый удар прямого клинка он играючи отбил изогнутой саблей. Бурцев поднял щит, взмахнул мечом, надеясь исправить свою ошибку. И... сам едва не слетел с коня от ответного удара. Лишь по чистой случайности край щита прикрыл лицо. Но промежуток между первым и вторым взмахами кривого клинка был слишком мал, чтобы вновь воспользоваться щитом. Пришлось парировать мечом.

Металл зазвенел о металл. Сотрясение отозвалось по всей руке – от кисти до самого плеча... Сабля противника скользнула вдоль меча, цапнула эфес. Затем последовал хитроумный финт кистью. И Бурцев проводил прощальным взглядом собственное оружие, взлетевшее вверх.

Да, Васек, биться в конном строю на железе – это тебе не резиновой дубинкой махать в спортзале.

А кривая сабля отразила свет костров над головой Бурцева. Вот так, значит, кончают свой путь омовцы, сунувшиеся в чужое время.

Лающий крик перекрыл шум боя – татарский военачальник отдал своим телохранителям очередной приказ. И...

...разящего удара не последовало. Воин, уже занесший клинок над Бурцевым, резко развернул лошадь. Тот же маневр одновременно проделали и другие охранники «князька». Бегство их было настолько неожиданным и беспричинным, что поляки в недоумении замерли с поднятым оружием.

Кочевники расступились. И среди конных возник пехотинец. Все тот же желтокожий старик в длинных одеждах. Лицо перекошено. Сощуренные глазки – еще более узкие, чем у остальных степных воинов – превратились в две морщинистые щелочки, а одеяния, никак не соответствующие статусу воина, угрожающе колыхнулись. В зубах желтолицый держал дымящийся обрывок промасленной ткани, а в руках...

Бурцев всмотрелся. Две чудные болванки – по одной в каждой руке. Глиняные толсто-стенные круглобокие горшочки поблескивали железными нащепками. Похоже на плошки-лампадки с фитильками в узких горлышках.

Визжа что-то сквозь сжатые зубы, старик поднес ко рту один глиняный шар. До чего же он похож сейчас на бойца, вырывающего зубами чеку гранаты!

Ну да, а чем еще может быть эта глиняная округлая чушка?! Если набить такую порохом под завязку, да запалить фитиль...

Желтолицый уже запалил: струйка дымка взвилась над глиняным снарядом. Все правильно: большие бомбы метают во врага катапультами, маленькие – можно и так. Взмахнув рукой, старик швырнул глиняную бомбу в поляков.

Рвануло над Освальдом, Збыславом и двумя краковскими дружинниками. Всех четверых окатило сверху огнем, осколками, вонючим дымом. Оруженосец добжиньского рыцаря скорее инстинктивно, нежели осознанно, прикрыл себя и господина щитом. А вот дружинникам не повезло: обоих буквально вышвырнуло из седел. Оглушенные, обожженные, побитые осколками, подняться они уже не смогли. С жалобным ржанием рухнул конь под Освальдом: несчастному животному перебило позвоночник. Опаленный жеребец Збыслава шарахнулся в сторону. Запаниковавшие партизаны тоже разворачивали лошадей.

Плохо! Если побегут сейчас – всем крышка.

Бурцев заорал во всю силу легких, как некогда при стычке со скинами:

– Стоя-а-ать!

Поляки в нерешительности затоптались на месте. А желтолицый бомбист подпаливал фитиль второй гранаты. Огонь тлеющей ветоши, должно быть, жег ему губы, а едкий дым лез прямо в глаза: из зажмуренных щелочек ручьем лились слезы. Однако старик терпел. Выплюнул дымящийся огарок он только тогда, когда заискрился фитиль глиняного шара.

«Этот взрыв решит все», – понял Бурцев. С воплем ударил пятками в бока Уроды. Лошадь взвилась на дыбы, понесла. А несла она туда, куда направлял всадник. Цель была – треклятый старикан, изготовившийся для броска.

Урода грудью сбила престарелого «гренадера». Искрящаяся граната выпала из сухих цепких пальцев, укатилась куда-то под копыта татарских коней. А через пару секунд прогремел взрыв. Взвизгнули осколки, полыхнуло пламя. В удушливом облаке порохового дыма взлетели

ошметки мяса и кровавая взвесь. Оглушительное ржание, дикие крики, падающие всадники, искалеченные лошади...

Мимо Бурцева промчался воин в стальной чешуе. Без шлема и щита. Кривая сабля нелепо болталась на ременной петле, брошенный повод свисал с лошадиной шеи. У несчастного животного дымились и грива, и хвост. Лошадь вела себя, словно необъезженный мустанг на родео. Всадник обеими руками держался за обожженное лицо, однако не падал: ноги степняка крепко обхватили бока беснующейся кобылицы.

Упасть ему помогли. Янек достал беспомощного противника мечом. Да и остальные поляки, наконец, вышли из ступора. Воспрянув духом, партизаны с новыми силами навалились на врага. Освальд и Збыслав остались позади. Теперь отряд вел новый предводитель. Впрочем, вел – слишком громко сказано. Просто взбесившаяся Урода полностью вышла из-под контроля, вырвалась вперед и заметалась среди таких же обезумевших монгольских коньков.

Вероятно, лишь непредсказуемая траектория движения испуганной лошади спасла Бурцева от вражеских клинков. Сам-то он полностью сосредоточился на том, чтобы удержаться в седле. Оказаться на земле, под копытами сейчас было равносильно смерти. Дважды или трижды он получил ощутимые удары по щиту и шлему. Разок кривая сабля вскользь чиркнула по панцирю. А потом из облака пыли и рассеивающегося дыма вдруг вынырнул всадник с развевающимся лисьим хвостом на шлеме. И с серебряной пластиной на груди.

Глава 35

«Князек», ради которого, собственно, и была затеяна вся эта куча-мала, тоже пытался совладать со взбесившимся конем – а потому не сразу заметил опасность. Урода же неслась прямо на него. Брать «языка» голыми руками? А есть выбор?

Бурцев на скаку сбросил щит, перегнулся через седло, стараясь дотянуться до противника. Он успел перехватить руку, метнувшуюся к кривым ножам. Пальцы татаро-монгольского военачальника скользнули по богатой – с золотом и самоцветами – рукояти, но сабля так и не оскалилась хищной сталью. Лошадки заплясали друг подле друга.

Бурцев знал приемы рукопашного боя, но одолеть кочевника в конной борьбе не было ни малейшего шанса. Свободной рукой татарин вцепился в его перевязь с пустыми ножами и резко подал своего жеребца в сторону.

Уже вываливаясь из седла, Бурцев цапнул противника, но пальцы ухватили только нагрудную пластину с изображением тигра. Серебряная бляха оборвалась, а степняк истошно завопил, словно ему вырвали ухо. Орущего всадника оттеснили, чья-то рука подхватила Бурцева за шиворот, поставила на ноги. Збыслав!.. И Янек тут же – звенит мечом о татарские щиты и сабли. Ох, вовремя же его отбили – не позволили затоптать в свалке.

Но князек-то ушел! В сердцах Бурцев забросил трофейное серебро в костер. Гори оно все!

А рубиловка продолжалась.

Снова дрался, пересев на коня сраженного краковского дружинника, чуть живой Освальд. На рыцаре лица нет, а все равно лезет в самую гущу битвы. Если бы не мачуга верного оруженосца, оберегавшего добжиныца, того уже завалили бы по второму разу.

А где же... Бурцев завертел головой в поисках приметного лисьего хвоста. Да вон же он! Уже за частоколом. Рядом мелькнули длинные несуразные одежды желтолицего старика – после столкновения с Уродой бомбометатель заметно прихрамывал и держался за стремя «князька».

Туда же, к осадному тыну, отступили и панцирные конники. Выстроились в проеме раздвинутых мантлет сплошной стеной. Ни пробиться, ни обойти. На такой выгодной позиции

можно держать оборону сколько угодно. А с городских укреплений по штурмовым лестницам уже спускается подмога. Заприметили, значит, ребята неладное.

Самые расторопные, размахивая саблями и копьями, уже спешили на выручку своему «князю» через полузаваленный ров. Все кончено! Пленного захватить не удалось. Теперь самим бы уцелеть. А для этого нужно...

– Збыслав, помоги! – гаркнул Бурцев, бросаясь к осадным щитам на колесах. Оруженосец Освальда все понял сразу. Тоже соскочил с коня, отпихнул с дороги чье-то пробитое стрелой тело и...

– Посторони-и-ись! – заорал Збыслав.

Лицо силача-литвина покраснело от натуги, вздулись жилы на лбу и шее. Тяжелый щит сдвинулся с места.

– Теперь другой! – прокричал Бурцев.

Спохватившихся было кочевников отпихнули за осадный тын копьями, к Збыславу и Бурцеву присоединились двое дружинников Янека. Дело пошло быстрее. И-раз! И-два! Между татаро-монголами и поляками сомкнулась утыканная стрелами деревянная стена. Каменные ядра катапульт, подложенные под колеса, заблокировали передвижные мантиеты.

Противник забарабанил в неожиданно возникшую преграду древками копий и рукоятками сабель. Но без тарана или хотя бы пары-тройки топоров взломать ее будет сложновато. Впрочем, и укрываться за осадными щитами долго не удастся. Рано или поздно враг обойдет препятствие или незаметно перемахнет через частокол в другом месте.

Нужно было что-то делать.

– Уходить надо, – переговаривались воины.

Бурцев нашел и поднял с земли свой меч. С отчаянием глянул на сотрясающиеся деревянные щиты. М-да, не удалось! Знатный пленник ускользнул, судьба Аделаиды по-прежнему неизвестна. Не у-да-лось!

Успокоившаяся Урода сама подошла к нему, словно понукая поскорее убраться отсюда. Бурцев сунул меч в ножны, перекинул болтающийся повод через лошадиную голову, скомкал его в кулаке левой руки, прихватив пальцами гриву животного, – так проще удержаться при посадке. Правую руку – на луку седла. Ногу в стремя, прыжок – и он на коне. Теперь что? Бежать прочь от обреченного города? Нельзя уже не бежать. Нет у них иного выхода.

Послышался стук копыт. К захваченной стенобитной «батарее» подскочила ватага дядьки Адама. Число партизанских робингутов сократилось: темнота не помешала татаро-монгольским лучникам вогнать две ответные стрелы точно в цель. Лошадей с сиротливо пустующими седлами сейчас держали за поводья двое волчьешкурых конников. Они же везли луки и колчаны убитых.

А ведь во время атаки poleg еще добрый десяток краковских дружинников. Многие из уцелевших были ранены. Освальд, между прочим, тоже. Бурцев прикинул урон татар. Восемь-девять легких лучников-надсмотрщиков, столько же тяжеловооруженных всадников... Стоило ли оно того, если князек, на которого велась охота, благополучно укрылся за частоколом?

Лесные стрелки в волчьих шкурах осадили коней возле раненого добжиныца. Лица – встревожены.

– Татары! – выдохнул дядька Адам.

– Где?! – в уголках рта Освальда запузырилось красное. – Откуда?

– Облавный отряд. Человек сто с полонянами. Идут медленно, но прямо на нас. Скоро будут здесь.

– Нужно... – прохрипел Освальд. И замолк. Обмяк, пополз с седла.

Если бы не расторопность Збыслава, подхватившего господина, добжинец рухнул бы наземь.

Совсем плохо дело!

- Мертв? – тихо спросил Янек.
- Жив, – сверкнул глазами Збыслав, – Без сознания. Сейчас придет в себя.
- Ну, что скажешь, Вацлав? – краковский дружинник повернулся к Бурцеву.

Глава 36

Янек в упор глядел на него. И не только Янек. Теперь все партизаны, даже дядька Адам, не шибко жаловавший чужака, даже Збыслав, придерживавший в седле Освальда, ждали от него ответа.

Вот, значит, как? Выходит, именно он должен в безвыходной ситуации сказать решающее слово. Тоже, блин, лидера нашли. Хотя сам виноват. Не испугался татарского магического файербола – глиняной чушки, набитой порохом, вот и снискал славу героя. А геройский ореол он, знаете ли, жжется. И притом больно.

Угрюмые лица, глаза-буравчики... Да что они, с ума посходили все разом?! Нежданно-негаданно Бурцев обрел в этой лесной ватаге новый статус и право отдавать приказы. И никто не пытается это право оспорить. Даже предводитель краковских дружинников уступил ему первенство. Ну, спасибо, Янек, удружил.

Бурцев вздохнул. Все менялось слишком быстро. Не так, как он ожидал, не так, как хотел. Не успев освоиться толком в Польше тринадцатого века, он уже перестал быть хозяином самому себе. Сначала Аделаида связала по рукам и ногам. Ну да ладно, положим, заботу о беззащитной девчонке он воспринял как должное. Но теперь-то не девчонка, а кучка порубанных окровавленных мужиков сверлит его взглядами. Он шел с ними в сражение под предводительством Освальда, искренне надеясь помочь княжне. И досражался... Аделаиде не помог, зато теперь его вынуждают вести жалкие ошметки партизанского отряда на верную смерть. Оно ему надо?! Он – пришелец из другого времени. Из другого мира, можно сказать. С другими правилами. С другими проблемами.

– Татары вот-вот будут здесь, – напомнил дядька Адам. Бородач настороженно всматривался в темень оврага. – Полная сотня. Там нам не пробиться и не уйти.

Ну, и плевать! На все плевать!

– Значит, мы не станем уходить, – хмуро объявил Бурцев. – Там – не будем. Если путь к отступлению отрезан, будем наступать.

Елки-палки! А ведь решение-то верное! Безумное, но единственно правильное в данной ситуации.

В глазах обступивших его воинов мелькнуло удивление. И облегчение. Еще бы! Появился тот, кто согласен взять на себя ответственность за их судьбу и отдать последний приказ. Мать их за ногу! За две ноги! За все три!

– Снова нападём на татарского князя? – Янек, вытаскивая меч из ножен, продемонстрировал готовность к бою.

– Нет, – Бурцев покосился на сотрясающиеся под ударами мантилеты. – Поступим по-другому. Все – по коням! И вдоль частокола – галопом к городским воротам! К тем, что открыли татары.

Партизаны непонимающе переглянулись.

– Уходя от сотни татарских всадников, ты хочешь сразиться со всем их воинством, вошедшим в Вроцлав? – спросил дядька Адам. Не осуждая, не восхищаясь. Он просто констатировал неутешительный факт: всем им придется умереть.

Да, может быть, и придется. Не исключено. Совсем даже не исключено. «Но раз уж вы, голубчики, делегировали мне командирские полномочия, – не без злорадства подумал Бурцев, – будьте любезны в точности исполнять мои указания».

Они и исполняли. Все до единого разворачивали лошадей в сторону распахнутых ворот. Зубы крепко сжаты. В глазах – готовность к смерти и понимание, что иного не дано. Каждому мечталось лишь подороже продать свою жизнь!

Нет, гнать их в Вроцлав в таком состоянии нечестно.

Бурцев потратил еще несколько секунд на объяснения:

– Татары сейчас опьянены легкой победой. Рассредоточиваются по городу, теряют друг друга из виду, а мы... Если скакать кучно и быстро, если пробивать дорогу, не ввязываясь в затяжные стычки, если гнать коней без остановки до ворот Вроцлавской цитадели... Как думаешь, Янек, нам откроют ворота?

Дружинник пожал плечами. Может быть, откроют, а может, и нет, должно быть, означал этот жест. Что ж, «может быть» – лучше, чем «быть не может».

– Не знаю, – произнес, наконец, краковец, – но довести до городского замка кратчайшим путем я бы смог. Мне приходилось бывать во Вроцлаве. В свое время я сопровождал в Силезских землях посольство Лешко Белого.

– Если вроцлавцы примут нас за татар, то просто перестреляют из арбалетов, – задумчиво произнес дядька Адам. – Если же нам удастся убедить их в обратном, то...

– Все выяснится там! – Бурцев кивнул в сторону Вроцлава. А про себя добавил: «И, возможно, судьба Аделаиды тоже!»

В любом случае он не упустит возможности добраться до Казимира Куявского и потолковать с ним о дочери Лешко Белого. Вероятность того, что князь Куявии застрял в осажденном городе, достаточно велика. А если Аделаида все-таки находится в его руках... Ох, держите меня семеро!

– А ведь план неплох, – вдруг осклабился предводитель лесных лучников. Впервые Бурцев видел улыбку в густой бороде хмурого дядьки Адама. Широкую улыбку, открытую и злую одновременно. – Едем, Вацлав! Чем дольше мы торчим под этими пороками...

– Стоп! – Бурцева осенило. – У нас тут осталось еще одно дельце. Если мы доберемся до цитадели и укроемся в ней, нужно сделать так, чтобы она выстояла дольше, чем внешние стены Вроцлава.

Снаряды для метательных машин лежали неподалеку. Туда и направился Бурцев. Каменные ядра его не интересовали, а вот разложенные поодаль от костров округлые плафонообразные кувшины...

Конечно, лучше бы подложить под стенобитные орудия пороховые бомбы да запалить фитили. Но ни одной из них на глаза не попадает. Где желтолицый старик укрыл свое добро от горящих стрел вроцлавцев, Бурцев не знал, а шарить вдоль частокола в темноте нет времени. Ничего, сгодятся и зажигательные снаряды.

Первый глиняный горшок в ближайшую катапульту он швырнул сам. Второй – в чудовищную громаду требюше – тоже. Затем к нему присоединились бойцы Освальдова отряда. Только Збыслав пытался привести в себя раненого рыцаря. Кажется, у литвина даже кое-что получалось.

Партизаны оттягивались на славу! С мстительной ненавистью дружинники и лесные стрелки колотили «дьявольские» снаряды о «дьявольские» же машины. Раскалывались горшки, вязкая тягучая смесь лениво стекала по деревянным конструкциям. Больше всего досталось гиганту-требюше. Получили свое и катапульты с баллистами. Дядька Адам швырнул несколько горшков в крытые тараны, Янек выплеснул содержимое зажигательных бомб на осадные щиты.

– Все, пора уходить! – скомандовал Бурцев.

Он подхватил татарское копьё с бунчуком, макнул пыльным конским хвостом в густую лужу возле требюше и направил Уроду к затухающим кострам.

Из пропитанного нефтяным раствором копейного бунчука вышел знатный факел. Жаркий, брызжащий огненными искрами, на длинной рукояти – прямо сказочная жар-птица, вспорхнувшая в ночи. Дымящаяся птичка клюнула одну катапульту, другую... Затем баллисту, требующе...

За Бурцевым поднимался огненный след. Жар-птица обратилась в красного петуха, потом – в многоглавого дракона, жадно пожиравшего сухое дерево, политое горючим сиропом. Пламя лизало стойки, перекладыны, ворота и колеса. От нестерпимого жара начинали лопаться канаты, жгуты и толстые тетивы метательных машин.

Проносясь мимо мантлет, Бурцев мазанул огнем и по ним. Пламя занялось сразу. Татары, уже пробившие боевыми топорами изрядную брешь в дереве, отпрянули назад.

Последними он поджёг громоздкие колесные сараи с окованными бревнами-таранами. Бросил копье с огарком бунчука, хлестнул Уроду плетью татарского надсмотрщика. Нужно было догонять отряд Освальда.

Возле городских ворот не удержался – оглянулся на скаку. Ох, и славно полыхало в ночи! И до чего красиво! Языки гигантских костров, казалось, лижут само небо, а деревянные остовы осадных орудий осыпают его снопами жгучих искр.

Со стороны холмов к горящей «батарее» подскочило несколько всадников – видимо, из облавного отряда, о котором говорил дядька Адам. Наездники заметались, засуетились на фоне пылающих пороков – беспомощно и бессмысленно. Кто-то спешил, надеясь присыпать бушующее пламя землей. Да разве ж такое присыплешь?!

Оглушительный грохот перекрыл взволнованные крики степняков. Чудовищный противовес требующе – неподъемная корзина, обьятая роем огненных мух, рухнул вниз. Другой конец метательного рычага резко поднялся.

Это был последний выстрел недозаряженного фаранга. И не самый удачный. Противовес упал с небольшого расстояния, так что и броска как такового не было. Горящая праща (огонь добрался уже и до нее) лишь слабо перехлестнула через рычаг, сорвалась с пережженных ремней. Многокилограммовая глыба вывалилась из сетчатого кармана.

Ядро пролетело метра три, грохнулось у щитов-мантлет, закрывавших проем в частоколе, по инерции покатило дальше. Камень с треском разметал преграду из горящего дерева. По ту сторону осадного тына послышались вопли.

Больше Бурцев не оглядывался. Немногочисленный отряд Освальда он нагнал в гулкой арке вроцлавских ворот.

Глава 37

Как и предполагалось, новые хозяева города были ошеломлены неожиданной атакой с тыла и почти не пытались остановить продвижение партизан к городской цитадели. На пути поляков встречались лишь небольшие группки вражеских всадников. Кочевники либо недолго жались к обочине, либо спешно растворялись в дыму, либо рвали стрелы из колчанов, но опаздывая с прицельным выстрелом. Быстро собрать на тесных горящих улицах незнакомого города крупный заградительный отряд непобедимые «тартары» так и не смогли.

Чем и воспользовались поляки.

Впереди скакал Янек. Дружинник действительно знал Вроцлав как свои пять пальцев и легко ориентировался в огне и дыме. За Янеком, указывавшем кратчайшую дорогу к цитадели, следовали остальные. Освальд – в середине. Добжинец находился на грани очередного обморока, и лишь лапища верного Збыслава удерживала пошатывающегося рыцаря в седле.

Несколько раз позади слышался шум погони, но степняки неизменно отставали и терялись в лабиринтах узких задымленных улочек.

– Не стреляйте! Не стреляйте! – Янек начал кричать еще прежде, чем из дыма возникли очертания стен городского замка. Кричал он громко, кричал по-польски. Видимо, только по этой причине их не засыпали стрелами в первые же секунды.

Отряд вылетел на рыночную площадь перед Вроцлавским замком. Безлюдное пространство, мощенное камнем. Перевернутые прилавки. Брошенные телеги с товаром... Над площадью – зубчатые стены, приземистые башенки, шпили городской ратуши и собора. Цитадель отделяли от города вал и ров с затхлой стоялой водой.

В валу – проем. Через ров перекинут шаткий мостик, уничтожить который можно в два счета, сбросив сверху хорошую каменюку или бревно. Ага, бревнышко-то уже заготовлено – вон оно, висит на выступающих крючьях прямо над мостками. К крючьям привязаны веревки. Веревоочные концы теряются в бойницах. Понятно... Дерни за веревочку – мост и обрушится.

Пока веревочку не дернули. Не успели. Или специально ждут дуралеев, которые полезут под бревно, чтоб уж вместе с ними... Хлипкое сооружение, переброшенное через ров, вело к массивным и – увы – запертым воротам: кондовый дуб, щедро обитый медью. Не всякий таран такие высадит.

Ворота манили...

– Не стреляйте! – еще раз прокричал Янек.

Лошади ступили на мостки.

– Кто такие?! – гаркнули со стен.

Бурцев глянул вверх. Судя по количеству стрел, торчавших из бойниц, их держали на прицеле как минимум десятка два арбалетчиков и лучников. Да и бревно, что со скрипом покачивалось над головой, здорово нервировало.

– Не стреляйте! – в очередной раз подал голос Янек. – Поляки мы!

Между каменных зубцов возникла чья-то массивная фигура. Воин в шлеме, клепанном из железных полос, перегнулся через стену.

– Откуда?! С какого участка стены?! Почему так задержались?!

Горластый человечище... Глашатаем, небось, работает.

– С нами раненый рыцарь! – пробасил Збыслав. – Мы не из Вроцлава!

Ну, конечно... «Сами мы не местные...» Бурцев досадливо сплюнул. Зря ты это, Збыслав. Лучше уж прикинуться своими: глядишь – и впустили бы...

– Как сюда попали?!

– А через как! – не выдержал литвин. – Сожгли татарские пороки и по городу – во весь опор. Видишь, кони в мыле – еле на ногах держатся. И люди, между прочим, в седлах тоже.

– Вы?! Сожгли?! Мы думали, это Божья кара...

– Хватит ласы точить! – рявкнул Збыслав. – Открывай ворота! За нами погоня.

– Как же! А почему я знаю, кто вы та...

Вроцлавец вдруг вскрикнул – и совсем не так громогласно, как вел переговоры. Тонко, пискливо как-то... Содрогнувшись всем телом, сорвался со стены. Полетел вниз.

Переговорщик упал на край рва, сломав длинную татарскую стрелу, засевшую в груди. Еще две стрелы вонзились в дубовые ворота. Следующая повалила в ров молодого дружинника Янека. Еще одна царапнула по ноге Збыслава.

Стрелы засвистели и сверху. Били, правда, защитники цитадели пока не в столпившихся под стенами партизан, а в появившихся на рыночной площади всадников.

Бурцев поднял голову, закричал что было сил:

– Именем дочери малопольского князя Лешко Белого откройте ворота!

Фраза эта вырвалась у него сама по себе. Но, кажется, именно она была в данной ситуации заветным «сим-сим, откройся».

На стенах засуетились. Заскрипел тяжелый засов.

– Именем княжны Агделайды Краковской открывайте! – подхватил Янек.

И – о чудо! Створки ворот приоткрылись. Ровно настолько, сколько требовалось, чтобы между ними смог протиснуться человек на лошади. Партизаны двинули коней по шаткому мосту.

Завидев щель в крепостных воротах, татаро-монгольские стрелки с визгом и гиканьем бросились в атаку. Но к стенам цитадели из пылающих городских кварталов подтянулось еще слишком мало кочевников. Силенок для решительного штурма пока не хватало, а потому лишь несколько вражеских всадников смогли прорваться сквозь град стрел.

Бурцев въехал во Вроцлавскую цитадель последним. Услышал, как позади застучали о дерево мостков копыта резвых степных лошадок. Как с грохотом обрушилось подвешенное на крючьях бревно.

Мост развалился, подняв тучи вонючих брызг. Вместе с обломками в грязный ров упали два монгольских конника. Остальные кочевники отступали за рыночную площадь.

Глава 38

Как только Урода влетела на крепостной двор, громынул засов. Ворота заперты. Спасены!

Бурцев соскочил с лошади, огляделся. Стоп! Спасены ли? Обступившие партизан люди не спешили прятать обнаженного оружия. Безрадостные, уставшие, черные от грязи и копоти лица вроцлавцев смотрели хмуро, в глазах читалась злость и обреченность загнанного в ловушку зверя. Горожане, что, отступая от внешних стен к внутренней цитадели, собственноручно жгли родные улицы, не производили впечатления приятных собеседников и гостеприимных хозяев.

– Кто здесь главный?! – обратился к угрюмым воинам Збыслав. – У нас раненые, нужна помощь.

Из толпы защитников Вроцлава вышел широкоплечий и широколицый человек в неброских, но добротных доспехах. Прочный островерхий шлем, кольчуга, усиленная стальными пластинами на груди, большой прямоугольный щит для пешего боя, чуть изогнутый – прообраз знаменитой польской сабли – меч:

– Члены городского совета, главы купеческих и ремесленных гильдий, а также вроцлавский епископ, покинули город, как только стало известно о приближении богопротивного Измаилова племени, – пробасил незнакомец. – Князь Казимир Куявский, гостивший здесь с позволения нашего господина силезского князя Генриха Благочестивого, тоже отбыл. Так что никого главнее меня вы в этой крепости не найдете.

Партизаны молча воззрились на незнакомца, и тот продолжил после непродолжительной паузы:

– Меня зовут Бенедикт. Я воевода вроцлавского гарнизона. А кто вы такие?

Бенедикт обращался к Освальду, безошибочно распознав в кучке чужаков единственного рыцаря.

Добжинец при помощи Збыслава кое-как сполз с седла. Говорил он тихо, поддерживаемый верным оруженосцем. И все же в кратком ответе прозвучало неистребимое достоинство истинного польского шляхтича:

– Я – Освальд Добжиньский. Со мной мои люди.

Бенедикт нахмурился:

– Наслышан-наслышан о твоих разбойных делах, Освальд из Добжиньских земель.

Збыслав вскинулся, звякнув цепью кистеня. Вроцлавцы предостерегающе подняли мечи. Освальд слабым жестом приказал оруженосцу унять гнев и чуть слышно прохрипел:

– Если ты приходишь из благородного рода, воевода Бенедикт, я готов немедленно скрестить с тобой мечи за те оскорбительные слова, что...

Глава вроцлавского гарнизона досадливо отмахнулся:

– Не в моих правилах добивать раненых, нуждающихся в моей же помощи. Я сюда поставлен для другого – защитить город. Или хотя бы то, что от него осталось. А ты и твои люди изрядно мне в этом поспособствовали. Если, действительно, именно ты, Освальд из Добжиньских земель, пожег осадные орудия язычников у восточной стены, то я искренне благодарен тебе за это.

– Его благодари, – Освальд указал на Бурцева. – Это была затея моего оруженосца Вацлава.

Бенедикт лишь мельком взглянул на Бурцева. Ну да, раскланиваться и беседовать со всякими оруженосцами – не много ли чести?

– Хорошо, – вновь обратился Бенедикт к добжиньцу, – покончим с этим. Пусть за тобой охотятся орденский магистр и его приспешники из Мазовии и Куявии. Вроцлаву твои люди зла не причиняли. Можешь чувствовать себя за этими стенами в безопасности. У меня только один вопрос к тебе, Освальд Добжиньский.

– Да?

Было видно, сколь трудно было держаться на ногах раненому рыцарю. Но Освальд стоял – с прямой спиной и гордо поднятым подбородком. Бурцев мысленно выругался. Бедняге срочно нужен врач и постель, а он тут разговоры разговаривает!

– Там, – Бенедикт указал на запертые ворота, – вы упомянули дочь Малопольского князя Лешко Белого. По какому праву вы требовали открыть ворота именем Агделаиды Краковской? Вы ее посланцы?

– Нет. Но среди нас есть... – рыцарь закашлялся, схаркнув сгусток крови.

Збыслав вовремя подхватил враз ослабшего Освальда, кивнул Янеку – говори, мол, теперь ты.

Янек выступил вперед, почтительно склонив голову:

– Мы – дружинники краковского воеводы Владислава Клеменса, пан Бенедикт. Княжна Агделайда – наша госпожа, а потому мы имели полное право произнести ее имя перед воротами крепости.

– Дружинники Владислава? Знавал я Клеменса и краковскую дружину видел в деле еще при Лешко Белом, пусть земля ему будет пухом. Сильная дружина, большая...

– Уже нет. Перед тобой, пан воевода, все, что осталось от той дружины. Остальные наши товарищи перебиты под Хмельником.

Бенедикт разочарованно сплюнул:

– Жаль. Я-то надеялся услышать от вас добрую весть. Надеялся на помощь из Малой Польши. Думал, вы сами передовой дозор краковского войска.

Бурцев усмехнулся. Так вот почему вроцлавцы их впустили! В надежде на добрые вести. Если бы не это, погибать бы «разбойникам» Освальда под стрелами кочевников.

Янек сокрушенно покачал головой:

– Краков пал, малопольские земли разорены, а войска разбиты. Разве ты не слышал об этом, пан Бенедикт?

– Слышал, но не верил, – вроцлавский воевода мрачнел на глазах. – Мало ли что наговорят перепуганные бабы с беженских обозов. Краковская дружина была одной из сильнейших в Польше. И если уж сам Владислав Клеменс не смог остановить татар...

Бенедикт прикусил язык: его воины могли услышать то, чего слышать им не полагается. А упадническим настроениям в осажденной крепости не место.

– Найдите лекаря, – распорядился воевода. – Проводите рыцаря, его оруженосцев и краковских дружинников в покои членов городского совета. Стрелков-кнехтов – в казарму. Лошадей – на конюшню.

Бенедикт отвернулся. Все. Долг гостеприимства исполнен, и больше ничего не задерживало командира вроцлавского гарнизона. Однако Бурцева столь краткий разговор не устраивал.

– Пан Бенедикт! – окликнул он воеводу.

Тот удивленно оглянулся. Не ожидал, видать, подобной наглости от оруженосца. Но все-таки Бурцев был героем, спалившим вражеские пороки. А герои могут рассчитывать на некоторые поблажки.

– Да?

– Малопольская княжна пропала и... – начал он.

– Когда язычники берут города один за другим и громят лучшие дружины, многие пропадают – и чернь, и знать, – холодно заметил воевода.

– Но княжна успела покинуть Краков до штурма, и доподлинно известно, что ее везли к Вроцлаву.

– Значит, не довели, – пожал плечами Бенедикт. – Я, по крайней мере, никаких княжон здесь не встречал.

– Но может быть, Казимир Куявский...

– Да, он разыскивал Агделаиду, но не нашел. Иначе я бы об этом знал. За помощь в поисках княжны куявцы обещали награду. А никто, насколько мне известно, не обогатился за счет их мошны. Да и вообще не видел я знатных дам при Казимире.

– А не знатных? – не сдавался Бурцев.

Морщины на лбу Бенедикта стали глубже:

– Не знатных? Хм... Перед самым штурмом появилась тут одна парочка. Рыжий кмет и какая-то девица. Судя по одежде, служанка. Кмет оставил ее у ворот, а сам попросил стражу провести его прямо к князю Казимиру. Сказал, что имеет для него важные вести. Рыжего увели. Потом люди Казимира забрали девчонку.

Уже что-то! Значит, Яцек с Аделаидой не попали к татарам?! Значит, смогли-таки пробраться к Вроцлаву?! Вот только неясно, радоваться этому или нет. Избегнув печальной участи татарской полонянки, Аделаида стала пленницей Казимира. Пленницей-невестой с богатым приданым.

– Она здесь?! Ну, служанка эта?!

Дурацкий вопрос – наверняка ведь Казимир увез Аделаиду с собой.

– Служанка? Ах, служанка!.. – Бенедикт понимающе хмыкнул. – Она что же, выходит, твоя подружка? Не того рыжего, а твоя? Чудно получается. Ты, значит, у Освальда – известного врага мазовцев и куявцев – в оруженосцах ходишь, а девица эта прислуживает Казимиру Куявскому?

– Здесь она?! – простонал Бурцев. – Здесь или нет?!

Бенедикту тон оруженосца не понравился.

– За княжеской чернью я не слежу, – процедил вроцлавец.

Напряжение снял Освальд. Ослабевший рыцарь слышал весь разговор и тоже сообразил, о каком рыжем кмете и какой «служанке» идет речь.

– И все же, пан Бенедикт, – тихо проговорил он. – Где сейчас может быть эта девушка?

Бенедикт удивленно уставился на добжиньца. Интерес Освальда к простолюдинке, наверное, не мог не удивлять. Но все-таки рыцарю воевода ответил:

– Полагаю, в свите Казимира. Князь со своими людьми покинул Вроцлав по подземному ходу незадолго до вашего появления. Ушли с конями. Подземелье у нас знатное – хоть лошадь, хоть быка провести можно. Не побоялся, вишь, Казимир наткнуться на татар. Ушел за осадный тын язычников, к холмам, а там – поминай, как звали. Охрана подземелья говорит, будто увозили с собой куявцы какую-то девицу – связанную, с кляпом во рту.

Проклятье! Бурцев вспомнил группу осторожных всадников, на которую партизаны наткнулись возле холмов. Вовсе не татарский разъезд то был, а Казимиров отряд, выбравшийся

из подземелья! Эх, чуток бы сообразительности тогда и веры в удачу – напали бы на куявцев, разнесли в пух и прах, отбили б Аделаиду. Но поздно, блин, пить боржомом...

– Куда направлялся Казимир? – спросил Освальд.

– Сказал, что в Легницу. Да и куда ему еще податься-то – путь в Куявию отрезан: татары всюду хозяйничают. А в Легнице наш силезский князь Генрих Благочестивый собирает всепольское войско для борьбы с язычниками. Казимир обещал привести оттуда подмогу и снять осаду с Вроцлава, потому я и указал ему тайный путь из города. Еще вопросы?

Рыцарь отрицательно качнул головой.

– Тогда я вынужден тебя оставить, Освальд Добжиньский. Тебе и твоим людям нужно зализать раны, а мне пора возвращаться на стены. Татары в любой момент могут пойти на приступ. Наш лекарь проводит вас в свободные покои.

Вроцлавский воевода кивнул на пробившегося сквозь толпу сухонького старичка с бегающими глазками. В длинной заляпанной хламиде со множеством мешочков на поясе тот походил, скорее, на киношного мага или алхимика-отравителя, чем на врача.

Глава 39

– Ступай, старик. Готовь свои мази и отвары. Придешь позже, когда тебя позовут, – вроцлавского лекаря Освальд прогнал сразу же, как только очутился в просторной каменной палате.

Бурцев с любопытством оглядел помещение. Голый камень стен, открытые деревянные балки, закопченный камин в углу, узкие окна, затянутые мутным бычьим пузырем, посередине – жесткая кровать с брошенной на ложе парой медвежьих шкур. Наверное, здесь это считается роскошью...

Збыслав засуетился, стягивая с добжиньца окровавленные доспехи. Бурцев, не имевший опыта в подобных делах, отошел к окну. Под дверью столпились краковские дружинники. Лесные стрелки, которых Освальд тоже призвал к себе, выстроились вдоль стен.

– Прикрой дверь, дядька Адам, – простонал рыцарь. Ох, и паршиво же ему, наверное, сейчас было!

Бородач в волчьей шкуре сначала выглянул наружу и, лишь убедившись, что подслушивать их некому, дернул за ручку. Тяжелая дубовая дверь на массивных петлях плотно затворилась.

– Значит так, други, – начал Освальд, преодолевая боль. – Я, как видите, пока не в состоянии вести вас дальше.

– Куда уж дальше-то? – буркнул дядька Адам. – Татары кругом. Весь Вроцлав осадным тыном огорожен – мышь не проскочит.

– Проскочит, коль захочет, – прищурился Освальд. – Бенедикт упомянул о подземном ходе, по которому ушел куявский князь. Надо найти этот лаз и поскорее выбраться из города.

– Вернемся в лес? – с надеждой спросил лучник.

– Рано нам туда возвращаться. Вспомни, дядька Адам, зачем мы пришли.

– Так ведь это... – захлопал глазами партизан. – Княжну-то уже того... умыкнули. У Казимира нынче княжна.

– Умыкнуть-то умыкнули, да свадьбу пока не сыграли. Нужно отбить Агделайду, прежде чем Казимир войдет в Легницу. Куявцев ведь еще можно догнать.

– Ну, догоним. Ну, отобьем. И что дальше? Возвращаться к Вроцлаву?

– Ни в коем случае! Княжну в охапку – и сразу в леса. К нашему лагерю. Бог даст, без пороков Вроцлавскую цитадель татарам взять не удастся, а я, как только смогу сесть в седло, найду вас в лагере.

Добжинец повернулся к Бурцеву:

– Поведешь моих людей, Вацлав. Всех, кто не ранен. У тебя хорошо получается вести других за собой. Двигаться будете налегке. Возьмете с собой всех наших коней, чтобы у каждого, как у татар, по загонной лошади было. И не останавливайтесь, пока не настигнете Казимира и Агделаиду.

Бурцев улыбнулся. Уж не остановимся, пан Освальд, будь спокоен.

– Да, и еще! На обратном пути отыщите где-нибудь священника. Хотя в беженском обозе, хоть в деревенской церквушке.

– Это еще зачем? – удивился Бурцев.

– А затем, Вацлав, что не желаю я больше оставлять куявско-мазовецко-тевтонской своре шансов заполучить Агделаиду и Малопольские земли. Сами сыграем свадьбу. Свою свадьбу!

– Ты?! – Бурцев был в шоке от неожиданного прозрения. Вот, оказывается, почему Освальд так рьяно бросился на поиски княжны! – Ты хочешь...

– Взять в жены дочь князя Лешко Белого, – объявил Освальд.

Краковские дружинники недоуменно загалдели. Они еще не знали, как следует реагировать на неожиданное признание добжиныца. Зато Бурцев знал. Не допустить! Ни в коем случае! Почему? А потому... Потому что в душе его бушевала... Да, она самая и бушевала – лютая ревность! Ну, какого, спрашивается, он оберегал прекрасную полячку от всадников в масках?! Зачем присоединился к отряду Освальда?! На кой жег татарские пороки и прорывался через горящий город?! Неужели все это лишь ради того, чтобы несчастная Аделаида досталась не Казимиру, а самоуверенному добжиныцу?

– Когда ты это задумал, Освальд? – прохрипел Бурцев.

Все тайные помыслы, все сокровенные мечты – коту под хвост. Он-то наивно рассчитывал мечом добыть рыцарские шпоры, а, обретя новый статус, всерьез начать борьбу за руку и сердце Аделаиды. Но ведь для того, чтобы оруженосцу подняться на следующую ступень иерархической лестницы, ему следует неукоснительно выполнять распоряжения рыцаря-сюзерена. А если тот приказывает привести на свое ложе возлюбленную оруженосца?

«Вот и кончается, Васек, твоя служба – с горечью подумал Бурцев. – Не задалась, блин, карьера».

– Когда... ты... задумал?!

– Когда отправил княжну в свой шатер.

– Ты что же! – ахнул Бурцев, – Намеревался ее... там, в шатре... того?..

Он чувствовал, как свирепеет. Освальд же пока ничего не замечал.

– Ну, что ты, Вацлав! До свадьбы – ни-ни. Я же благородный пан, а не пройдоха какой-нибудь, портящий беззащитных девиц княжеского рода направо и налево. Пусть я не столь знатен, как Агделаида Краковская, но все-таки ношу фамильный герб и рыцарские шпоры. Так что сначала венчание, потом все остальное.

– А если она не пойдет за тебя?

– Если ей придется выбирать между мной и Казимиром Куявским, сыном Конрада Мазовецкого, думаю, чаша весов склонится в мою сторону.

– Ты говоришь так, будто у княжны в самом деле столь скудный выбор, – сдерживать себя Бурцеву становилось все труднее. – Неужели во всей Польше не найдется другого претендента на руку и сердце дочери Лешко Белого – того, который пришелся бы по сердцу самой княжне?

– Стерпится – слюбится, – пожал плечами Освальд. – Слышал такую поговорку? Княжне придется добровольно согласиться стать моей женой, или...

– Или что? Сдашь ее Казимиру? За награду?

Збыслав дернулся было, но добжинец жестом остановил литвина.

– Или я заставлю ее дать свое согласие, – глухо закончил рыцарь.

Освальд долго и пристально смотрел в раскрасневшееся лицо собеседника. Потом заговорил снова:

– Знаешь, Вацлав, если бы ты принадлежал к благородному сословию, я бы решил, что у тебя тоже имеются планы заполучить Агделаиду себе в жены.

Бурцев скрежетнул зубами: опять его бесцеремонно макнули мордой в грязь. Вольно или невольно, но дали понять, что, не будучи хотя бы захудалым шляхтичем, он не сможет соперничать с вельможными панами и рассчитывать на благосклонность княжны.

– Но, наверное, дело в другом, – продолжал Освальд. – Тебя, вероятно, беспокоит дальнейшая судьба Агделаиды. Что ж, похвальная забота. Знай же, Вацлав, со мной княжна будет под надежной защитой. Кроме того, став законным супругом дочери Лешко Белого, я смогу претендовать на малопольские земли, а позже, когда у нас появится наследник... О, большей пакости тевтонам, мазовцам и куявцам придумать трудно!

Освальд мечтательно улыбнулся.

– И только поэтому ты хочешь жениться на княжне? – прищурился Бурцев. – Из мести врагам и ради чужой вотчины. Какое выгодное приобретение для безземельного рыцаря!

– Пан Освальд?! – Збыслав вопросительно глянул на рыцаря. Руки косолапого гиганта уже разматывали цепь кистеня. От прежнего дружелюбия литвина не осталось и следа.

Добжинец тяжело задышал и недобро глянул исподлобья.

– Меня начинает раздражать твой язык, Вацлав. Ты ведь можешь и лишиться его...

Освальд вдруг умолк, сцепив зубы и зажмурив глаза. Новый приступ боли чуть не свалил израненного рыцаря. Немного отдышавшись, он все же продолжил:

– Только из уважения к проявленной тобой доблести в схватке с язычниками отвечу на твой вопрос, Вацлав. Дело не только в мести или землях дочери Лешко Белого. Агделаида мне приглянулась с самого начала. Я буду заботиться о ней, я буду нежен с ней. А теперь давай прекратим этот разговор, пока я не приказал Збыславу заткнуть мачугой твою дерзкую глотку. Если мы вырвем краковскую княжну из лап Казимира, она станет моей женой. Все! Кто не согласен – умрет.

Бурцев потянул из ножен меч.

– Я буду первым несогласным! То, что ты намерен сделать по праву сильного...

– То я и сделаю, Вацлав, – не раздраженно даже, а, скорее, устало произнес Освальд. – И не тебе становиться на моем пути. Так что спрячь оружие. Когда у Збыслава в руках кистень, у его противников нет ни единого шанса. Это не поединок на палках и не кулачный бой. Второй раз тебе Збыслава не одолеть.

Ну-ну... Бурцев обхватил рукоять меча двумя руками. Увесистый шар мачуги покачивался подобно гипнотизирующему маятнику.

– Не дури, Вацлав! – вздохнул Освальд. – Оглянись лучше вокруг.

Не похоже на хитрость. Бурцев быстро стрельнул взглядом по стенам. Тьфу, блин! Ну, и попал же он!

Волчьешкурые стрелки дядьки Адама натягивали луки. Сам бородатый пруссак тоже метил острием стрелы ему в грудь.

Опять проигрыш! По всем статьям проигрыш!

Глава 40

– Брось меч, Вацлав! – почти дружелюбно попросил Освальд.

А что, может и бросить? Отточенным острием – в незащищенную доспехом грудь добжинеца. Нет, вряд ли получится что-нибудь путное. Тяжелый полуторный клинок – это не хорошо сбалансированный метательный нож, не дротик и не томагавк. Меч ковали, чтоб рубить броню и кости. Подобное оружие удачно швыряют в злодеев только герои тупых киношных боевиков.

– Брось меч! Больше ведь повторять не буду.

Бурцев не бросил. И случилось то, чего он никак не ожидал.

Между ним и дядькой Адамом встал Янек. Тоже с обнаженным оружием. От двери к Бурцеву подтягивались остальные краковские дружинники. Лучники замерли. Пальцы на натянутых тетивах побледили от напряжения. Лица – тоже.

– Лучше ты, Освальд, прикажи своим людям опустить луки, – голос Янека звучал спокойно, но настойчиво. – А то, не ровен час, стрела у кого-нибудь сорвется. Тогда уж не обесчудь, начнется резня.

– Да как вы смеете?! – лицо Освальда побагровело.

И откуда только кровь еще берется в этом израненном теле!

– Смеем-смеем, Освальд, – все так же спокойно ответил предводитель малопольских дружинников. – Мы не твои вассалы, и мы не обязаны тебе жизнью, как Збыслав и дядька Адам. А вот Вацлав вывел нас из-под татарских сабель, когда ты едва держался в седле. И тебя самого, между прочим, тоже вывел. И потом... Он ведь совершенно прав: не тебе, Освальд Добжиньский, решать судьбу дочери Лешко Белого, силой принуждать ее к браку. Не забывай: Агдейда Краковская все еще остается нашей госпожой.

Освальд сокрушенно вздохнул. Кажется, его печаль была искренней:

– Вы все хотите погибнуть вместе с Вацлавом, да?

Никто не ответил. Только покачивались изготовленные к бою клинки. А расстановка сил такова: пятеро волчьешкурых лучников, включая дядьку Адама, израненный рыцарь и его могучий оруженосец с одной стороны; десяток краковских дружинников и сам Бурцев с другой.

– Стойте! – Бурцев поднял руку с мечом. – Все стойте! Освальд, послушай меня. Драться нам сейчас нет никакого смысла.

То, что добжиньский рыцарь до сих пор не отдал приказа своим лучникам, обнадеживало. Освальд горяч, но не безрассуден. Правда, его оруженосец...

– Вы сдохнете! – прорычал Збыслав. – Все!

Бурцев проигнорировал угрозу взбешенного литвина – он не отводил взгляда от добжиньца:

– Нас больше. Дядька Адам и его люди, конечно, не промажут. С этакого-то расстояния и в этакой тесноте. Но по той же причине, Освальд, твои лучники не успеют вытащить из колчана вторую стрелу. Посуди сам... Вы убьете пятерых из нас. Но оставшиеся шестеро вмиг изрубят всех стрелков.

– Я справлюсь с остальными! – кистень в руке Збыслава нетерпеливо дернулся.

– Маловероятно, – качнул головой Бурцев. – У тебя не будет свободы маневра, Збыслав. Ты не сможешь ни на шаг отойти от своего господина. Освальд ранен, он не в состоянии защищаться сам. Его убьют сразу, как только ты бросишься в атаку. Один кистень не защитит двух человек от шести мечей. Ну а если ты останешься при господине, кто-нибудь из нас просто поднимет лук и будет пускать стрелы до тех пор, пока не превратит вас обоих в ежей.

Збыслав заткнулся, тяжело дыша и сверля Василия ненавидящими глазами. Оруженосец у добжиньца тоже, в общем-то, оказался неглуп.

– Освальд, подумай, кто выиграет от этой резни? – вновь обратился Бурцев к рыцарю. – Только твои враги. Дочь Лешко Белого достанется Казимиру, а Малая Польша будет отдана на откуп тевтонам. Как уже случилось с Добжиньскими землями...

Это должно быть сильным аргументом. Освальд думал.

Они стояли друг против друга уже целую вечность. Сталь подрагивала в руках, словно живое существо, жаждущее поскорее напиться чужой кровью. «Если заваруха все-таки начнется, первым, конечно, нанижут на стрелу меня, – как-то совершенно безучастно подумал Бурцев. – Вторым – Янека. А сохранят ли дружинники боевой дух и решимость, оставшись без предводителя?»

Впрочем, даже если все краковцы станут действовать, как задумано, нет никакой гарантии, что схватка развернется по описанному Бурцевым сценарию. Спрогнозировать результаты рубиловки с применением холодного и метательного оружия, да в такой тесноте – дело непростое.

– Опустите оружие! – Освальд приказывал одновременно и своим людям, и дружинникам Янека. – Мы не станем драться. Сейчас не станем. Слово рыцаря!

Вздых облегчения прошелестел по просторным покоем. Похоже, бескровной развязкой были довольны как краковцы, так и стрелки дядьки Адама. Только Збыслав все еще скрежетал зубами, да сам Освальд недовольно хмурил брови. Добжинец совсем ослаб и стоял, опершись на оруженосца. Однако гордый шляхтич прилагал последние усилия, чтобы не выдать свое истинное состояние. Садиться и уж тем более ложиться в постель при всех он сейчас не станет.

– Мудрое решение, – Бурцев кивнул рыцарю. – А теперь... Янек, нам пора. Пану рыцарю нужно отдохнуть.

Он открыл тяжелую дверь, выглянул в пустой коридор, стены которого едва освещал свет редких чадающих факелов.

– Лекаря! – громко крикнул Бурцев в гулкую полутьму.

Навстречу ему уже семенил седовласый врачеватель.

– И что теперь? – спросил Янек, когда они очутились на свежем воздухе. Кажется, и он сам, и его дружинники окончательно и бесповоротно признали Бурцева своим новым вожаком. Что ж, тоже какой-никакой, а карьерный рост.

– Будем искать подземный ход, о котором говорил Бенедикт. Освальд прав. Князю нужно отбить у кувяцев. И с этим надо поспешить. Эх, знать бы еще, по какой дороге Казимир повел свой отряд в Легницу.

– Туда ведут две дороги, – проговорил Янек. – Одна через Свидницу, другая через Сродо. Но разделяться нам нельзя. Слишком нас мало – порознь кувяцев не одолеть. Придется идти наудачу. Даст Господь – не ошибемся.

За спиной скрипнула дверь. Бурцев резко развернулся, вырывая из ножен меч. Добжинец, конечно, дал слово рыцаря, но вот разъяренный Збыслав, пожалуй, что и может сейчас напасть сзади на врага своего господина. Да и дядька Адам – тоже ведь не благородных кровей. Законы чести этому лесному разбойнику – побоку.

Однако из полутьмы коридора выступил не гигант-оруженосец и не бородатый стрелок, а лекарь Бенедикта. Старик, увидев обнаженное оружие, в ужасе попятился обратно.

– В чем дело? – нахмурился Бурцев. – Почему не у постели раненого?

– Меня снова прогнали, – старый врачеватель растерянно развел руками. – Пан рыцарь в великом гневе и не желает ничего слышать о лечении. Но он очень слаб. Наверное, когда пан Освальд успокоится, меня позовут снова.

– Хорошо, – Бурцев бросил клинок в ножны. – Тогда жди у дверей покоев.

Старик, однако, замешкался на пороге.

– Что еще?

– Мне... э-э-э... Мне нужен человек по имени Вацлав. Я слышал, как пан Освальд Добжиньский, гм... – лекарь помялся в нерешительности, – непристойно ругался и призывал страшные кары на головы Вацлава и всех, кто ушел вместе с ним. Насколько я понял, Вацлав – кто-то из вас?

– Я Вацлав, – кивнул Бурцев. – Что ты хотел?

Старик красноречиво глянул на краковских дружинников. Те деликатно отошли в сторону. Врачеватель подошел ближе и торопливо зашептал в самое ухо:

– У меня послание для кмета Вацлава, который сопровождал э-э-э... некую особу...

– Говори! – прошипел Бурцев. Он с такой силой вцепился в плечо лекаря, что тот поморщился от боли, – Что тебе известно о княжне?

– Я не знаю никаких княжон – Богом клянусь! – глаза старикана расширились от испуга. – Но недавно мне пришлось лечить молодую служанку, которую привез во Вроцлав какой-то рыжий кмет. Она попала в свиту Казимира Куявского и...

– Что с ней стряслось? – встряхнул старика Бурцев. – От чего ты ее лечил?

– Мне сказали, что она случайно поранилась, забавляясь чужим мечом. Но я на своем веку повидал много ран, и готов чем угодно поклясться, что тот надрез под левой грудью девушки появился не случайно.

– Ее... – Бурцев побледнел, – ее хотели убить?!

– Вряд ли, – покачал седой головой врачеватель. – Если б хотели, так убили бы. Тут другое. Сдается мне, она сама вырвала у кого-то из воинов Казимира меч и пыталась покончить с собой.

Бурцев прикрыл глаза и глубоко вздохнул.

– Она сильно пострадала?

– Пустяки, – махнул рукой лекарь, – ничего серьезного. Наверное, служанке помешали довести задуманное до конца. Или она сама струсила в последний момент. Просто распоролла себе кожу, да по ребрам шкорябнула. Но крови было много, потому меня и вызвали. Казимир встревожился тогда не на шутку, пригрозил даже: мол, если девчонка умрет, следующим на тот свет отправлюсь я. Зато когда князь понял, что девица выживет, он даже наградил меня – целую гривну дал. Уж не знаю я, чего это Казимир так печется о простой служанке, однако рад он был безмерно. А еще под страхом смерти запретил говорить о случившемся кому бы то ни было. Так что я сейчас головой своей седой рискую...

– Ты говорил о каком-то послании, – напомнил Бурцев.

– Вот оно, – воровато оглядевшись по сторонам, лекарь быстро сунул ему в руки клочок смятого пергамента. Поверх мелких черных закорючек (видимо, состав какого-то лечебного снадобья, решил Бурцев) чья-то рука торопливо и размашисто начертала несколько слов буровато-красным.

– Что это? – вопрос был риторическим. Бурцев достаточно хорошо знал цвет крови.

– Когда меня оставили наедине с раненой, – лекарь часто и виновато заморгал, – чернил у нас не оказалось. Зато у меня нашелся пергамент и палочка для смешивания целебных порошков. Девушка писала ею. И... и своей кровью.

– Я бы не позволил, – торопливо добавил старик, увидев, как сжались кулаки собеседника, – но она сказала, это очень важно.

Бурцев кивнул. Это, действительно, было важно. Вообще-то в средние века не каждый дворянин мог похвастаться грамотностью. Но, видимо, предки Василия Бурцева, чью генную память пробудило в нем путешествие в прошлое, были достаточно образованными. И – спасибо праотцам – их далекий потомок – оруженосец-неудачник, который сейчас даже не мог претендовать на рыцарский титул, хоть и не без труда, но все же разобрал кровавый почерк княжны.

«Мой добрый Вацлав, – писала Аделаида. – Казимир добился своего, и я нынче нахожусь в его власти. Князь намеревается отправиться из Вроцлава в Легницу по Сродовской дороге. Возможно, уже там, в Легнице будет сыграна свадьба. Я молю Бога и тебя...»

Все. Больше ничего. Текст обрывался, будто дописать тайное послание дочери Лешко Белого помешали. Наверное, и правда помешали. Но больше ведь ничего и не требовалось. Ясно главное: княжна в беде и взывает о помощи. Не к благородному Освальду, гостеприимство и покровительство которого слишком смахивало на плен. Не к кичливому воеводе Бенедикту – верному слуге Генриха Силезского, который, как и Казимир, водит дружбу с тевтонами. А к нему, безвестному кмету Вацлаву, чьей помощью Аделаида однажды уже воспользовалась. И, кажется, не жалела об этом. Что ж, княжна, ты снова обратилась по адресу... Карманов на доспехах не было, а потому Бурцев после недолгого раздумья сунул пергамент лекаря в омо-

новский берц. Место хоть и не самое лучшее для послания от дамы сердца, но зато надежное. Особенно если покрепче затянуть шнуровку.

– Девушка дала мне пару гривен за услугу и пообещала, что если я найду человека, которому предназначено послание, он тоже проявит щедрость. Я ведь, выполняя это поручение, рискую навлечь на себя гнев Казимира Куявского, – врачеватель заискивающе заглянул в глаза Бурцеву.

Пару гривен? Ну, старый прохвост! Ну, враль! Наверняка ведь Аделаида вручила ему весь свой поясной кошель. Однако и эта плата – ничто за переданное письмецо.

Янек не отказал Бурцеву в любезности. Ни о чем не спрашивая, краковский дружинник ссудил несколько польских гривен. Когда деньги перекочевали в один из многочисленных мешочков лекаря, и тот, довольный, отправился к покоям Освальда, Бурцев решительно объявил:

– К Легнице поедem по Сродовской дороге.

– Та-та-ры! – вдруг донеслось с ближайшей башни.

Штурм?! Эх, до чего же не вовремя!

– Та-та-ры у-хо-дят! – радостно закричали со стен защитники цитадели.

Бурцев метнулся вверх – к бойницам...

Они действительно уходили! По неизвестной причине кочевники покидали захваченный город и откатывались за холмы. Под отдаленный грохот барабанов молчаливые отряды всадников рысили мимо горящих домов, мимо распахнутых ворот, мимо осадного тына... Двигались налегке. Никто не вез с собой награбленного добра. Все это походило на бегство, но никак не могло быть бегством. Почти победители не бегут от почти побежденных. А потому куда больше происходящее смахивало на чудо.

– Господь услышал наши молитвы! – взволнованно гудели вроцлавцы у бойниц. – Господь отвел от нас, грешных, гнев свой и карающую длань! Язычники Измаилова племени возвращаются обратно в свои адовы бездны!

Мнение воеводы Бенедикта оказалось менее оптимистичным:

– Знают, сыродцы, что без пороков нас так просто не взять, – объяснял он кому-то из подчиненных. – А татарам нужно скорее двигаться дальше в Силезию. Язычники торопятся сразиться с Генрихом Благочестивым, покуда князь не собрал большую рать. Потому и уходят они без штурма. Но еще могут вернуться. Очень даже могут.

Для Бурцева, впрочем, это уже не имело значения. Главное, что осада снята, и есть возможность немедленно – не тратя время на поиски тайных подземных ходов – отправляться в погоню за Казимиром!

Препятствий небольшому отряду краковских дружинников, пожелавших покинуть цитадель, вроцлавцы чинить не стали.

Тяжелые ворота отворились, через ров были переброшены новые мостки. Подкованные копыта отдохнувших лошадей глухо застучали по дереву, а затем – звонко и весело – по вымощенной камнем рыночной площади.

Десяток краковских воинов во главе с Бурцевым выехали из Вроцлава, как только аррьергард кочевники скрылся из виду. Небольшая дружина свернула в сторону и сразу перешла на рысь. А за осадным частоколом помчалась галопом. Каждый всадник скакал одвуконь: Бурцев и краковцы не постеснялись прихватить с собой лошадей Освальда, Збыслава и стрелков дядьки Адама. Так оно будет быстрее, да и погони со стороны людей добжиныца можно не опасаться.

Бенедикту Янек объяснил, что в путь они отправляются по чрезвычайно важному и срочному делу, и потому якобы пан Освальд позволил им забрать всех коней. Вроцлавский воевода даже не подумал о том, что разбойного пана попросту обокрали.

Им удалось избежать встречи с татаро-монгольскими сторожевыми отрядами и обогнуть стороной более многочисленную, а следовательно, менее мобильную рать кочевников. Вновь весьма кстати пришелся опыт Янека, который в прошлом сопровождал малопольских послов в Силезии и прекрасно знал Сродовскую дорогу к Легнице.

...Урода шарахнулась в сторону, когда за спиной на фоне просветлевшего утреннего неба еще клубился далекий дымок вроцлавских пепелищ. Испугало лошадь неподвижное тело на обочине, которое Василий принял поначалу за причудливую корягу. Но у коряг нет рук, а тут... Скрюченные пальцы мертвеца словно тянулись с земли к проезжавшим мимо всадникам. Отвратительное зрелище!

Бурцев натянул поводья. Остальные дружинники тоже попридержали коней. Покойник был прикрыт грязным овчинным тулупом, видимо, ему же и принадлежавшим при жизни. Янек, соскочив с коня, кончиком меча сдернул с трупа овчинку. Ветер шевельнул копну рыжих, перепачканных кровью волос. Яцек!

Вот, значит, как расплатился Казимир за Аделаиду, доставленную ему на блюдечке с голубой каемочкой. Вот какова обещанная награда. Что ж, этого следовало ожидать. Оставлять в живых малопольского кмета-беженца, который видел, как везли под венец дочь Лешко Белого куявскому князю, несподручно. Слухи о насильственном венчании могут иметь негативные последствия. Конечно, Казимир предпочел избавиться от нежелательного свидетеля.

– Куявцы в самом деле едут по Сродовской дороге, – заметил Яцек.

– Тогда по коням! Живо!

И вновь несчастная Урода дернула задом от обрушившейся на круп хлесткой плети.

Глава 41

Нагнать Казимира удалось лишь после нескольких смен лошадей. Куявцев они заметили из небольшой рощицы, через которую вела широкая утоптанная дорога.

Вереница конных фигурок, растянувшихся вдоль тракта, выделялась пестрыми одеждами и яркими гербами на серо-зеленом фоне ранней весны. Двигались всадники медленно и устало, а направлялись, судя по всему, к видневшимся вдали стенам и башням небольшого городка.

– Сродо, – озабоченно проговорил Янек.

– Что?

– Это Сродовская крепость. На полпути от Легницы. Если куявцы въедут туда или к ним навстречу поспешит подмога, нам лучше повернуть коней.

Повернуть?!

В центре куявского отряда Бурцев углядел единственную невооруженную фигуру. Женскую... Аделаида! Слава богу, хоть везли ее не поперек лошадиного крупа, а в седле. Правда, руки княжны были связаны. И связаны основательно – куда там стальным браслетам спецсредства «Нежность»! Запястья обмотаны так, что Аделаида могла держаться за повод лишь кончиками пальцев. Да и могла ли? Если б не уроки верховой езды опекуна-воеводы, княжна давно бы вывалилась из седла.

Сердце Бурцева забилося чаще. Куявцев вдвое больше, но их загнанные лошади едва передвигали ноги. Впереди на огромном коне, покрытом плотной матерчатой попоной, ехал всадник в нагруднике из толстой кожи с металлическими бляхами, надетом поверх длинной кольчуги. Ноги предводителя куявцев прикрывали металлические поножи, а плечи – плоские и широкие наплечники, похожие на погоны генерала, страдающего манией величия. Руки защищали кольчужные рукава и перчатки. Сбоку болтались два меча в богато украшенных ножнах: один – покороче и полегче – на перевязи, другой – подлинней и потяжелее – был приторочен к

седлу всадника. На пятках поблескивали шипастые колесики золотых шпор. Золотым шитьем был покрыт и наброшенный на плечи конника роскошный шелковый плащ.

Треугольный щит с изображением белого льва на красном фоне и черного орла на желтом, а также тяжелое рыцарское копье за вожакom везли двое оруженосцев в легких касках и коротких кольчугах. Третий оруженосец держал перед собой, словно ценнейшую реликвию, глухой шлем-топхельм своего господина. Лицевую сторону ведрообразного головного убора усиливали две стальные полосы, закрепленные крест-накрест. Над поперечной полосой чернели две узкие смотровые щели, а в нижней части шлема можно было различить частую сыпь отверстий для дыхания. По бокам шлема торчали два рогообразных нароста. То ли для дополнительной защиты, то ли для устрашения врага.

Предводитель куявцев обернулся к прислуге, отдавая какое-то распоряжение. Бурцев разглядел лицо – неприятное заносчивое лицо чуть располневшего, но еще уверенного в своих силах человека. Усы и борода тщательно обриты, напоказ выставлены мясистый подбородок, по-бульдोजьи отвислые щеки и искривленные в презрительной насмешке тонкие губы. Из-под толстой войлочной шапочки-подшлемника и небольшого шишака не выбивалось ни волосинки. «Лысый!» – подумал Василия.

Вожаку было под сорок. Или около того. Неужели именно его два Конрада – тевтонский магистр и мазовецкий князь пророчили в супруги только-только расцветающей семнадцатилетней красавице Аделаиде?!

– Казимир Куявский! – подтвердил догадку Бурцева Янек. – Мне доводилось видеть его еще при Лешко Белом. Ох и сдал же с тех пор князь. Постарел, жирком пооброс. Покойно, видать, ему живется под покровительством тевтонов.

– Думаешь, справиться с ним будет несложно? – Про себя Бурцев решил, что в грядущей стычке постарается лично достать ненавистного куявца.

– А вот этого я не говорил, – покачал головой Янек. – Казимир – не пример для подражания, но чего у него не отнимешь, так это смелости и боевого мастерства. Он смел отчаянно, смел до безрассудства. Согласись, трус не отправился бы самолично искать пропавшую княжну прямо под носом у татар. Да и на ночной побег из осажденного язычниками Вроцлава с обузой-полонянкой и столь малым отрядом не всякий решился бы. Ну, а что касается воинского искусства Казимира... Я присутствовал на турнирах с его участием. Может быть, сейчас рука куявского князя не так тверда, как в молодости, но, думаю, он по-прежнему остается опасным противником.

– И много там еще опасных противников, по-твоему? – Бурцев кивнул на цепочку всадников.

– С куявскими рыцарями из свиты Казимира придется повозиться. Видишь тех вон гордецов с золотыми шпорами, расшитыми перевязями и гербами на щитах? Все они с отрочества постигают науку убивать. Не будь их лошади настолько измученными, я бы вообще не рекомендовал сейчас нападать на куявцев. Но в бою рыцарь без лошади – уже и не совсем рыцарь.

Золотошпорых «профи» было полдюжины.

– А остальные?

– Кнехты-то? Оруженосцы и стрелки-арбалетчики? Вряд ли они дадут достойный отпор. В пешем строю эта челядь не представляет опасности, а лошади у кнехтов, я смотрю, еще хуже, чем у их господ: вот-вот падут от усталости. К тому же куявцы сейчас не ожидают атаки. Рыцари, вишь, хоть и в кольчугах, но без шлемов, а у арбалетов сняты тетивы. Если напасть внезапно...

Именно так они и сделали.

Рощица, из которой просматривался тракт, находилась на небольшой возвышенности, так что преследователи буквально слетели с пологого склона наперерез куявским всадникам.

Воины Казимира сделать уже ничего не могли. Для поспешного бегства их вымотанные кони были слишком слабы. Для контратаки с невыгодной нижней позиции – годились еще меньше. Единственное, что успели куявцы, – надеть шлемы, похватать оружие, развернуть лошадей мордами к атакующим и выставить перед собой щиты и копья.

Князь Казимир встал в первом ряду – среди шестерки своих рыцарей, в самом центре. За золотошпорыми всадниками изготовились к битве кнехты и оруженосцы. Стрелки в третьей линии спешились и возились с арбалетами.

Глава 42

Вообще-то, по классическим правилам военной науки нападающих должно быть как минимум втрое больше обороняющихся. Здесь же, на тракте все выходило наоборот. Но первый же удар немного уравнил шансы противоборствующих сторон.

Малопольская дружина в копеечной сшибке потеряла только одного бойца. Беднягу, не совладавшего с норовистым жеребцом Збыслава и вырвавшегося вперед между Бурцевым и Янеком, встретили сразу два рыцарских копья. Одно из них – копье Казимира – он отбить не смог. Острый наконечник пропорол кольчугу и разворотил правый бок краковского дружинника. Да... Будь жеребчик Освальдова оруженосца поспокойней и поотстань немного, возможно, тот роковой удар пришелся бы по потрохам Бурцева.

Потери куявцев в начале боя оказались ощутимее. Краковцы за время службы под началом воеводы Владислава Клеменса хорошо освоили таранные удары. Двух рыцарей они выбили копьями из седел. Третьего, чье оружие успел отбить в сторону павший дружинник, Янек удачно срубил мечом. Остальных просто повалили вместе с конями.

В первой шеренге устоял один Казимир. Бурцев попытался достать его клинком, но лишь чиркнул сталью о щит.

По инерции дружинники промчались мимо куявского князя, словно морская волна, не совладавшая с каменным утесом, и, не сбавляя темпа, ударили по кнехтам и оруженосцам, которые уже спешили на помощь поверженным панам.

Здесь дело пошло еще веселее. Сразу на пять противников стало меньше. На шесть, на семь... Упал изрубленный краковец на правом фланге. Вскрикнул еще один тяжело раненный дружинник. И все же куявцы утрачивали численное преимущество. Теперь они едва ли могли похвастать хотя бы двукратным перевесом. А малопольская дружина яростно прорубалась дальше.

Бурцев поднимал и опускал меч, чувствуя отдачу чужой стали, но не ощущая пока слабого сопротивления разрубленной плоти. Что-то громко прокричал Янек. Бурцев видел, как он и еще трое краковских воинов повернули обратно – зачищать тылы. Дело нужное. Сбитых вместе с лошадьми рыцарей желательно обезвредить полностью. Один из них – придавленный своим конем и затоптанный копытами чужих – не шевелился. Другой порывался встать, подволакивая поврежденную ногу. Третий при помощи оруженосца уже поднялся и крепко держит меч в руках. А ведь позади остался еще и Казимир. Вон он – разворачивает своего конягу и выискивает окровавленным наконечником копья новую мишень.

Ладно, Казимир обождет. Сейчас добраться бы до княжны!

Третья линия обороны... Перед Бурцевым возник спешившийся арбалетчик. Молодой парень, наверное, его ровесник, уже натянул зарядным крюком тетиву самострела. Этот ровесник – последняя преграда, за которой уже виднелось заплаканное лицо Аделаиды.

Бурцев преграду смял. Рубить на скаку – дело непростое, малопривычное еще, но этот удар вышел на славу. Под клинком не только звякнуло железо, но и хрустнула кость. Куявский стрелок уткнулся в землю. Легкая разрубленная каска слетела с его головы.

Вот она, Аделаида! Совсем рядом!

– Руки! – крикнул он.

Княжна поняла, протянула запястья, опутанные ремнями. Однако перерезать их Бурцев и не успел.

– Вацлав! Сзади!

Кричал Янек...

Бурцев оглянулся. Краковец, предупредивший его об опасности, рубился сразу с двумя кнехтами. Но, в отличие от Бурцева, не забывал при этом поглядывать по сторонам. Потому и предостерег вовремя.

Казимир Куявский мчался на Бурцева, не щадя уставшего коня. Голова в горшкообразном рогатом шлеме пригнута, щит с черным орлом и белым львом прикрывает тело от шеи до паха, острие тяжелого копья направлено в корпус противника.

Бурцев сплюнул – зло, раздраженно.

– Обожди, княжна!

Развернуть и послать в галоп Уроду – дело двух секунд. Он сорвался с места сразу, тоже набирая скорость. Сейчас Бурцев видел только несущегося навстречу Казимира и слышал удары собственного сердца, бьющего в унисон со стуком копыт.

Левой рукой Бурцев удерживал повод и старался прикрыться щитом. Правая – с поднятым к небу клинком – напряглась в предвкушении разящего выпада. О, как он ударит, как рубанет!

Правда, о рыцарских турнирах Бурцев имел весьма смутное представление. Наивные исторические фильмы да книжные описания писателей-фантазеров, никогда в подобных сшибках не участвовавших – вот и весь его багаж. Увы, ни фильмы, ни книги не дали подходящего совета – как действовать конному мечнику против вооруженного длинным копьем всадника. А потому Бурцев решил поступать по своему усмотрению.

План прост: принять вражеское копье на щит, отклонить в сторону, а когда мимо пронесется слившаяся воедино с конем туша Казимира, бить что есть сил. Привстать на стремянах и ударить с поперечным оттягом наискось – за верхний край щита. Так, чтобы клинок поднырнул под рогатый шлем. Горло и грудь противника – вот его цель. Разрубить кожаный нагрудник, изорвать кольчугу... Он верил: если ударить как следует, присоединив к силе руки свой вес и инерцию несущихся навстречу друг другу лошадей, меч пробьет вражеский доспех.

Увы. Все прошло не так, как хотелось. Казимир знал о конных поединках куда больше. Многолетний опыт реальных турниров и войн оказался полезнее, чем наивный расчет дилетанта.

За секунду до столкновения острие рыцарского копья приподнялось, блеснув перед самыми глазами Бурцева. Да, в последний момент он приподнял-таки свой щит. Да, реакция рукопашника спасла его от сокрушительного удара в голову и неминуемой смерти. Но не от поражения в поединке.

Это было похоже на автокатастрофу. Все равно, что, вжав до упора педаль газа, налететь на кирпичную стену. Ну, может быть, с той лишь разницей, что стена сейчас была сложена из железа и сама двигалась навстречу автомобилю.

Его ударило все. И сразу. Дикая скорость вражеского коня и приличный разгон Уроды. Рука Казимира, удерживавшая длинное древко копья, и немалый вес тяжеловооруженного всадника.

Высокая задняя лука рыцарского седла поглотила отдачу и удержала князя. Бурцева же удержать не могло уже ни-че-го.

Наконечник вражеского копья вогнал весь накопленный в себе чудовищный импульс разгона в щит Василия. И щит превратился в таран. А уж таран этот сшиб, смел Бурцева с лошади. Мир замелькал в калейдоскопе красок и болезненных вспышек.

Он падал оглушенный и ошарашенный. Падал, нелепо размахивая руками, теряя оружие и даже не пытаясь сгруппироваться. А потом был еще один удар – о землю. Не менее страшный. И еще один, и еще... Несколько раз Бурцев перекатился по грязному, изрытому копытами тракту. И замер, наконец, в блаженном оцепенении.

Был еще солоноватый привкус во рту. И липкое на губах. И было трудно сделать вдох. Воздух почему-то казался неподатливо плотным и вязким. Воздух не желал входить в легкие. Все? Отмучился?

Затуманившееся сознание уже направлялось куда-то по своим, независимым от Бурцева делам, бросив беспомощное тело на произвол судьбы. Сведенные в неимоверном напряжении мышцы расслабились и обмякли. Последнее, что видел Бурцев, были кресты. Черные тевтонские кресты на белых щитах и плащах. И гибнущие краковские дружинники. И связанная Аделаида, к которой неторопливо подъезжал куявский князь Казимир с обломком своего копья.

Глава 43

– ...за, пес!

Было дурно, было плохо, возвращаться из небытия не хотелось. Но слишком настойчиво хлестали его по щекам, слишком громко кричали прямо в ухо:

– Открой глаза, пес!

Он попробовал пошевелиться. Никак! Все тело словно скрутила невероятной силы судорога. Только вот судорога не впивается в кожу крепкими путами. Связали! Правда, как-то странно. Бурцев не валялся беспомощным кулем в ногах победителя. Он стоял.

Бурцев открыл глаза...

Нет, не стоял. Висел, вернее, полувисел на веревках, примотанный к стволу одинокого высохшего дерева посреди поля. Без оружия, без доспехов. Спасительная роща, откуда началась их атака, была так далеко. Аделаида – еще дальше. А-де-ла-и-да! Малопольская княжна, окруженная эскортом всадников с черными на белом крестами, уже въезжала в ворота Сродовской крепости.

На месте недавней стычки хозяйничали с десятков крестоносцев и несколько кнехтов Казимира. Бурцев скрипнул зубами: полегли все краковские дружинники. Все до единого. В живых остался только он. Остался или оставили?

Сучковатый ствол и сухая шершавая кора больно царапали руки, шею, затылок. Путы за малым не сдирали кожу.

– Ну?! Очухался?

Откуда-то сбоку выплыло мясистое лицо Казимира. Куявский князь был без шлема и даже без войлочного подшлемника. А ведь он в самом деле лыс, как колено девицы. Княжеский череп блестел от пота. Эх, сейчас бы по этой черепушке да хорошенькой дубинушкой. Бурцев не сдержал усмешки.

– Напрасно скалишься, пес! – процедил сквозь зубы Казимир. – Скоро скулить начнешь.

Лающий звук (вот уж где пес так пес!) немецкой речи заставил князя вздрогнуть. С почтительным поклоном Казимир повернулся к говорившему.

Человек, заставивший склонить голову князя Куявии, восседал на высоком статном жеребце. Всадник тоже был высок. И худ. И белобрыс. И не улыбчив. Рубахи-парня из него явно не получилось бы.

Латы всадника прикрывала длинная белая котта без рукавов, с двумя – спереди и сзади – разрезами для верховой езды и плащ на меху. Из-под грубого сукна накидки виднелись только кольчужные рукава и плетенные из мелких колец перчатки. На ногах – кольчужные чулки с металлическими поножами.

Держался худощавый наездник так, словно ничего, кроме легкого одеяния, на нем сейчас не было. Привычная тяжесть лат ничуть его не стесняла. В руках незнакомец держал шлем. Такой же горшок-топхельм, что у Казимира, только чуть более обтекаемой формы и без уступающих рогов. На голове – шапочка-подшлемник из плотной ткани с толстым слоем уплотнителя и кольчужный капюшон. У седла – треугольный щит. На боку – длинный меч в простых ножнах. Ничего лишнего, ничего нефункционального.

Но, конечно же, в первую очередь внимание Бурцева привлекли кресты! Крест на всю грудь котты, крест на левом плече плаща, крест на щите. И еще один – совсем уж маленький – крестик на снятом шлеме. Кресты – черные, тевтонские, но обрамленные желтой каймой. Кроме того, в центре перекрестия красовался небольшой щит того же золотисто-желтого цвета. На этом геральдическом щитке можно было различить изображение черного орла.

Ох, явно не простой крестоносец подъехал к Казимиру! О том же свидетельствовала и почти вассальная почтительность куявского князя, который каждому встречному-поперечному кланяться точно не станет.

Всадника с черно-желтыми крестами сопровождал конный копейщик в кольчуге и серой накидке. Беспросветно черный крест на ней был изображен в усеченном «Т»-образном виде. У мистера «Т», как окрестил про себя Бурцев этого вояку, каждая эмоция отражалась на раскрасневшемся лице. Сейчас, например, парень прямо-таки раздувался от важности.

Всадник с черно-желтыми крестами еще что-то произнес по-немецки. Смотрел он на Казимира, но голову склонил к своему спутнику.

А-а-а, понятно. Мистер «Т» тут у них за переводчика! Что ж, в самом деле важная персона.

– Господин Конрад ландграф Гессенский и Тюрингский, магистр ордена Святой Марии спрашивать, тот ли есть это рыцарь, что возглавлять смелый атак на ваши люди, герцог Казимир? – торжественно и с сильным немецким акцентом провозгласил копейщик.

– Скажи пану Конраду, сержант, что это именно тот человек, – хмуро ответил князь, названный на западноевропейский манер герцогом. – Хотя в его благородном происхождении я лично очень сомневаюсь. Скорее всего, это не рыцарь, а один из тех польских разбойников, что прячутся в Силезских лесах.

Вновь зазвучала немецкая речь. Мистер «Т» переводил ответ Казимира.

С «дойчем» у Бурцева было плоховастенько, а генетическая память на сей раз молчала. Предки-германцы в роду Бурцевых, видимо, отсутствовали. Впрочем, сейчас его больше занимал титул Конрада, с геральдической четкостью отчеканенный переводчиком-«сержантом»¹¹. Неужели это и есть тот самый магистр, о котором с такой ненавистью говорили Аделаида и Освальд. Вот уж поистине мир тесен!

– Господин Конрад ландграф Гессенский и Тюрингский, магистр ордена Святой Марии говорить, что тем удивительнее есть доблесть простолюдина, который нападать на герцога Куявии и одолевать его рыцарей, если бы не помощь наш случайный отряд из Сродобург. Еще господин Конрад спрашивать, зачем лесной разбойник атаковать герцога Казимир?

Казимир угрюмо ответил:

– Этот человек хотел похитить Агделаиду Краковскую. И, кстати, не в первый раз уже. Его опознал кнехт, состоявший на службе у моего верного вассала Якуба по прозвищу Одноух. Неподалеку от Вроцлава этот лиходей отбил княжну у моих воинов. Как мне донесли, он – чернокнижник, способный извергать адский смрад, от которого слезы застилают мир и в добрых католиков вселяется бес. Люди, коих касается его дыхание, в страшных корчах катаются по земле, словно безумцы.

---

¹¹ Сержантами в Тевтонском ордене являлись конные немецкие наемники и светские рыцари, не сковывавшие себя монашескими обетами братства.

«Казимиру поведали о “колдовском” действии спецсредства “черемуха”», – понял Бурцев. Сравнение слезоточивого газа с адским смрадом было довольно оригинальным.

– Позже, – продолжал Казимир, – Якуб Одноух с малым отрядом выследил этого колдуна и похищенную им княжну. Но чернокнижник своими заклятиями призвал на помощь известного разбойника – Освальда Добжиньского, осмеливающегося носить рыцарские шпоры. А сам чародей растаял в воздухе и увлек с собой Агделаиду. Мои люди нашли его доспехи: шлем с прозрачным забралом и панцирь из неведомого металла. Шлем, по моему приказу, раскололи секирами и боевыми молотами. Но зачарованные латы не пробивали даже арбалетные болты, пущенные с десяти шагов. Тогда я приказал сжечь проклятые доспехи, а то, что от них осталось – утопить.

Вот идиот! Бурцев криво усмехнулся. Утопить единственный на весь этот мир титановый бронник!

Мистер «Т», склонившись к магистру, быстро переводил речь князя. Брови Конрада Тюрингского медленно поднимались. Ага, прошиб-таки непробиваемое тевтонское спокойствие рассказ «герцога Казимира».

Магистр подъехал к пленнику почти вплотную – конь крестоносца теперь едва не упирался мордой в дерево. Конрад что-то проговорил. Бурцев разобрал лишь слово «вэр»¹² и уловил вопросительную интонацию.

«Интересуется, кто я такой, – догадался он. – И что отвечать этому фрицу? Ихь бин полицай фон беруф¹³? Так ведь не поймет, горшок тевтонский. И юмора не оценит. С этим у него, кажется, туго – с юмором-то...»

– Господин Конрад ландграф Гессенский и Тюрингский, магистр ордена Святой Марии спрашивать, кто ты есть такой? Как твой имя? Откуда ты есть? – скороговоркой выпалил «мистер “Т”».

– Я есть Вацлав, – передразнил тевтона Бурцев, – и еду из Вроцлав. Понимэ?

Переводчик нахмурился – скорее, озадаченно, чем сердито. Перевел. На этот раз Бурцев расслышал почтительное обращение «хэр»¹⁴ Конрад».

Магистр снова задал вопрос.

– Господин Конрад ландграф Гессенский и Тюрингский, магистр ордена Святой Марии интересоваться, ты есть поляк, Вацлав?

– Найн¹⁵, – качнул головой Бурцев. Сейчас он смотрел не на сержанта с буквой «Т» на груди, а в глаза Конраду. На таком примитивном уровне уж как-нибудь можно объясниться и без шнурка-переводчика. – Я русский. Русич. Ихь бин русишь¹⁶. Фэрштейн¹⁷, хэр Конрад?

«Хэр» он произнес с подчеркнутым удовольствием, нарочито смягчив гласный звук. Магистр, впрочем, никак не отреагировал. Видно, не заметил насмешки. Или не понял. Серый сержант, оставшись вдруг не у дел, растерянно хлопал глазами.

– Русишь? – задумчиво повторил Конрад. – Русишь...

Неужели это настолько зэр интересант¹⁸? Может, стоило все же прикинуться поляком?

– Господин Конрад ландграф Гессенский и Тюрингский, магистр ордена Святой Марии хотеть знать, у какой герцог-князь русских земель ты нести свой служба, колдун Вацлав? – вновь безбожно исковеркал вопрос «хэра» переводчик.

---

¹² Кто? (нем.)

¹³ «Моя профессия – полицейский» (нем.).

¹⁴ Господин (нем.).

¹⁵ Нет (нем.).

¹⁶ Я – русский (нем.)

¹⁷ Понятно? (нем.).

¹⁸ Очень интересно (нем.).

Ну, во-от! Классическая схема допроса: на кого работаешь и т. д., и т. п. А закончится, небось, все пытками. И ведь даже не солжешь убедительно. Поди припомни русских «герцогов» тринадцатого века! Александром Невским, что ли, прикрыться? Только вряд ли это поможет. С Александром Ярославичем немецкие псы-рыцари, судя по курсу школьной истории, не очень-то ладят.

Глава 44

– Господин Конрад ландграф Гессенский... – торопил с ответом «мистер “Т”».

А чего торопить-то?

– Знаешь, что... – усмехнулся Бурцев в лицо орденскому толмачу. – Передай-ка своему хэру, чтобы шел он на... Вот-вот, то самое и передай. А еще...

Сержант, отвесив челюсть, медлил с переводом, то ли не зная, как поделикатней пересказать Конраду слова дерзкого пленника, то ли толком не разобрав мудреного оборота речи. А может, просто не находил соответствующей лексики в старонемецком.

Впрочем, магистр, кажется, все понял без перевода. Он вновь повернулся к куявскому князю, заговорил быстро и озабоченно.

– Господин Конрад ландграф Гессенский и Тюрингский, магистр ордена Святой Марии говорить, что ты пленил русский лазутчик, герцог Казимир, – перевел тевтонский сержант. – Это есть большая удача, но господин Конрад сильно тревожить, что русский шпион охотится за Агделаيدا. Это значит, что наши планы уже не есть секрет!

Секрет?! Так-так-так...

– Пан Конрад считает, что кто-то из русских князей знает о предстоящем крестовом походе? – нахмурился куявец.

Крестовый поход? Ишь ты! Дело становится все интереснее!

– И этот неизвестный русский князь тоже хочет взять в жены Агделаиду, чтобы самому претендовать на малопольские земли?! – Казимир продолжал размышлять вслух под приглушенное бормотание переводчика. – Гм-м, честно говоря, не ожидал я от русичей такой прыти.

– Господин Конрад ландграф Гессенский и Тюрингский, магистр ордена Святой Марии считать, что это есть глупо недооценивать опасный враг, – насупился переводчик. – И еще мой господин напоминать куявский герцог, что земля Малый Польша нужна воинам Христа. Это есть важный плацдарм для поход на восток рыцарей истинной веры. Орден должен строить свой замки на земля Малый Польша. Много замки. Малый Польша есть очень выгодная позиция на границе с Русь. Оттуда ударять главный сила ордена и его союзники.

– Неужели для осуществления крестового похода ордену и его союзникам недостаточно будет приграничных владений моего отца на востоке Мазовии, а также земель Пруссии и Литвы, на которые вы давно положили глаз, – сварливо пробурчал Казимир. Так разговаривает человек, который уже смирился с неизбежным и ерепенится больше для вида. – Зачем обязательно строить замки на землях моей будущей супруги княжны Агделаиды?!

– Господин Конрад ландграф Гессенский и Тюрингский, магистр ордена Святой Марии устал объяснять упрямый герцог Казимир, что Мазовия, Пруссия и Литва есть вспомогательный участок для будущий поход, – сверкнул глазами сержант. – Там малый войско рыцарей и кнехтов вступить на северный новгородский и псковский земля. А основной удар по еретикам византийской веры – руссам должен быть с Малый Польша. Оттуда Христово воинство через Галицкое, Владимиро-Волынское и Полоцкое княжества идти на Киев и Смоленск. А потом – на остальной Русь – до Рязанских и Переславских владений.

Бурцев слушал, раскрыв рот. Что-то ему все это напоминает. Ну, конечно! Гитлеровский план «Барбаросса» – вот что! Группы армий «Центр», «Юг» и «Север» наступают на Смоленском, Киевском и Ленинградском направлениях. Правда, за неимением Питера крестоносцы

в качестве основной северной мишени выбрали Новгород. М-да, есть, значит, свою фиюры и в XIII веке...

– А затем наступать очередь богопротивных язычников-татар, – продолжал переводчик. – Так есть правильно, герцог Казимир. И только так есть. Рим уже благословляет дальновидный план господин Конрад ландграф Гессенский и Тюрингский...

Бурцев мотал на ус. Не все, оказывается, было известно Освальду Добжиньскому! Мало-польские земли нужны тевтонам вовсе не как самоцель, а лишь как средство для осуществления грандиозной экспансии на Восток. Именно ради этого затеяна вся интрига с замужеством краковской княжны Аделаиды! Геополитика, блин, однако...

Основательно закрепившись в Малой Польше, понастроив на границе с русскими княжествами военных баз в виде неприступных замков, крестоносцы двинутся дальше. Орденским братьям, заручившимся поддержкой папы римского, достаточно будет кликнуть клич и возглавить нашествие, а уж там к тевтонам с радостью присоединятся жадные до драки и добычи мелкие феодалчики вроде Освальда, которым пока не посчастливилось урвать свой кусок в бесконечных междоусобицах на тесных землях старушки-Европы.

Обделенным судьбой воякам нужен только новый командир и новая идея, что облагородит перспективный завоевательный поход. А нести светоч истинной веры погрязшим в византийской «ереси» русичам и диким язычникам степей – чем не альтернатива освобождению Гроба Господня!

Европейское рыцарство, которому сарацины пообломали рога в Палестине, теперь хлынет на земли русских княжеств. Грядущую битву с псами-рыцарями на Чудском озере в этой мясорубке никто, наверное, и не заметит. Вспомогательный участок есть вспомогательный участок. А судьба Руси будет решаться на направлении главного удара. И судьба эта казалась Бурцеву ох какой незавидной.

Разрозненная Русь вряд ли сможет противостоять единому натиску крестоносцев. А ведь тевтоны, в отличие от степняков, не откатятся обратно после скоротечного набега. По своему обыкновению они начнут всячески укрепляться на захваченных землях. Поставят замки, зазовут для освоения чужих территорий германских колонистов и безземельных рыцарей, пожалуют обширные лены верным союзникам. И Русь перестанет быть Русью. А Россия не появится вовек. В общем, татаро-монгольское иго, если таковое вообще имело место в истории, отдыхает! Гитлер с его становящимся ненужным броском на восток, надо полагать, тоже.

Вот ведь какая хренотень получается. Убереечь Аделаиду от ненавистного брака с Казимиром Куявским – отныне не только дело чести, любви и ненависти... Теперь и Отечество в опасности! Жаль только, ничего сделать уже нельзя. Насчет своей участи Бурцев не обольщался. То, что Конрад и Казимир открыто обсуждают при нем свои сокровенные планы, означает одно: и магистр, и князь списали пленника со счетов. От дерева его отвяжут только мертвым. А может, так и оставят – гнить на крепких веревках. В назидание прочим разбойникам и шпионам.

– Надеюсь, лазутчик не успел передать своему господину, кем бы он ни был, сведения о том, что княжна Агделаида уже находится в наших руках, – произнес Казимир.

– Господин Конрад ландграф Гессенский и Тюрингский, магистр ордена Святой Марии говорить, что руссы не должны знать того впредь, – отозвался переводчик. – Господин Конрад говорить, что нужно убивать пленник, герцог Казимир. Но сначала нужно узнавать все, что знать он. И лучше делать все это прямо здесь, а не в Сродобурге. Чужой город есть большое чужой ухо. Не есть очень хорошо, если оно станет слышать признания Вацлава.

– О, разумеется! – расплылся в улыбке князь Куявии. – Вацлав все расскажет нам прямо здесь. А потом здесь же и сдохнет.

Магистр Конрад вновь подал коня к связанному Василию. Заговорил, глядя сверху вниз. Сержант был тут как тут:

– Господин Конрад ландграф Гессенский и Тюрингский, магистр ордена Святой Марии спрашивать тебя, русич Вацлав, отвечать ты на все вопросы сам или тебя сначала пытатель?

Бурцев промолчал. Хоть под пыткой, хоть без оной ничего вразумительного сказать он все равно не сможет. Не лазутчик он. И не посылали его шпионить в польских землях русские князья. И Аделаиду он пытался умыкнуть не в угаре вассальной преданности, а в тайной надежде на то, что может быть... когда-нибудь...

И кто этому поверит?!

Так и не дождавшись ответа, Конрад вновь обратился к Казимиру:

– Господин Конрад ландграф Гессенский и Тюрингский, магистр ордена Святой Марии, – затараторил переводчик, – интересоваться, как герцог Казимир желать пытать и умертвлять свой пленник.

– Огнем и мечом, – буркнул куявец. – Другого у меня нет. Я князь и воин, а не палач. Ничего, кроме оружия, с собой не вожу.

– Господин Конрад ландграф Гессенский и Тюрингский, магистр ордена Святой Марии говорить, что это не есть предусмотрительно.

Конрад Тюрингский что-то прокричал своим людям. Кого-то позвал...

Через пару минут спешившийся крестоносец с угрюмым лицом, густой проседью в волосах и невыразительными глазами усталого садиста раскладывал перед пленником свой походный арсенал. Щипцы, щипчики и щипчища, ножи самых невообразимых видов, форм и размеров. Иглы, ножницы, тиски для пальцев, воронки для вливания в рот кипятка и расплавленного олова, шипастые валики и «скалки» для сдирания кожи... Много чего здесь было.

Бурцев аж взмок. Давно ему не становилось так паршиво.

– Господин Конрад ландграф Гессенский и Тюрингский, магистр ордена Святой Марии говорить, что теперь вы можете просто давать приказ, герцог Казимир. Наш брат Себастьян есть искусный мастер по добыче правды.

Сержант хихикнул. Наверное, последнюю фразу он добавил от себя. В качестве шутки.

Очень смешно! Бурцев подумал, до чего же легко и спокойно служилось в ОМОНе!

Глава 45

«Давать приказ» Казимир не успел. В застывшем воздухе что-то просвистело. Зловещую предпытную тишину нарушил громкий чмок. Хваленый мастер по добыче правды упал, уткнувшись пронзенным черепом в грудь аккуратно разложенного железа. Окровавленное острие стрелы торчало из затылка брата Себастьяна. В пустой глазнице подрагивало оперение. По щеке медленно стекала кровь и белесая слизь. Стрела, что вышибла тевтону глаз, была длинной, гораздо длиннее польских стрел. Доводилось Бурцеву уже видеть такие в Вроцлаве. Татарская стрела!

Ноги палача еще сучили в предсмертной агонии, а на тевтонов и куявцев посыпались новые стрелы. Заржали раненые кони, завопили люди. Шальной железный наконечник с сухим стуком ударил в дерево у виска Бурцева.

Конрад и Казимир первыми прикрыли головы шлемами, подхватили щиты и рванули из ножен мечи. Три человека, не столь расторопные, уже корчились на земле рядом с братом Себастьяном. А стрелопад продолжался. Появившиеся в отдалении, у самой рощи, легковооруженные всадники, отнюдь не рвались в рукопашную. Небольшой, в общем-то, отряд – десятка полтора-два. Но гоняться сейчас за юркими конными лучниками – дохлый номер. Стоять на месте и бестолково подставляться под их стрелы – еще глупее. А тугозарядные куявские арбалеты никак не могли сравниться в скорострельности с луками противника.

Из Сродовской крепости, правда, выдвигалась подмога, но слишком медленно, и слишком далеко она была.

Упал, пронзенный стрелой, еще один рыцарь с черным крестом на белом плаще. Упали два кнехта князя Казимира.

Тевтоны обступили своего магистра со всех сторон. Короткий выкрик на немецком – и украшенное крестами каре двинулось к городским укреплениям. Построение не ломалось: дисциплинка у тевтонов была та еще! За воинами Христа в беспорядке отступали куявцы.

Казимир чуть замешкался. С обнаженным клинком направился к Бурцеву. Огнем и мечом, так? Что ж, мечом, конечно же, выйдет быстрее.

Сразу две стрелы впились в бок княжеского коня. Раненое животное осело на задние ноги, рухнуло наземь. Всадник едва успел спрыгнуть с седла. Оруженосец Казимира, молодой юноша в кожаной кирасе и с тазообразным шлемом на голове тут же подскочил к нему, отдал господину поводья своей лошади.

– Спасайся, князь! Твоего пленника убьют татары. Спаси...

Сильный толчок бросил его в объятия Казимиру. Между лопаток верного оруженосца трепетала стрела.

Казимир медлить не стал. В Сродовскую крепость он влетел на лошади павшего слуги.

...Татары пленника не убили. Всадники в мохнатых шапках покружили у одинокого дерева, собирая стрелы и добывая раненых. Крепость, в которой укрылись магистр Конрад и Казимир Куявский, пока не извергала карательных отрядов – сродовцы, видимо, опасались, что вслед за небольшим отрядом подтянутся основные силы противника. И все же степные кочевники чувствовали себя вблизи чужого города неуютно. Сильно трофеями нагружаться они не стали и вскоре повернули коней к далекой рошце.

Только один всадник задержался возле Бурцева. Невысокий круглолицый воин с миндалевидными глазами, редкими бровями и маленькими усиками. Легкий доспех из бычьей кожи с нашитыми на груди и животе костяными пластинками из лошадиных копыт казался экзотическим шаманским нарядом. На голове возвышался колпак из кожи и меха, усиленный железными полосами: и шапка, и шлем одновременно. Сзади – на спине – болтался плетенный из упругих веток и обтянутый кожей щит – легкий, но вряд ли достаточно прочный, чтобы выдержать удар рыцарского копья или меча. А вот кривая сабля на поясе – оружие, отсутствующее у других конных лучников, свидетельствовала, что пленником заинтересовался предводитель отряда.

Вжик! Сабля выскользнула из ножен.

– Кем син?¹⁹ Кем?

Бурцев попытался понять, чего хочет кочевник.

– Алман?²⁰

– Юк²¹, – незнакомое короткое словечко сорвалось с губ само собой. Незнакомое Бурцеву, но не его предкам.

Брови над раскосыми глазами степняка поднялись вверх. Сабля – тоже.

Или замочит прямо сейчас. Или... освободит, что ли?

Изогнутый клинок блеснул на солнце. Пути ослабли.

– Бире!²² – позвал подчиненных воин с саблей. – Тиз!²³

Бурцева отвязали от дерева лишь для того, чтобы связать снова. Он не успел восстановить кровообращение в посиневших руках и постарался отогнать прочь мысль о сопротивле-

---

¹⁹ Кто ты? (*татарск.*)

²⁰ Немец? (*татарск.*)

²¹ Нет (*татарск.*).

²² Сюда! (*татарск.*)

²³ Быстро! (*татарск.*)

нии. Сопротивляться? А, собственно, зачем?! Между пыточными инструментами тевтонов и жесткими веревками из конского волоса Бурцев все-таки выбрал последнее.

– Пойдешь со мной! – безапелляционным тоном заявил всадник.

Бурцев уже не удивлялся тому, что понимает незнакомца без перевода? Чему удивляться-то? Если частичка польской крови при переносе во времени пробудила генетическую память и распахнула лингвистический багаж далеких предков-шляхтичей, то же самое должно случиться и с языковым наследием татарских пра-пра-прадедушек и бабушек. Вот с немцами, да, не повезло. Ну, нет в нем ни капли немецкой крови и все тут.

Кочевники уже затягивали петлю аркана на связанных перед грудью руках пленника.

– Будешь упрямиться – умрешь, – пригрозил предводитель.

– Яхши, – пожал плечами Бурцев. – Хорошо.

Лошадей в галоп не пускали. Кочевники ехали рысью, но взятый с самого начала темп не снижали.

Полонянина гнали на аркане, конец которого был прикреплен к седлу обладателя сабли. Гнали хорошо, гнали долго. Давненько Бурцев не совершал таких пробежек по пересеченной местности. Пару раз падал, волочился по земле на прочной веревке, изловчившись, вскакивал снова и бежал... бежал... Нужно было бежать: вряд ли татары станут церемониться с пленником, оказавшимся обузой. Секир башка – и дело с концом.

Вообще-то за каждым кочевником рысили запасные коньки. Однако полонянина в седло не сажали. Коней степные воины берегли...

Насколько Бурцев понял, его перехватил один из передовых дозоров, рыскающих в далеком отрыве от основных сил. Раздобыв пленника и осмотрев сродовские укрепления, разведчики возвращались, чтобы отчитаться перед своим ханом.

В лагерь кочевников он прибыл в состоянии загнанной лошади. Плохо соображая, куда и зачем его ведут, Бурцев с трудом переставлял ноги. Но пока еще переставлял.

Глава 46

Между двумя огнями, горевшими перед входом в большой, но отнюдь не блистающий роскошью (длинные жерди да войлочная ткань) шатер Бурцева и пленившего его татарина, угрюмые охранники в чешуйчатой броне вели так медленно, словно намеревались зажарить или закоптить заживо обоих. Степной воин отдал провожатым оружие и стоически сносил едкий дым и жар углей. Так и должно быть, задыхаясь, убеждал себя Бурцев. Огонь для языческой культуры многих кочевых племен является святыней. Огонь очищает помыслы проходящих мимо, а значит, иной дороги в шатер татаро-монгольского военачальника нет.

Их подвели ко входу на южной стороне юртообразного жилища. Бурцев нечаянно вдохнул очередную порцию дыма. В горле запершило, сухой кашель сотряс все кости. А в следующую секунду стража впихнула его копейными древками под полог шатра. Кто-то со сноровкой бывалого спецназовца бросил Бурцева мордой в землю. Удар, правда, немного смягчил большой затоптанный ковер.

Он поднял глаза. Рядом уже лежал ниц предводитель татарских лучников. Кочевник распластался без чужой помощи – по собственной воле. Застывшими статуями встали у входа телохранители. В центре округлой юрты тлели угли очага. Над ними – отверстие в крыше. Для выхода дыма и входа света, надо полагать. Но дыма здесь было много, а света мало.

Возле очага под небольшим углом поднимался опорный столб шатра. За ним, напротив входа располагался грубый глиняный алтарь с изображением неведомых идолов, кое-как высеченных и размалеванных. Зато слева висела настоящая, вышитая на шелку картина – портрет симпатичной азиатки. Недурный, надо сказать, портрет.

Справа свалена в кучу богатая сбруя и оружие. Там же неподвижно восседал и хозяин шатра. Звякнув броней, незнакомец шевельнулся. Скуластое обветренное лицо с редкой растительностью и раскосыми глазами, покрывала обильная сеть морщинок. Однако властный взгляд все еще отпугивал старость. Хозяин шатра был крепким и жилистым человеком, а скупые, но точные движения выдавали в нем опытного бойца, всегда готового к смертельной схватке.

Мягкие расшитые подушки, на которых он сидел, плохо вязались с ладной фигурой воина. Такой «трон» больше подходит какому-нибудь разжиревшему изнеженному султану, а не рубака с солидным стажем. Роскошные подушки предназначались скорее для демонстрации высокого социального статуса татаро-монгольского военачальника.

Молчание. Изучающий взгляд острых глаз-щелочек. Неторопливый кивок...

– Непобедимый хан Кхайду, внук Тимучина, провозглашенного на Великом курултае Чингисханом – Повелителем Сильных, позволяет тебе говорить, юзбаши²⁴ Бурангул, – торжественно обратился к предводителю разведывательного дозора один из стражей.

Непобедимый хан... внук Тимучина, провозглашенного... Ну, конечно, как же без этого! Бурцев невольно вспомнил «Господина Конрада ландграфа Гессенского и Тюрингского, магистра ордена Святой Марии...» Да, в благоговении перед звучными регалиями Восток мало отличается от Запада.

– На пути к Легницким землям стоит крепость с прочными стенами, непобедимый хан. За стенами укрылись польские воины и немецкие всадники, носящие на одеждах черные кресты, – Бурангул докладывал, не поднимая лица от ковра.

– Я смогу взять ее быстро? – сухой голос Кхайду-хана прозвучал в тишине шатра, словно треск дерева на морозе. – Ты с лучшими воинами своей сотни ездил в разведку и должен знать это.

Бурангул вздрогнул всем телом, напрягся. Похоже, от верного ответа сейчас зависело многое. Может быть, сама жизнь сотника.

– Я... Я не имею права давать советы непобедимому хану. Я могу только сказать то, что видели мои глаза и...

– Говори, – поторопил хан. – Ты достаточно умен, чтобы иметь собственное мнение. Сейчас я хочу услышать его. Только говори правду. Говори то, что думаешь, юзбаши.

Бурангул тяжело вздохнул:

– Для осады потребуется слишком много времени. Этот польский город укреплен почти так же хорошо, как Вроцлав. Захватить крепость штурмом без осадных орудий и огненного запаса трудно. А того и другого мы лишились под стенами Вроцлава.

Пришла очередь вздрагивать Бурцеву. Если хан узнает, по чьей вине татары остались без пороков и горшков с «напалмом»... Лучше б тогда погибнуть тебе, Васек, от меча Казимира.

– А взять изгоном?

– Невозможно, непобедимый хан, – Бурангул еще сильнее вжался в ковер. – Перед крепостью – открытое поле. Даже ночью нельзя подобраться незамеченным. К тому же поляки почти все время держат ворота закрытыми.

Хан сокрушенно покачал головой:

– Меня расстроил твой ответ, Бурангул, сильно расстроил. Мы спешим в легницкие земли и не можем тратить время на долгие осады силезских городов.

Бурангул перестал дышать.

– Но мне по нраву твоя смелость, – продолжал хан. – За смелость я вознаграждаю щедро. Ты не веришь в могущество моих туменов и не боишься говорить об этом. Что ж, правильно.

---

²⁴ Сотник (*татарск.*).

Одной верой победы на этих землях не добьешься. Мы сможем обойти крепость, оставив ее в тылу?

– Это возможно, – сотник воспрял духом. – Правда, придется вступить в лес, но...

– Ясно, – оборвал хан. – Теперь расскажи о своем пленнике.

Бурангул расслабился. Его доклад был краток:

– У поляков и немецких воинов с черными крестами на одеждах было двое пленных. Молодая женщина и этот человек. Женщину увезли в крепость, а его хотели казнить в поле. Мы отбили пленника. Он говорит по-нашему, и я взял его с собой. Здесь, в Польше, это большая редкость. Кроме того, возможно, он укажет непобедимому хану слабое место в обороне крепости.

Только теперь внук Темучина-Чингисхана удостоил Бурцева взглядом:

– Откуда ты знаешь язык воинов степи?

– Я много путешествовал, – уклончиво ответил он. Ответил по-татарски, привыкая к пробудившимся навыкам полиглота.

– За что тебя приговорили к казни носители черных крестов и их польские союзники?

– Дрался против них, вот и приговорили.

– А против нас ты тоже дрался?.. – глаза кочевника изучали пленника. – Я слышал о лесном отряде, который без разбора нападает в этих землях на кувявцев, мазовцев, немцев и моих воинов. Ты принадлежишь к этому отряду?

Бурцев молчал. Врать перед этими пронизательными глазами опасно. Сказать правду – опаснее вдвойне.

– Ладно, поговорим о другом. Если ты сможешь взять польскую крепость, то будешь свободен и богат. Если откажешься, с тебя сдерут шкуру и бросят в огонь.

Снова от него требуют невозможного!

– Я не был в крепости и не знаю ее слабых мест. Меня захватили в плен за городскими стенами, и там же хотели казнить, – ответил Бурцев.

И приготовился умирать – долго и мучительно. Но испытующий взгляд Кхайду он все-таки выдержал.

Прошло около минуты, прежде чем хан заговорил снова. Обращаясь уже к Бурангулу:

– Я не вижу и не слышу лжи. Ты взял бесполезного полонянина, сотник. Он не годится ни на что, кроме грязной работы и грязной смерти. Уведи его к пленным полякам и уходи сам.

...В ту ночь, к великому счастью Бурцева, кочевники отдыхали после длительного перехода. Так что смог, наконец, передохнуть и он. Спать. Сейчас – только спать. Знакомство с собратьями по несчастью, затравленно сбившимися в кучу под охраной вооруженных воинов, было отложено до завтра.

Глава 47

Снова повезло! Или не повезло? За поваленными деревьями не таились силезские лучники и арбалетчики. Небольшую группу пленников, среди которых оказался Бурцев, надсмотрщики гнали на расчистку очередной засеки. С тех пор, как тумены²⁵ кочевников начали обход Сродовской крепости, многотысячной орде пришлось углубиться в лес. А лесов степняки не любили. Леса заставляли растягиваться их в узкую беззащитную колонну. Леса лишали свободы маневра. Леса сводили на нет преимущества конницы, привыкшей к бескрайним степным просторам. А тут еще и засеки...

---

²⁵ Тумен – 10 000 воинов в татаро-монгольской армии.

На разбор лесных завалов обычно посылали пленных. Они были не только черновой рабочей силой, но и живым щитом на тот случай, если за непролазными баррикадами из бревен и веток засели вражеские стрелки. От других полонян Бурцев уже наслушался о жестоких лесных стычках. Отчаянные ватаги вроде Освальдовой несколько раз устраивали в буреломах засады. Партизаны не щадили никого, так что первыми под польскими стрелами и копьями гибли пленные поляки. Сами степняки шли на приступ сразу за полонянами. Спешившись, они упрямо карабкались по поваленным деревьям и трупам, словно муравьи, и неизменно одерживали победу над горсткой лесных храбрецов.

Нередко тактика живого щита использовалась также при штурмах крепостей или замков. Уцелеть во время таких приступов пленным полякам было практически невозможно. А вот в атаках на засеки шанс на спасение имелся.

Полоняне, пережившие лесные столкновения, поучали Бурцева: «Как только начнут свистеть стрелы – не беги обратно под татарские сабли, а, наоборот, прыгай прямо на засеку, забивайся в щель между бревнами и притворяйся мертвым. Если повезет – не растопчут и не зарубят». Пленники рассказывали даже, будто кое-кому под шумок удавалось незамеченным выскользнуть из мясорубки и укрыться в лесу. О таких счастливицах говорили с завистью.

Это была уже третья засека из тех, что приходилось разбирать Бурцеву. Но ни одного шлема и ни одного копейного острия за ней не поблескивало. Силезия больше не разменивалась на мелкие стычки. Тот, кто хотел драться, отступал к Легнице – под знаменами Генриха Благочестивого, отступал для решающего сражения. Но брошенные без охраны засеки все же существенно замедляли темп продвижения татаро-монгольских войск. Надсмотрщики злились. Нагайки так и плясали в их руках, выискивая жертву. Полоняне, не желая попадать под плеть, работали споро, без понуканий. Вскоре в завале появился расчищенный проход. Армия степняков двинулась дальше.

Из леса вышли до темноты. Сразу был объявлен привал. Сгущающиеся сумерки осветили тысячи костров, а костры означали долгий отдых. Кхайду-хан берег силы людей и лошадей.

Снова – как всегда перед сном – Бурцев расшнуровал омовские берцы – благо на диковинную для этих мест и времен, но грязную и внешне непрезентабельную обувь не позарились ни тевтоны с куявцами, ни татаро-монгольские воины. Он вынул из-за голенища небольшой сверток с клочком заветного пергамента.

«Мой... обрый Вац... ав...», – слова, наспех выведенные кровью Аделаиды, уже стирались. Кровь, пусть даже княжеская – это все-таки не чернила, и на телячьей коже держится плохо.

Каждый вечер, таясь от угрюмых польских крестьян – собратьев по несчастью и от неусыпно бдящей стражи, Бурцев доставал послание и заглядывал в пергамент. Он был далек от героев сентиментальных мелодрам, орошающих слезами письма возлюбленных. Этот ежевечерний ритуал требовался для другого: удержаться от соблазна бежать, как только стемнеет. Сразу же, немедленно.

И рассудок, и интуиция в один голос подсказывали Бурцеву: риск непозволительно велик. Стражники не спускали с пленных глаз, и шансов напороться при побеге на кривую саблю или поймать спиной длинную оперенную стрелу несравнимо больше, нежели возможностей благополучно вырваться за границы походного стана.

В принципе Бурцев готов был рискнуть, если бы на карте стояла только его жизнь. Но проблема в том, что сейчас он не вправе решать за себя одного – сейчас от него зависит и судьба любимого человека. Аделаида, написавшая письмо собственной кровью, ждет и надеется. Погибнув во время неудачного побега, он обманет ее чаяния. И тем самым обрекает бедняжку на ненавистное супружество. Нет, бежать надо наверняка. Дождаться, как советуют умные люди, лесной заварушки на засеке – и деру. Если из татарского плена выкарабкается он сам, то уж и Аделаиду как-нибудь выручит из беды.

Берцы со спрятанным в них куском драгоценного пергамента Бурцев положил под голову – так никому не удастся умыкнуть ночью его главное сокровище. Мысли уставшего пленника сами собой устремились к малопольской княжне. Образ молодой взбалмошной девушки возник как наяву. Смешной вздернутый носик, по-кошачьи зеленые глаза, точеный стан, распущенные русые волосы, великолепное платье. Потом платья не стало...

Обнаженная Аделаида – томно улыбающаяся и в то же время необычайно серьезная – призывно протягивала руки. Она была перед ним вся. Свежая, юная, жаждущая... И только волосы, рассыпавшиеся по плечам и груди, еще прикрывали наготу девушки.

Бурцев не выдержал. Шагнул к ней. И шагнул снова. И едва не вскрикнул, когда между ними встал – вдруг, из ничего, из ниоткуда – Казимир Куявский. Лицо князя скрывал глухой тевтонский шлем, но уж Бурцев-то прекрасно знал, чьи глаза горят лютой ненавистью за узкой смотровой щелью. Казимир поднял руку с обнаженным мечом. Острие клинка ткнуло под ребра. Потом еще раз. И еще. Сон ушел. Пришла боль.

– Этот, что ль?

Его окончательно разбудил густой бас и грубый пинок в подреберье.

– Ета, ета! – зачастил чей-то тонкий голосок.

Бурцев открыл глаза, плохо соображая спросонья. Отблески почти погасшего костра освещали две фигуры.

Один силуэт – огромный, словно медведь, поднялся на задние лапы. Гигант при каждом движении позвякивал доспехами. Понацеплял, блин, на себя железа... Кольчуга с длинными рукавами и круглым нагрудником-зерцалом, стальные наручи и латные перчатки. На поясе – меч. Как ни странно, прямой, без сабельного изгиба. Трофейный, наверное. Голову целиком прикрывает куполообразный шлем с железной полумаской и кольчужной бармицей на лице и затылке.

Вторая фигура – маленькая и тщедушная. На этом человечке вообще не было брони. Только длинный халат да широкая островерхая шляпа, плетенная из соломы. Лица под шляпной тенью не разглядеть.

– Твоя уверена? – пробасил гигант.

– Верена-верена! – закивал малой.

Оба говорили по-татарски. И оба говорили по-татарски скверно. Тот, что в железе, – чуть получше. Тонкоголосый недомерок – хуже. Явно это был не их родной язык.

– Моя долго смотрела и моя узнала! – торопливо продолжал малой в шляпе. – Этот человек вел польский разбойника и жег наша камнемёта возле Вроцлав-города. Доложить надо Кхайду-хан...

Сон как рукой сняло. Бурцев тоже «моя узнала» говорившего. Да это же тот самый желтолицый старичок-гренадер, швырявшийся пороховыми гранатами.

– Уже доложили, – медведеобразный гигант еще раз больно пихнул пленника ногой под ребра. – Восстань, ты!

Вероятно, на ломаном татарском это означает «вставай». Но Бурцев приготовился именно «восстать». Во-первых, пнули, как собаку. Во-вторых, испортили такой чудесный сон. А в-третьих... Все равно терять-то теперь нечего. Раз в нем опознали поджигателя осадной техники, то, скорее всего, убьют на месте. Значит, двинуть напоследок кому-нибудь в зубы – невелик грех.

Проснувшиеся и испуганные полоняне отползали подальше, зато отовсюду подтягивались надсмотрщики с плетями.

– До земля тевтонских замков еще далеко, а ты погубил наш пороки, орденский хвост! – распалялся гигант.

Наверное, тип хотел сказать что-то вроде «орденский прихвостень». Интересно все-таки, какой язык у этого парня родной, если он так безбожно коверкает татарский? Впрочем, «хвост» в его устах тоже звучит обидно. Особенно если орденский.

Бурцев напрягся, намереваясь вскочить, и тут... Подгоняя нерасторопного пленника, громила в железе бесцеремонно вышиб ногой из-под его головы обувь. Сами берцы до костра не долетели, но вот выпавший пергамент угодил прямо в присыпанный золой жар. Послание Аделаиды, писанное ее же кровью, вспыхнуло на красных углях. А вот это было уже слишком!

Прыжок – и Бурцев стоит на ногах. Еще прыжок – и голая пятка заныла от удара о круглую нагрудную пластину чужого доспеха. Неожиданный толчок едва не опрокинул татарина в соседний костер, но бугай все же удержался на ногах.

Гигант взревел, вырвал плоть у ближайшего надсмотрщика.

Уклониться Бурцев не успел. Плечо и спину ожгло болью. А еще секунду спустя перед его носом мелькнул бронированный кулак. Бурцев ушел с линии атаки, удачно перехватил руку противника, чуть присел, сопровождая движение закованного в железо здоровяка и усиливая его же первоначальный импульс, немного развернулся. И еще раз...

Наземь тяжелого бойца бросил в общем-то бесхитростный, но действенный прием. Увлекаемый энергией своего выпада и собственным весом, утратив контроль над телом воин упал со звоном и грохотом. Бурцев мысленно поблагодарил тренера-рукопашника, который, помимо всего прочего, обучил его и базовой технике айкидо.

Эффектный бросок ошеломил свидетелей схватки. Но ненадолго. Две-три секунды – и дерзкого пленника обступили воины с обнаженными саблями.

– Не мешать! – вдруг раздался повелительный окрик. В свет костров вступил хан Кхайду в окружении свиты. – Пусть дерутся! Хочу посмотреть, сколько продержится пленник против лучшего кулачного бойца моих туменов.

«Лучший боец» уже поднялся, расстегнул и скинул на землю пояс с мечом, начал снимать рукавицы, обшитые стальными бляхами.

– Это лишнее, – остановил хан. – Дерись в доспехах – целее будешь. Сегодня тебе попался достойный противник, а мне калеки в войске ни к чему.

Калеки? Бурцев, конечно, польщен, однако не переоценивает ли старина Кхайду его возможности? С такими соперниками на ринге Бурцеву встречаться еще не приходилось. Вне ринга – тоже.

Он еще раз окинул взглядом снаряжение противника. Бить в голову бесполезно. Только расшибешь о шлем кулаки и ноги. Корпус, упрятанный в кольчугу и нагрудник, тоже недосыгаем – пятка – вон – до сих пор болит. Да и на руках этого медведя – сплошь железо. Уязвимыми остаются только ноги. Широкие штаны да сапоги из плотной кожи не спасут от хорошо поставленного удара.

Противник выставил перед собой бронированные кулаки. Правый отведен для удара чуть дальше, чем следовало бы. Левый – чуть ниже идеальной защитной позиции, но в остальном... В остальном – классическая поза боксера. И кто после этого скажет, что бокс – английское изобретение?!

Боксер тринадцатого века попер в атаку. Боец он оказался отменный. Бурцев старался держать противника на дистанции. Бил ногами в ноги и тут же отскакивал назад. Татарин, не привычный к подобной тактике, пытался и рычал от боли, но удары держал стойко. И хуже того, быстро учился на своих ошибках. Кочевник пытался сократить дистанцию. Доспехи несколько сковывали его движения, и лишь вынужденная медлительность спарринг-партнера позволяла пока Бурцеву избегать столкновения с молотоподобными кулаками.

Так продолжалось, пока ему не почудилось, будто противник ошибся. На самом деле ошибся сам Бурцев. Перехват на болевой правой руки не увенчался успехом. Кольчужные

рукава оцарапали ладонь, и в то же мгновение тяжелая левая перчатка со смаком впечаталась в скулу. В глазах вспыхнул и померк свет.

Пока Бурцев поднимался, хан Кхайду с любопытством наблюдал за ним. Надо драться – публика ждет. Он вытер кровь с разбитой скулы. Хорошо же ему досталось! Слава богу, кость цела. Пока цела... И зубы вроде на месте. Правда, кровищи во рту полным-полно.

На него снова надвигался закованный в железо спарринг-партнер. Бляшки на левой перчатке были в красных пятнах. Против лома, как говорится, нет приема. Бурцев чуть отступил, выигрывая время. Выдержит ли он еще один удар латной рукавицы? Весьма сомнительно. А уж если попадет не под левую, а под правую руку, то второй раз точно не встанет. Эх, ему бы сейчас такие же боксерские перчаточки, да поувесистей! А то нечестно получается, неспортивно. Ладно, Измаилово племя! Раз вам по нраву бои без правил, так тому и быть!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.